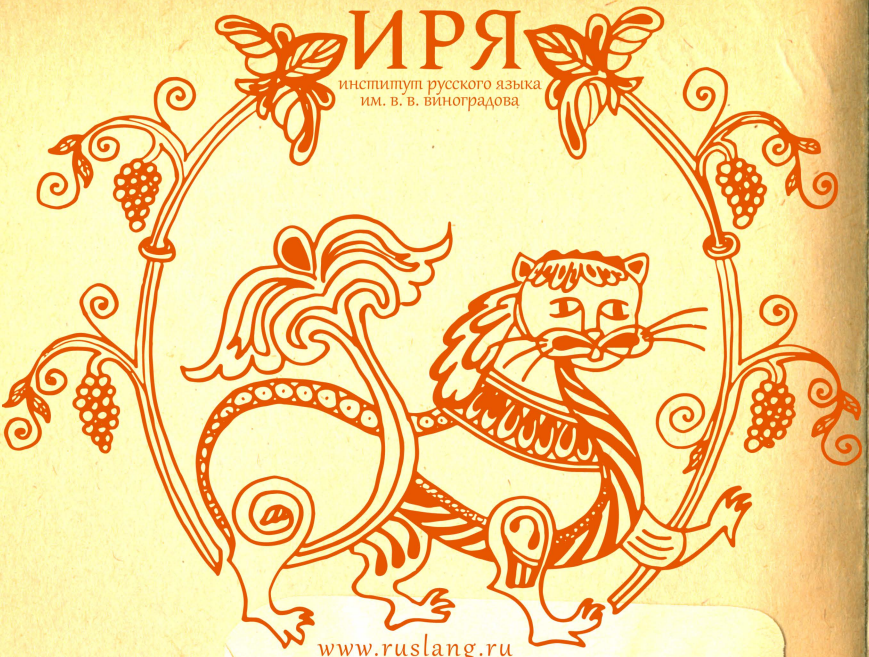
9
И-90

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

61
4.1.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

86509

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-ЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ 1

МОСКВА
1991

Настоящий сборник продолжает разработку вопросов исторической лексикологии русского языка в историко-культурном аспекте. В статьях сборника получают дальнейшее развитие идеи двух ранее вышедших сборников, освещающих иные аспекты изучения русской лексики (см. сб. "Русская региональная лексика XI–XVII вв.", М., 1987 г. и "Группы русской лексики XI–XVII вв.", М., 1989 г.).

В тематических разделах предлагаемой книги представлены исследования различных лексем, групп лексики и фразеологизмов, тесно связанных с культурной жизнью Древней Руси и Российского государства в различные эпохи их истории. Особое внимание уделено теоретическому обоснованию историко-культурного подхода к лексикологии, историческому анализу деловой, социально-экономической, литературоведческой терминологии, а также названиям некоторых реалий.

Сборник представляет результаты приготовительной работы по созданию фундаментальной лексикологии русского языка и содержит материалы, полезные для составления исторических словарей.

РЕДАКТОРЫ: д.ф.н. Г.А. Богатова
д.ф.н. З.М. Петрова

РЕЦЕНЗЕНТЫ: к.ф.н. Н.И. Хренова
к.ф.н. Л.А. Марченкова

И 4-90

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

86509

© Институт русского языка АН СССР, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической".

Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л., 1947, с.13.

"Язык является средством, при помощи которого мы получаем большую часть сведений о культуре".

Коул М. и Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977, с. 54.

В реконструкции истории культуры существенная часть приходится на историю лексических отношений, на лексикологическое описание языка в его устном и письменном – в течение веков – бытовании. Кризис культуры начинается там, где допущен обрыв традиций в филологическом изучении языка, его памятников письменности, его словарного состава .

Из всех словарных жанров – диахронические – этимологические и исторические словари – лучше всего исполняют свою меморативную функцию хранителя памяти и традиций народа, и потому именно через этот словарный жанр мы обращаемся "к истории культуры как к сфере письменно зафиксированных обнаружений жизни" (П. Гайденко. Герменевтика и кризис буржуазной историко-культурной традиции. – ж. Вопросы литературы № 5, 1977, с. 136).

Словарь вводит в научный оборот значительный культурологический материал, он начинает и лучше всего стимулирует диалог двух культур – культуры уже умершей, ушедшей в века и культуры живой, он помогает нащупать те традиции, ту непрерывность, которая соединяет день вчерашний и сегодняшний, помогает понять, как

через передачу духовного опыта в слове "глубинно наследуется ... исторически масштабное единство укорененных поколений" (Т. Глушкова, Литерат. газета, 17 сент. 1988 г.). И для современной культуры это составляет одну из самых острых проблем.

Древний текст и его пословная интерпретация на страницах словаря дает еще один эффект - вплетения памятника письменности в ткань литературных стилей его времени, хронологизации жизни слова, его семантических изменений в одном из ее конкретных культурно-национальных вариантов. Через слово, его свободные и устойчивые сочетания, через те грани слова, которые проявляются во фразеологии, образном, метафорическом и метонимическом употреблении слова, в локальных ассоциациях мы нащупываем специфику той этнокультуры, той исторической реальности, наследниками которой мы являемся.

"Фактически любое слово национально-своеобразно не только как лексема, не имеющая точного соответствия в близкородственных языках, но и как семема. Слова имеют только аналоги в других языках, совпадая лишь частично в своем предметном содержании, но они могут отличаться коннотациями и лексическим фоном". (Г.Д. Томахин, Прагматический аспект лексического фона слова. - см. Филол. науки, № 5 , 1988, с. 83).

Справедливо полагая, что атомарность описания, предлагаемая алфавитным историческим словарем, может привести к тому, что даже "в исторической лексикологии в подробностях анализа" может "исчезнуть общая картина изменений", В.В. Колесов ("Мир человека в слове Древней Руси". Л., 1986 г.) предлагает использовать "методику ключевых слов" и ключевых сопоставлений: соотносить "историю слов с реальной историей древнерусского общества", сопоставлять "результаты лингвистических исследований с результатами исторических и литературоведческих" штудий на ту же тему. В этой конкретной истории Руси "столкновение культур и совмещение двух языков проходило свои этапы", когда языческому (славянскому) и христианскому (византийскому) началу предстоял тысячелетний совместный путь.

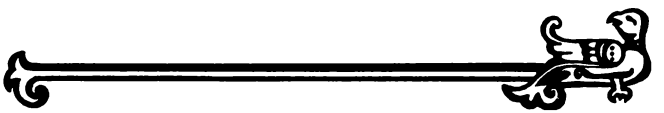
Этот сборник продолжает поиски подходов к исторической лексикологии русского языка. См. сб. "Русская региональная лексика XI-XVII вв.", М., 1987 г., "Группы русской лексики XI-XVII вв., М., 1989, где в разделе "Лексические совокупности, их языковая и культурно-историческая интерпретация" практически началась и те-

ма настоящего сборника. Открывающая сборник статья О.Н. Трубачева "Славянская этимология и славянская культура" на опыте работы над "Этимологическим словарем славянских языков" (ЭССЯ) продолжает на новом уровне методику ключевых слов. В сборнике участвуют лексикографы и лексикологи Словаря русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.) (историко-этимологические материалы Л.Ю. Астахиной, М.И. Чернышевой, историко-словарные К.А. Максимовича и др.).

Описание языка и культуры, анализ формирования специальных подъязыков (деловой язык, язык науки), анализ авторского языка властителей дум своего времени – все эти разные аспекты исследования немыслимы без обращения к внеязыковой истории и реальной общественной ситуации своего времени. Расширение границ наблюдения за историей слов (XVII–XVIII и даже XIX в.) закономерно. Закономерно и то, что созданию исторической лексикологии будут содействовать своими трудами лексикографы исторических словарей XVIII и нач. XIX века.

Сокращенные обозначения источников, отсутствующие в общем списке сокращений, приводятся по Указателям источников к СлРЯ XI–XVII вв. (М., 1975, Дополнения – вып. 5, 10) и к СлРЯ XVIII в. (Л., 1984).

Подготовку к печати настоящего сборника вел К.А. Максимович.

Этимология. Семантика. История культуры

О.Н. Трубачев

СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ И ПРАСЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

О важности изучения языка для понимания культуры сказано много. Все разделяют мнение, что по мере углубления в древность эта важность возрастает. Известная крайняя гипотеза Сэпира-Уорфа о том, что язык вообще моделирует представления людей, т.е. их культуру (ср. новую работу [21, 16]), вызвала не один только интерес, но и энергичные возражения. Сейчас положение в науке сбалансировалось в том, скорее, негативном смысле, что мы по-прежнему не очень хорошо знаем объяснительную силу данных языка и прежде всего – его лексики для исследования истории и культуры народа. То, что значение этих данных реально и даже очень велико, обычно допускается – как бы за неимением лучшего (этим "лучшим" всегда считались письменные памятники) – для древних эпох. Но кажется все-таки необходимым отстаивать мысль, что значение данных языкознания, лексикологии, этимологии для подлинного понимания культуры абсолютно во все времена, в том числе и в современную эпоху, изобилующую письменными источниками.

Сейчас мы обращаемся к реально-семантическому аспекту и берем за основу не категории внешнего мира и вытекающие из них абстракции, как это делали Дорнзайф и Бак (за более подробными справками позволю себе отослать читателя к тексту своего доклада 1963 г. [13]), и начинаем не с бога и религии (как это сделал Касарес). Этот второй подход, как это ни странно, обернулся бы определенной модернизацией и анахронизмом даже для праславянской древности.

Мы начинаем с человека и выражений (праславянских и более древних) его отношения к главным моментам его жизни (рождение, смерть), к его статусу среди себе подобных – прежде всего – и в окружающем мире вообще. Как мы можем представить себе это сейчас, древний славянский человек стремился понять себя и все с собой связанное. Таким образом, цель наших далеких предков не так уж далека от неизменной высшей цели самой высокой науки также нашего настоящего и будущего – познать самого себя. Если добавить, что при этом достигается, хотя бы в какой-то степени, взгляд на праславянскую культуру изнутри, глазами и умами ее но-

сителей, то можно согласиться, что это предмет, достойный внимания науки.

Как и исследования по этногенезу славян, так и исследования в области праславянской культуры в немалой степени вырастают из нашей многолетней работы над праславянским лексическим фондом при подготовке Этимологического словаря славянских языков (ср. также итоговую статью [14, 80] , где уже выдвигалась проблема этимология и история культуры). Вместе с тем мы не вправе затушевывать наметившееся различие между исследованиями по лексико-семантической реконструкции (этимологии), где реконструкция культуры сводится в основном к наличию культурного фона (план реалий), и исследованиями, где главный сюжет - реконструкция самой культуры. Существуют различные градации сочетания одного и другого, но преобладают все-таки работы по этимологии с моментами культуры при практически полном отсутствии, скажем, лингвистических опытов реконструкции целых фрагментов культуры или таких же работ, претендующих на раскрытие духа древней культуры.

Только в отношении прозрачных поздних слоев культурной лексики можно утверждать, что "анализ и комментирование связи между историей языка и историей общества - это легкое, увлекательное и часто весьма поучительное дело" [26, 5] . Большинство же исследователей слишком хорошо знает, как затрудняется это "легкое" дело сложностью семантических изменений, в которых, по распространенному мнению, преобладает отсутствие регулярности и закономерности. Однако все изменения значений слов (даже так называемые "окказиональные") по-своему закономерны, все дело в нашем знании или, чаще, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и из культурных звеньев. Естественно, что лингвисту приходится трудно в тех случаях, когда семантическая мотивация носит интердисциплинарный характер, т.е. не только и не столько языковой, сколько культурный (kulturbedingt). К этому надо присовокупить и не всеми в нужной степени сознаваемую непрямолинейность собственно языкового отражения внеязыковой действительности. Напр., слово токсический, токсичный 'ядовитый, отравляющий' попало в русский, по-видимому, через франц. toxique из греческого. Но в греческом оно прочно связано с гнездом τόξον 'лук, arcus ' - τοξικός 'лучный'. Впрочем, у Аристотеля отмечается употребление τοξικόν в значении существительного - 'яд, которым смачивают стрелы' [I9, II24] , вторичность этого

употребления ясна из формы среднего рода по причине согласования этого первоначального прилагательного с субстантивом φάρμακον: τοξικὸν φάρμακον , буквально 'лучный яд, яд для лука'. Это тот случай, когда лингвистически "окказиональное" семантическое изменение обретает полную закономерность в контексте культурной семантики.

Не лишне указать на различия между исторической лексикологией и историей, особенно реконструкцией культуры. В идеале историческая лексикология языка – это прежде всего исчерпывающая инвентаризация и классификация его словарного состава. Ср. труд по русской исторической лексикологии В.Кипарского с довольно подробными списками Erbwörter - Fremdwörter - Neubildungen [27]. Этого недостаточно для реконструкции древней культуры, потому что реконструкция древней культуры – это реконструкция духа культуры. Здесь многое решает установка на ключевые слова, а отнюдь не полнота инвентаря всех лексических средств выражения культуры. Раскрытие духа культуры приближает нас к проблеме реконструкции древней идеологии, убеждает в том, что аспект самосознания и мировоззрения – главнейший аспект человеческой культуры, в том числе культуры древних славян.

Реконструкция постоянно демонстрирует относительность категорий и границ, "строгие" классы оказываются при реконструкции довольно лабильными группировками и, вместо непримиримого противостояния, сообщаются между собой и мирно уживаются, четкое разделение труда всегда вторично и как правило проблематично. Огромное большинство феноменов культуры и их языковых выражений производно и вторично. Сама языковая номинация реалий при детальном рассмотрении способна обескуражить своими проявлениями некой цикличности. Так в споре о том, какой принцип номинации вернее – "имя раньше вещи" (nomina ante res, A.Goetze apud Knobloch [29], причем имеется в виду ситуация, когда слова первоначально обозначали другие вещи, а не те, которые они стали обозначать потом) или принцип "имя после вещи" (nomina post res , см. Кнобloх [там же], близкие мысли о естественном "отставании" традиционной терминологии культуры от реального прогресса самой культуры развивались и в нашей книге "Ремесленная терминология славянских языков", 1966 г.), – как кажется, не остается другого выхода, кроме как признать относительную справедливость обоих принципов.

Древние славяне, продолжавшие жить в стадии индоевропейской родоплеменной организации, были, несомненно, земледельцами, и реконструкция культуры почерпнет при этом больше из данных языка, свидетельств лексики, а также ономастики, чем из позитивистской истории, принимающей на веру рассказы византийских историков, церковных и военных деятелей о славянах как бездомных бродягах, лесных жителях и грабителях (ср. исследования по славянской топонимии в Греции, убедительно показавшие, что славяне здесь занимались корчеванием, земледелием и даже торговлей для сбыта излишков своего земледельческого производства [30; 5]). Добавим, что всю соответствующую культурную терминологию славяне принесли с собой на крайний юг Балканского полуострова как уже готовую. Преимущественно земледельческая культура славян оказывала влияние на формирование также других, неземледельческих культурных понятий и терминов, что ведет свое начало в принципе еще к индоевропейскому. Но говорить о славянах только как о земледельцах нельзя, правильнее сказать, что это земледельцы-скотоводы. Но и это определение будет неполным, если не упомянуть о сезонном собирательстве славян (примеры - ниже), занятии, безусловно, более древнем, чем земледелие. Занятия доземледельческого периода продолжали сохраняться у славян наряду с земледелием. То же и в еще большей степени можно утверждать о древних индоевропейцах, скотоводах и земледельцах. Отрицание Марией Гимбутас самобытных корней земледелия индоевропейцев [22, 193] объясняется недостаточным знанием свидетельств языка и произвольным толкованием свидетельств археологии.

Земледелие у славян принадлежит к числу индоевропейских традиций, т.е. носит очень древний характер. Исследователи отмечают, что среди основных славянских земледельческих терминов нет ни одного надежного балто-славянского новообразования [24, 131]. Уже указывалось, что древнейшее славянское производное с суффиксом -'an- это *sedl'ane , которое обозначает оседлую, преимущественно земледельческую группу населения [10, 15]. Еще более архаична культура собирательства, терминология которой у славян обнаруживает даже относительные новообразования, в частности, среди лексики заготовки впрок листьев и веток деревьев и кустарников на корм скоту ср. *brъšč̌l'anъ (и варианты), название плюща и береслета < *brъsati, *brъskati 'счесывать, сбрасывать' (ЭССЯ, вып. 3, с. 59-61). В общем только славянское распространение имеет одно специальное название породы дуба - *č̌esminъ / *č̌esmina ,

хотя на его базе даже реконструировали и.-ев. *kesmos 'обрывание листьев', сюда же, в конечном счете *česati , русск. чесать, в смысле 'обрывать, счесывать (листья)' (ЭССЯ, вып.4, с. 88). Из этой терминологии собирательства, пожалуй, только название дерева *grab(r)ъ , соотносимое со слав. *grebti в указанном выше значении 'сгребать, срывать', имеет также индоевропейские диалектные соответствия в близких названиях деревьев: др.-прусск. wosigrabis 'бересклет', умбр. Grabovius , собственно 'дубовый', эпитет Юпитера, макед. γράβιον 'факел, (< 'дубовый'?). (ЭССЯ, вып. 7, с. 99). Имеются также языковые, лексические следы специально доземледельческих значений, в том числе и в земледельческой терминологии. Они имеют в наших глазах принципиальную важность, потому что могут показать самобытную природу земледелия (вырастание из доземледельческих занятий), например, у индоевропейцев. Гимбутас отрицает в праиндоевропейском языке отражение "доземледельческих условий" [22, 193]. Однако такие отражения есть, и они нуждаются в дальнейшем изучении. Ярко земледельческий, культурный отпечаток несет на себе индоевропейское название семени *sēmen –, собственно, 'сеемое, то, что сеют', прекрасно сохранившееся в слав. *sěmę, русск. се́мя, мн. семена́, ср. новообразование праслав. диал. *naseně̌je (польск. nasienie , укр. насіння) с тем же корнем. Ясно, что доземледельческое название "несеемого" семени растения должно было быть принципиально другим, и мы находим его в заимствованных истоках слав. *konopja 'конопля' – др.инд. ka̍ṇa – 'зерно, семя, крошка', индоир. *kana – , сюда же греч. κόνις 'пыль', лат. cinis 'зола, пепел', ср., далее, греческое название семени, семячка, зернышка, с чертами экспрессивности (ЭССЯ, вып. 10, с. 191). Семантика доземледельческого названия семени ясна: 'пылинка, порошинка'.

Характерно, что глагол *grebti , русск . грести, истоки которого уходят еще в практику собирательства – 'сгребать, срывать' (ср. то, что выше кратко сказано о *grabrъ , дерево граб), попал в терминологию гребли, передвижения на воде с помощью весел непосредственно из понятийной сферы обработки земли, ср. об этом Мейе у Фасмера [15, т. I, 454]. Но случаются и обратные влияния и притом значительные, например, – со стороны терминологии передвижения по воде на терминологию обработки земли. Это оказалось возможным при введении усовершенствования в способе обработки земли. Так, колесный плуг показался человеку древности плывущим при

сравнении с сохой, которая тащилась с трудом, отсюда - слав. *plugъ: *plu=g=: *pluti, *plovǫ 'плыть', ср. *stru=g= (послужившее источником герм. *plōga- [6, 175 и сл.]). Обратный путь заимствования - из германского в славянский [28, 545; 15, Ш, 287] все-таки маловероятен, в частности, по формально-фонетическим причинам, поскольку герм. *plōga - в таком случае необъяснимо в плане германского передвижения согласных, а для немецких слов, содержащих pf (Pflug), еще Хирт предполагал заимствованное происхождение. В немецкой литературе в связи с этим говорили о герм. *plōg- как о слове "доримского происхождения, полученном из дунайского региона" [28, 545], что вполне согласовалось бы с нашей концепцией среднедунайского праславянского ареала. Предположение о кельтском источнике [25, 437] отпадает ввиду сохранения и.-е. p- в начале слова, хотя такое предположение и могло бы опереться на Плиния, который приводит слово plaumorati, название двухколесного устройства на языке местного населения in Raetia Galliae. Сюда же примыкает и plovum aut aratrum в лангобардских законах УП века. Оба эти слова (plaumorati, где rati pl. - 'колеса', и plovum) имеют отчетливо индоевропейский, но не германский облик (ср. выше) и вместе со слав. *plugъ образуют изоглоссную зону в Центральной Европе, где культура земледелия носила древний характер и постоянно совершенствовалась. Вообще древнейший деревянный плуг, как считают, был найден в Восточной Фризландии (север ФРГ) и отнесен к середине IУ тыс. до н.э. [33, 174-175; 32, 277], после чего трудно согласиться с мнением, что "в Европу плуг проникает из Древнего Востока лишь не ранее середины П тысячелетия до н.э. [3, т.П, 690, с литературой].

Касаясь некоторых дальнейших архаизмов мышления, обратим внимание на коренное различие славянско-индоевропейских названий дня и солнца. Речь идет о том, что белый свет, свет, не имеющий прямого источника (рассеянный свет, как мы бы сказали сейчас), воспринимался как нечто совершенно отличное от солнечного света. Наблюдения по этому поводу содержатся у Б.А. Рыбакова [9, 248, 368]. Белый небесный свет, дневной свет и вообще день имеют названия - слав. *dьnь, и.-е. *di-/*dei-, тогда как солнце обозначается иначе: слав. *sъlnьce, и.-е. *sul-/*saul-. Для современного человека противопоставление между обоими понятиями практически отсутствует, но для наших предков оно имело фундаментальный характер, кажется, недооцениваемый современной мифо-

логической наукой. Я имею в виду утверждения о том, что представление о боге ясного неба у индоевропейцев - *dieus - развивалось в представление о боге солнца [36, 2]. Видимо, осторожнее и правильнее будет говорить о Зевсе / Юпитере только как о боге (ясного) неба. То, что здесь имеет место некое индоевропейско-славянское своеобразие, а отнюдь не универсалия, следует из сравнения с финно-угорскими языками, где известно одинаковое обозначение дня и солнца, ср. венг. nap 'день; солнце'; фин. päivä 'день; солнце'.

За чертой видимого мира - неба и земли - древнему человеку виделся иной мир, куда уходили свои и чужие. Это рождало образ трудноодолимого рубежа на безвозвратном пути. Глубоко укоренились воззрения, согласной которым в тот мир переправляются через воду [35, 15]. Опираясь на эти моменты типологии, попытаемся пересмотреть соответствующие случаи, которые имеют самое прямое отношение к архаизмам мышления. Еще Мейе отмечал народность славянского названия рая - *rajь, его дохристианскую, языческую природу [7,411]. Очень популярная этимология слав. *rajь, объясняющая его как заимствование из иранского, ср, авест. rāy- 'богатство, счастье' [15, Ш, 435], вызывает все больше сомнений. Иранское слово не обладает признаками религиозного термина (кстати, греческое название рая, ставшее впоследствии интернационализмом с этим значением, - παράδεισος - продолжает совсем другой иранский прототип). Напротив, одна исконнославянская этимология, встретившая критику Фасмера, кажется нам заслуживающей внимания: речь идет о родстве *rajь и *rojь, *rěka. Следует только уточнить отношение ближайшеродственных форм *rojь и *rajь ; вокализм *rajь обнаруживает продление, а оно указывает на производимость, т.е. *rajь (*rōj-) не 'течение', а 'связанный с течением', возможно, что-то в смысле 'заречный', что лучше отражает существо представления. Это одновременно и ответ на критическое замечание Фасмера, что "в русской гидронимии не сохранилось никаких следов употребления рай в значении 'река, течение'". Их и не нужно было ожидать, во-первых, учитывая вышесказанное о том, что *rajь - не 'река', а производное от такого названия, а во-вторых, потому что перевод слова *rajь в termina sacra мог уже тем самым повлечь за собой запрет на первичные апеллативные употребления. И последнее: *rajь принадлежит к гнезду исходно глагольной лексики с развитой апофонией *rei-/*roi-/*rōi-/*jь-rьjь (можно внести соответ-

ствующую поправку в толкование *jьrьjь<*jьr-ьjь< *jur- в ЭССЯ, вып. 8, с. 237; что касается польск. wyraj 'место, куда улетают птицы на зиму', то оно может быть белорусизмом (отвердение -ч-!) из *vy-rьjь , а его приставка вариантна в отношении к *jь-rьjь).

Через водный поток, за которым находился "заречный" *rajь, перевозили мертвых, обозначавшихся, похоже, именно в этой ситуации с помощью слав. *navь или *navьjь , которое объясняют преимущественно в связи с чеш. unaviti 'убить, уморить', но последнее само производно от *navь . В этих обстоятельствах приходится вспомнить о забытой мысли Котляревского, упоминаемой с сомнением еще у Нидерле [8, 2II, примеч. 2, и 363, примеч. I] , о связи слав. навь 'мертвый' и названием корабля – греч. ναῦς , лат. navis , ср. образ лодки перевозчика Харона. В последнее время вторичное осмысление и.-е. *nāu̯-s 'корабль, судно' → 'смерть' допускают (без упоминания Нидерле и Котляревского) Гамкрелидзе и Иванов [3, т.II, 825]. Поломе считает и.-е. *nāu̯-s 'корабль, лодка' и *nāu̯-s 'смерть, мертвый' абсолютными омонимами [34, I4], однако это еще не окончательное решение вопроса. Обращают на себя внимание удивительно тождественные производные от *nāu̯-s I и *nāu̯-s II, ср. напр. и.-е. *nau̯io- 'корабельный' и формально тождественное слав. *navьjь 'мертвец' (см. выше), может быть, последнее восходит к значению 'лодочный' 'в лодке погребаемый'? Думается, что и.-е. *nāu̯-s было первоначально обозначением не всякого корабля или лодки, оно было более высоким словом, чем и.-е. *plou̯om 'судно' (греч. πλοῖον , гл. обр. - 'грузовое, транспортное, торговое судно'). Более высокая стилистическая функция *nāu̯-s 'корабль' находит подтверждение в однокоренных обозначениях храма - греч. ναός и в связях с христианской церковной архитектурой и ее терминологией, ср. слова неф / < франц. nef (стар.) 'корабль', nef d'église "церковный неф" < лат. navis 'корабль', корабль применительно к части храма. Если храм – это в каком-то смысле 'дом мертвых', то *nāu̯-s , возможно, прежде всего 'корабль мертвых', так что лексика, обозначающая корыта и прочую домашнюю утварь - кимр. noe , норв. nō [34, I4] здесь не поможет прояснению.

Изучая мировоззрение древних славян, мы должны не покидать единственный верный путь – все время возвращаться к точке отсчета – человеку и его месту в окружающей действительности, к этой

основной дихотомии 'свое' – 'не свое'. Это, как кажется, даст нам возможность хотя бы немного продвинуться в изучении ряда проблем, в частности социальной организации самих славян, а также откроет некоторые непосредственные выходы к проблемам индоевропейской мифологии. Понятно, что средоточием 'своего' был для славянина род и терминология родства. Этим словом охватывались издревле те, которые отчасти и до нашего времени входят в понятие 'свои', свои люди. Поскольку 'свой', *svojь, *su̯o – это атрибут 'родной, родовой' к *su-/*su̯o-, относятся и сугубо этимологические индоевропейские случаи *synъ, *sūnu (см. выше), *sestra, *su̯e-sr- (и.-е. 'своя женщина, женщина рода'), и, так сказать, собственно славянские случаи, в которых наличие *su̯o – легко читается без этимологии и наблюдается семантика как бы "приравнивания" к своим, своему родству, – то, что мы привыкли обозначать, может быть, не совсем верно исторически, словом свойство, брачное родство – слав. *svekry, *svekrъ, *svьstь 'свояченица', *svatъ.

Особенно показательно и близко, думается, к первоначальной семантике и.-е. *su̯o – такое праславянское относительное новообразование, как обозначение свободы в смысле '(полноправного) состояния своего (человека)': *svoboda. Близкое, но в деталях отличное обозначение свободы как своей особенности ср. в др.-инд. svādhīnatā, ср. сюда несколько более самобытное семантически греч. ἔθος / *su̯edho- / '(свой) обычай' и ἔθνος 'племя, народ'. Совершенно иная природа названия свободы в балтийском, ср. лит. laisvė, собственно 'дозволенность', и даже в германском, ср. гот. freis и др. 'свободный' 'приятный, любовь', хотя именно в германском имелось название большой семьи, рода – гот. sibja < и.-е. *su̯e-bh-, близкое к слав. *svojь, и слав. *svoboda (характеристику индоевропейских синонимов 'свободный' см. [18, 1336–1337]). На этот способ формирования понятия 'свободный' – не из 'освобожденный', 'избавленный', а 'принадлежащий к этнической группе' уже указывали в литературе (ср. напр. [2, 356]). Правда, несмотря на ясную семантическую характеристику и.-е. *su̯e-bho-, лежащего в основе *svoboda, а также некоторых индоевропейских племенных названий (свебов/швабов и др.), все – с первоначальным значением этнической совокупности 'своих (людей)', приходится встречать интерпретации, которые идут вразрез с этой характеристикой. Я имею в виду маловероятную этимологию *slověne < *svoběn- 'член родственной группы', в частности – вариант этой этимологии, сог-

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ласно которому реконструируется исходное *sue/obho- с значением 'особый, особняком стоящий' [23, I68] нечно совершенно невероятное для семантики племенного названия эпохи родового строя, а равно и для семантики *sue- . 'Особенность, отдельность' - поздняя, во всяком случае - вторичная семантическая черта гнезда *sue-, *suebho- , ст.-слав. СОБЪ и т.д. Далее, не случайно упоминаемая нами неоднократно дихотомия всего видимого и воображаемого мира на 'свое' и 'не свое' уже одной своей сущностью налагает запрет на попытки выявить следы *suebh- в теонимии, наименованиях божества (как это делают в случае с хетт. -šepa- , выступающим в сложных названиях духов, богов, авторы [3, т. I, с. 303, примеч. I]). Значит нельзя о боге сказать 'свой', этот запрет, вероятно, действовал и в славянской и в индоевропейской древности. Наоборот, о смерти, благовидной с точки зрения 'своих' родовых и этических норм, можно было сказать своя смерть , ср. русск. умереть своей смертью, лит. savo mirtimi mirti , с помощью которых восстанавливается бесспорно индоевропейская фразема и этическая норма *suo- + *mr̥tm̥ + *mer-/*mor- . На это уже давно обратили внимание, реконструируя наряду с и.-е. *mr̥t- 'смерть' (лит. mirtis , лат. mors / mortis) также и.-е. *su̯-mr̥t- 'своя смерть' (слав. *sъmьrtь), см. [I5, Ш, 686], с литературой. Своя, естественная смерть была взыскуемым и не всегда достижимым благом, с точки зрения индоевропейской древности, а то, что отдельные ветви индоевропейцев, например германцы, скандинавы, развили религию пессимистического толка, по которой лучшая смерть - это смерть на поле брани, не может считаться индоевропейским архаизмом. Полезно отметить тонкий, едва заметный переход и.-е. *su̯-mr̥t- от значения 'своя смерть' к значению 'хорошая смерть' - переход всегда вторичный, как вторична и сама эволюция этого противопоставления. Здесь только отметим, что *su̯-mr̥t- представляет собой как бы позицию нейтрализации взаимоотношений и.-е. *su-/*suo- 'свой' и *su- 'хороший, добрый', т.е. тем самым свидетельствует об этимологическом тождестве обоих *su-.

Важность оппозиции 'свой' - 'не свой' для понимания праславянской и индоевропейской идеологии и культуры состоит еще и в том, что эксплицитная пара 'свое' - 'не свое' открывает собой целый ряд еще должным образом не раскрытых аналогических имплицаций, пронизывающих культуру.

Индоевропеисты рассматривают противопоставление домашних и

диких животных, культурных и дикорастущих растений, но при этом упускают из виду, что здесь перед ними всего лишь реализация (импликация) главного противопоставления 'свое' - 'не свое'. Правда, дихотомия формировалась не всегда в духе противопоставления 'своего', 'домашнего', и 'не своего', 'дикого'. Перед лицом яркого культурного импорта - а таковыми были заимствованные культурные породы животных и т.п. - привычная "дикая" фауна окружающей природы оказалась в положении 'своей'. Ср. ряд случаев, когда дикие животные носят исконно славянские названия, а домашние животные, особенно (вначале) новые их породы имеют названия, заимствованные из других языков: слав. *korva , кельтского или иллирийского происхождения (ЭССЯ, вып. II, с. 106 и сл.), при исконном *sьrna , обозначающем дикое рогатое животное леса; *kotъ европейский импорт около середины I тысячелетия н.э., при исконно славянском названии дикой кошки *stьbjь (см. ЭССЯ, вып.II, с. 209 и сл. , s. v. *kotъ ; в дополнение к старославянской и польской формам можно теперь назвать болг. диал. стéбал 'дикая кошка', открытое несколько лет тому назад [I, 343 сл.].

Мировоззренческая важность оппозиции 'свой' - 'не свой' настойчиво переводит нашу реконструкцию древних представлений в план антропоцентрической картины мира. Если мы, например, встречаем довольно многочисленные употребления слова борода в названиях различных растений или выражение завúть бóроду - о народном обычае окончания полевых работ ("последний сноп не сжинается, а вяжется на корню и убирается цветами". Даль[2], т.I, с. II6), то нам представляется ясным, что все это антропоморфные метафоры, основанные на первичном обозначении человеческого подбородка - несколько заостренной нижней части лица и растительности на ней. -и.-е. *bhardhā от *bher-/*bhor- 'острый, резать'. Считать, что праслав. *borda , и.-е. *bhardhā образовано от *bhar- 'ячмень' (так см. [4] вслед за Т.Марки), едва ли верно. Аналогичный изложенному способ номинации допустим и для др.-инд. śmaśru- 'борода', если из *sm-aśru- , где sm - служебная частица (префикс), aśru-/*aḱru- - опять-таки 'острое' (иначе - [4]). Весьма древней антропоморфной метафорой в сфере хозяйственной деятельности может быть и слав. *dolnь 'ладонь', а также 'ток', 'гумно' (см. ЭССЯ, вып. 5, с. 64). Широко известны антропоморфные переносы названий частей человеческого тела на объекты земного ландшафта. К этому следует добавить возросшее вероятие

широкой метафоричности древнего словоупотребления [17, 211], более того - глубокую метафоричность всего языка [21, 8 и 23].

Гораздо чаще приходится наблюдать вместо укладов в чистом виде - оседлость с чертами подвижности и подвижность с чертами оседлости. Показательно, что оба общественно-культурных уклада имеют с древних времен свои понятия и термины 'дом' и даже 'город'. Конечно, - и эта мысль является одной из главных во всем нашем анализе проблем этимологии в связи с проблемами культуры - этимологическая реконструкция и тут выявляет вместо родовых субстантивов первоначальные специализирующие атрибутивы. Есть примеры названия построек, в том числе жилых, где рядом с идеей недвижимости сосуществует идея первоначальной подвижности, ср. слав. *jata 'стая, стадо', этимологически тождественное др.-инд. yatám 'ход' (см. ЭССЯ, вып. 8, с. 182), далее, слав. *vežа ,название дома, башни и т.п., этимологически - производное от *vezti 'везти', обозначавшее повозку, дом на колесах [15, т.I, 285; 38, 470]. В качестве курьеза можно указать на то, что, например, русск. стадо, стая - достаточно древние названия подвижной по преимуществу группы животных и птиц - образованы от и.-е. *stā- 'стоять', как и слав. *stanъ , русск. стан, одно из древнейших названий стоянки, жилья человека (и.-е. *stānо-). У слав. *domъ (русск. дом и т.д., и.-е. *domos) очень сильны социальные коннотации, что побудило в свое время Бенвениста высказаться отрицательно о связи с греч. δέμω 'строить', но, собственно, и у продолжений такого явно строительного названия, как и.-е. *ghordho- (ср. ниже о названиях города), встречается значение 'семья' (гот.).

Довольно интересна тема "окно дома", потому что индоевропейского названия окна не было, как не было и самой реалии, а главным и единственным отверстием примитивного индоевропейского дома была дверь, древнее индоевропейское название которой хорошо засвидетельствовано. У германцев окна появились, видимо, поздно, поскольку отсутствует общегерманское название окна, а позднее часть германцев прибегла к метафорическому обозначению окна как 'глаза' (англ. window), другая же их часть переняла реалию вместе с названием у римлян (нем. Fenster) [20, II, 534]. Общеславянское название окна, напротив, существует с праславянского времени /*okъno/ , но и оно является местной инновацией , в принципе напоминающей английское название (*okъno : *oko).

Одним из наиболее замечательных культурных феноменов является история термина 'город'. Его реально-семантическая эволюция беспрецедентна, она, можно сказать, не имеет себе равных, особенно, если взять крайние, уродивые формы урбанизации и ее дистанцию от первоначального ядра понятия. Работать над реконструкцией древней основы такого понятия нелегко, здесь слишком бросаются в глаза и охотно отмечаются местные различия. У-ый Международный конгресс археологов-славистов 1985 года в Киеве, обсуждая положение о том, что единого пути градообразования не было даже в рамках восточнославянского ареала. В пользу этого положения был приведен значительный конкретный материал, который нельзя игнорировать, но все-таки почему же тогда не только у восточных, но у всех славян результат градообразования, при всем его местном различии, был обозначен одним и тем же праславянским словом *gordъ откуда правильные рефлексы город, град, gród и т.д. Эту общность нельзя недооценивать, ее смысл, во-первых, в одинаковом именовании всеми славянами результата градообразования (региональные, вторичные, главным образом западнославянские термины-кальки с немецкого Stadt/Statt 'место' вроде město, miasto , мІсто и влияние магдебургского права я считаю возможным здесь игнорировать, так как и они не смогли целиком заслонить и вытеснить древнее славянское название, хотя и сузили его функционально иногда до объема понятия 'Schloss, Festung'), во-вторых, смысл общности славянского наименования города - в общности представлений, относящихся к этому феномену культуры. Но термин праслав. *gordъ 'город', как известно, имел значительную индоевропейскую историю и соответствия по крайней мере в некоторых индоевропейских языках, объединяющиеся вокруг *ghordh-/*ĝhordh-.

Таким образом, при всех возможных оговорках, приходится признать, что к индоевропейской древности восходит, как это ни парадоксально, не только название дома человека, но и название города; последнее не следует модернизировать, как, впрочем, и скептически недооценивать тоже. В отдельных примерах значения 'дом' и 'город' как бы нейтрализуются (см. выше), но возможно, что это вторичные явления. Любопытно, далее, отметить наличие триады 'дом' - 'село' - 'город' не только в праслав. *domъ - *vьsь - *gordъ , но (в задатках) уже в праиндоевропейском, причем в роли названия села, селения выступают иногда сливающиеся с понятием 'дом, жилье', но никогда не смешиваемые с понятием 'город' про-

должения и.-е. *ueiḱ-, *uiḱ-, *uoiḱo- : др.-инд. víś 'жилище', авест. vīs- 'деревня, род', греч. οἶκος 'дом', алб. vis 'место', лат. vīcus 'селение, деревня', гот. weihs 'деревня', слав. *vьsь . То, что четко характеризовало индоевропейское название города, или, как сейчас иногда говорят, - "предгорода", "начального города", было этимологическим значением 'огороженный, ограда'.

Славянский город не монолитен; в его составе намечаются почти всюду две части: особое укрепленное ядро (город в собственном смысле) и более аморфное окружающее поселение (выше это было вскользь упомянуто на примере западнославянских пар miasto - gród и близких, иная номинация двухчастных городов как 'городов-двойников' встречается на Востоке, см. подробнее [II, II5-II7]). Нечто подобное наблюдается и у восточных славян, только здесь общий термин город сохранил свою позицию и не оттеснен неологизмом 'место', как на Западе, соответственно иначе именуется и срединное городское ядро. Не стремясь охватить все различные его наименования, остановимся на одном из них, так сказать, характерном русском слове кремль, истоки которого уходят тоже в праславянскую древность, хотя слово это выразительно диалектное даже для восточнославянского ареала. Собственно, этимологически со словом русским кремль, праслав. диал. *kremjь как названием города в городе, отгороженного пространства, откуда связь с корнем *krem-/*krom- , все ясно (см. ЭССЯ, вып. I2, с. II7-II8). Противоположных попыток, скажем, объясняющих кремль как иноязычное заимствование, скорее, немного. Лично мне пришлось столкнуться с одной такой версией, толковавшей слово кремль как культурное заимствование. Я вступил в дискуссию с автором версии и, возможно, сумел убедить его в противном, судя по тому, что в печатном варианте его доклада то, против чего я выступил в дискуссии, отсутствует (см. [3I, 45 сл.]). Инцидент можно было бы считать исчерпанным, но я думаю, что научная сторона спора может представить общий интерес, а публичный характер диспута дает мне право на его изложение. Венский профессор К.Г. Менгес в своем докладе на 3-ем зальцбургском славистическом коллоквиуме по проблемам этимологии (Зальцбург, ноябрь I984 г.) высказал, между прочим, предположение, что слово кремль представляет собой "алтаизацию" (ср. тюрк. kärmän 'крепость, город'), слова, восходящего к древнеанатолийскому названию обожженного кирпича. В устной дискуссии по докладу я указал на ряд

лингвистических несоответствий в авторских построениях. Некоторое проникновение тюркского термина kärmän имело место главным образом на древнерусском юге, начиная от известного Ак-кермана (Белгород-Днестровский) и кончая парой Mankermen 'большая крепость, большой город', - название, данное степняками Киеву (на Руси не прижилось) и Kermenčik , буквально 'городок, малая крепость', которое сохранилось как остаточный коррелят с забытым Mankermen , ср. отсюда и сегодня город Кременчуг, ниже по Днепру. Но как раз на (древне)русском юге слово и название кремль, Кремль, неизвестны, ареал кремль размещается значительно севернее, где нет, в свою очередь, никаких признаков проникновения в русскую географическую номенклатуру или апеллативную лексику данного тюркского слова (к русскому языковому ареалу и к ареалу слова кремль практически не имеет никакого отношения факт некоторого распространения интересующего нас тюркского слова в тюркских и нетюркских языках Поволжья, ср. чувашское karman , откуда черемисское (марийское) karman [37, 256], ср. далее марийское Uγarman , буквально 'новый город', калька русского названия Нижний Новгород [15, т. Ш, 73].

Этими немногими и по необходимости скупыми штрихами я стремился показать возможности этимологии для реконструкции внешней и внутренней жизни, т.е. материальной и духовной культуры, древних славян. То, что вся наша нынешняя культура в основе своей есть продолжение длинного ряда предшествующих стадий культуры, в общем известно, хотя общекультурная важность наших исследований, как приходилось уже с сожалением констатировать в самом начале, порой не слишком очевидна и для специалистов, не говоря уж о широкой общественности.

Как мы уже заявляли в начале работы, нас в большой степени интересует взгляд древнего человека на себя и свою культуру, возможность воссоздания древней, во многом антропоцентристской и антропоморфной картины мира праславянской эпохи. В итоге мы можем сказать, что видим древнего славянина, праславянского индоевропейца как человека, мыслящего себя только в связи со своим родом и видящего все вокруг в свете этой необходимой дихотомии 'свое' - 'не свое' и все свои знания о внешнем мире измеряющего собой и своим опытом и наделяющего своими особенностями все предметы и явления. Здесь еще нет острого осознанного интереса человека к самому себе (античные и общечеловеческие достижения "человек -

мера всех вещей" и "познай самого себя" лишь дремлют в этой ранней идеологии), но здесь нет еще и развитой религии.

При всем антропоцентризме и антропоморфизме мышления, знания древнего славянина о себе как о человеке были, естественно, невелики и приблизительны. Характер этих знаний и обозначений, касающихся человеческого организма, обнаруживает все ту же всепроникающую метафоричность, которая, как уже отмечалось, вообще свойственна человеческому языку и которая неизменно раскрывается при этимологизации.

Глубоко метафоричным было представление о здоровье здорового человека; оно основывалось либо на лестном сравнении с 'хорошим, добрым деревом' (праслав. *sъ-dorvъ), либо на идее единства, как в случае с праслав. *cělъ < и.-е. *kai-lu- , где *kai- 'один, единственный' (см. ЭССЯ, вып. 3, с. 176, 179–180). Сходную природу метафоры, иногда даже гиперболической, обнаруживают названия костей, частей скелета человека; так, праслав. *bedro , название бедра, бедренной кости, этимологизируется из первоначального прилагательного *bedrъ 'бьющий, колющий', к тому же, речь идет о самой длинной кости человека' (см. ЭССЯ, вып. 1, с. 179).

Древний славянин слабо дифференцировал внутренние болезни, так, праслав. *dъbna , этимологически тождественное *dъbno 'дно', квалифицирует просто как "донные, нижние" самые различные суставные, кишечные и другие заболевания (см. ЭССЯ, вып. 5, с.173).

Язык в целом – основа всех наших реконструкций древнейшей культуры. Важно видеть, что он развивался и развивается в общем согласии с развитием других аспектов культуры, а именно: основа языка всегда демократична, но в ходе развития она обязательно (в том или ином объеме и масштабе) подвергается сублимации (чтобы не быть голословными, вспомним – из вышеизложенного, что сублимация – это тенденция развития также верований человека от примитивных культов к развитой религии). Коммуникационные потребности людей обязательно выдвигают задачу создания наддиалектной формы языка, этой предтечи письменного, литературного языка, в отличие от последнего, существовавшей всегда – и в праславянскую эпоху, и регионально – в индоевропейскую эпоху. Всякий язык развивается циклично (в том числе литературный, т.е. наиболее рафинированный наддиалектный, и это важно отметить, поскольку из-за обилия узкопрофессиональных исследований в проблематике генезиса

литературного языка неясностей накопилось побольше, чем разъяснений): первоначальная магистраль развития ведет к аристократизации (которая неизменно сопряжена с выработкой наддиалектной формы), аристократизация же в определенный момент завершается кризисом, после чего возникает обратная, уравновешивающая тенденция развития – к демократизации языка. Сейчас все труднее становится понимать идею Мейе о как бы раз навсегда данной аристократической индоевропейской лексике. Понятие эволютивности категории в ней отсутствует, как отсутствует оно и в теории Дюмезиля о трехчастной структуре идеологии и общества древних индоевропейцев. В любом аристократизме в конце концов наличествует и просматривается демократическая основа.

Социальные наблюдения, о которых здесь – кратко, должны показать специфику славянской (праславянской) ситуации, а одновременно с этим – рискованность слишком поспешного выдвижения универсалий на базе неполного лексико-семантического материала. Возьмем, например, проблему обозначений раба, сополагая славянские данные с достаточно общим этюдом на тему "раба" у Бенвениста [2, 369]. Справедливо его наблюдение, что "единого обозначения для понятия раба нет ни в индоевропейской семье в целом, ни даже в некоторых диалектных группах". Раб поставлен вне общества, он всегда "чужой". Тут, впрочем, видна недостаточность или односторонность базы наблюдений Бенвениста о характерным для него отсутствием славянских данных. Он привлекает опыт тех индоевропейских и неиндоевропейских культур, которые получали рабов из военнопленных. Бенвенист: "... раб обязательно чужестранец: у индоевропейских народов была лишь экзодулия". Дальше идут примеры лат. servus 'раб' – вероятно, из этрусского, франц. esclave 'раб' < 'славянин' и англосакс. wealh 'раб' < 'кельт' и окончательный приговор автора: "Итак, каждый язык заимствует название раба у другого". Но ведь универсальное заключение может рушиться, если окажется, что не "каждый". Так оно, собственно, и есть. Обращаясь к славянскому материалу, мы понимаем, что на него (а возможно – не только на него, ср. и исконно балтийское название раба лит. vérgas, связанное с vaĩgas 'нужда, бедность') это правило не распространяется; таковы показания истории и этимологии славянских слов *orbъ, *otrokъ, *xolpъ, которые все являются этимологически названиями детей, малолетков, подростков, т.е. возрастными обозначениями из сферы терминологии родства и все они, под-

черкнем, – исконные, незаимствованные слова. Праслав. *xolpъ например, находясь в теснейшем родстве с праслав. *xolkъ и *xolstъ, названиями холостого, неженатого, представляет собой суффиксальное производное от корня глагола *xoliti в значении 'стричь очень коротко' (см. ЭССЯ, вып. 8, с. 61, 62–63, 64–65). Аналогии этому возрастному обозначению могут быть найдены и в античном мире, ср. греч. κόρος, κοῦρος 'мальчик, сын' от κείρω 'стричь', как и сам древний обряд острижения волос у подростков [12, 117]. Ясно, что мы имеем здесь дело со следами обряда инициации – посвящения подростка в юноши. Обряд этот целиком коренится в идеологии и практике древнего рода. Ясно, также, что древний род, целиком занятый своими жизненными проблемами, еще не приобщился к позднейшему миру войн, военных грабежей и захвата пленных. Генезис термина *xolpъ – 'холоп' из явно возрастного обозначения и некоторые другие связи с терминологией родства помогают дополнительно понять проблему рабства или, вернее, квазирабства у славян и в Древней Руси. Мы не найдем у славян обозначения 'раб' из первоначального 'иноплеменник', как в некоторых других языках.

Другой пример – слова *pravьda и *krivьda – показывает, как легко историки языка и компаративисты проходят мимо реально-семантической динамики слова, не замечая ее и как, наоборот, важно, а главное – возможно выявление именно динамического смысла, а не приблизительно-абстрактного значения, если мы ставим задачу реконструкции древней культуры. Соответствующие сведения в общем уже изложены в статье *krivьda в нашем ЭССЯ, вып. 12, с. 175–177. Там же достаточно подробно толкуется и слово *pravьda, поскольку между ними наличествует очень тесная взаимосвязь и оппозиция, без учета которой просто нельзя правильно понять ни одно, ни другое в отдельности. В литературе преобладает тенденция считать *krivьda производным от прилагательного *krivъ и соответственно *pravьda – от прилагательного *pravъ. Это можно объяснить лишь непониманием отглагольности модели производных с суффиксом -ьda, а также формальной, словообразовательной связи этого -ьda с глагольной темой -iti. Следовательно, *krivьda и *pravьda – производные от глаголов *kriviti и *praviti. Здесь особенно помогает свидетельство слова и значения *krivьda, сохранившего очень четко свою первозданную процессуальность ('проступок', 'неправедное деяние'). Это очень важно,

потому что у слова *pravьda эта процессуальность со временем несколько пригасла, что послужило поводом для не вполне адекватных толкований праслав. *pravьda и его продолжений как слов с несколько абстрактным значением 'истина' или 'справедливость' [I6, 62], умозрительность чего слишком очевидна для нас теперь. Во всяком случае это не только нельзя назвать семантической реконструкцией, но и для относительно позднего хронологического уровня древнерусской юридической терминологии подобное толкование не подходит как адекватное семантическое описание. А это очень существенно, потому что точное семантическое описание хотя бы др.-русск. правьда желѣзо как 'испытание (каленым) железом' уже открывает прямой путь к реконструкции праслав. *pravьda как 'правеж', т.е. процессуальный термин древнего славянского права. Лишь забвение древних понятийных и словопроизводных связей постепенно привело к тому, что современному человеку-носителю языка даже нелегко теперь понять суть отличия значений, скажем, русских слов правда и истина. Но современный лингвист обязан увидеть вторичность этой синонимизации между ними, должен уметь "снять" ее как лишнее напластование с тем, чтобы увидеть за ним древние, прикрытые связи.

Несмотря на большую проделанную работу и интерес исследователей к проблеме, все еще слишком сильна традиция анахронической модернизации, давление схемы на понимание фактического материала (привычное распространение отдельных развитых или хорошо изученных относительно поздних традиций - древнеиндийской, латинской, греческой - на всех индоевропейцев), и слишком еще недостаточно выявлено то, что должно быть специальной целью исследования - реальная исходная база и динамика развития духовной, материальной и социальной культуры индоевропейцев, в их числе славян.

Литература

I. Балкански Т. Стéбал - древно и съвременно название на дивата котка. - Български език ХХУП, 4, I977.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., I974.
3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I-П. Тбилиси, I984.
4. Иванов Вяч.Вс. Индоевропейские этимологии. 3. К индоевропейским названиям 'бороды'. - Этимология. I983. М., I985, с.I62-I63.

5. Малингудис Ф. За материалната култура на раннославянските племена в Гърция. – Исторически преглед, год XLI, кн. 9–10, 1985.
6. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
7. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
8. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
9. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
10. Трубачёв О.Н. Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на -ěnьjь, -janьjь . – Этимология. 1980. М., 1982.
11. Трубачёв О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. – Этимология. 1979. М., 1981.
12. Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
13. Трубачёв О.Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. У Международный съезд славистов. М., 1963.
14. Трубачёв О.Н. Этимология славянских языков. – Вестник АН СССР 1980, № 12.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О.Н.Трубачёва. Т. I–IУ. М., "Прогресс", 1964–1973.
16. Цейтлин Р.М. О значениях старославянских слов с корнем прав-. – Этимология. 1978. М., 1980.
17. Цыхун Г.А. К реконструкции праславянской метафоры. – Этимология. 1984. М., 1986.
18. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages[3]. Chicago-London, 1971.
19. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. IV-1. Paris, 1977.
20. Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike in 5 Bänden. München, 1979.
21. Friedrich P. The language parallax. Linguistic relativism and poetic indeterminacy. Austin, 1986.
22. Gimbutas M. Primary and secondary homeland of the Indo-Europe – The Journal of Indo-European studies, vol. 13, Nos. 1 - 2, 1985.

23. Gołąb Z. About the connection between kinship terms and some ethnica in Slavic (The case of *Sirbi and Slověne).-International journal of Slavic linguistics and poetics XXV-XXVI,

24. Gołąb Z. Kiedy nastąpiło rozszepienie językowe Bałtów i Słowian? - Acta Baltico-Slavica XIV, 1981.

25. Hehn V. Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe. New ed. Amsterdam, 1976.

26. Herman J. The history of language and the history of society. On some theoretical issues and their implications in historical linguistics. - Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae. XXXIII, 1-4, 1983.

27. Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. 1975.

28. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Auflage. Berlin, 1967.

29. Knobloch J. Nomina post res. In: Festschrift für Hugo Moser. Düsseldorf, 1968.

30. Malingoudis Ph. Zur frühslavischen Sozialgeschichte im Spiegel der Toponymie. - Études balkaniques 1985, N 1.

31. Menges K.H. Das Problem der "gelehrten Volksetymologie". Einige slawische und altaische Etymologien. - Die slawischen Sprachen, Bd. 6. Salzburg, 1984.

32. Meyer E. Die Indogermanenfrage. In: Die Urheimat der Indogermanen. Herausg. von A.Scherer. Darmstadt, 1968.

33. Neckel G. Die Frage nach der Urheimat der Indogermanen. In: Die Urheimat der Indogermanen. Herausg. von A.Scherer. Darmstadt, 1968.

34. Polomé E.C. Der indogermanische Wortschatz auf dem Gebiete der Religion. In: Indogermanische Gesellschaft-Symposium. Innsbruck, 1985.

35. Polomé E.C. Muttergottheiten im alten Westeuropa. In: H.Jankuhn - Festschrift (Bonner Jahrbücher 1985).

36. Polomé E.C. The study of religion in the context of language and culture. In: The Mankind quarterly (в печати).

37. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969 (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII, 1).
38. Trubačev O.N. Die urslawische Lexik und die Dialekte des Urslawischen. - Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 34, Heft 4., 1981.

О.И. Смирнова

ДРЕВНЕРУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА (СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ СЛОВА ГОЛОВА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА)

I.

В.В.Виноградов в статье "Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков" (1946 г.) обращал внимание исследователей на важность изучения общеславянской лексики, терминологии и фразеологии, относящейся к сфере основных понятий культуры и цивилизации, например, таких, как личность, право, человек [5, 46]. С полным основанием к числу таких слов следует отнести и голова, слово, имеющее сложную семантическую структуру и большое количество фразеологизмов, многие из которых отражают ситуации, понятия и представления, восходящие к древним историческим эпохам.

Этимологию современного прилагательного уголовный часто связывают с древнерусским голова 'убитый'. Значение 'убитый' у слова голова находим в „Материалах" Срезневского, в "Материалах для терминологического словаря древней России" Е.Г. Кочина, в СлРЯ XI–XVII вв., в „Лекциях по истории русского литературного языка" Б.А. Ларина [20]. Отмечают его СБС XV–XVI вв., СлСУМ XIV–XV ст. Упоминает об этом значении и М.Н. Тихомиров [31, 53].

Есть, однако, и другое мнение, В.Л. Виноградова в статье "Глава – голова в древнерусском языке и в Слове о полку Игореве" высказывает соображение, что семема 'человек' в слове голова приобретает еще и узкий оттенок 'убитый человек', однако "семантическая неясность (неразличение живого и мертвого человека) не позволила этому оттенку развиться в самостоятельное значение" [6, 153

Чаще всего значение 'убитый' у слова голова иллюстрируется примерами из Русской правды и др. юридических документов. Один из издателей Русской Правды Е.Ф. Карский, комментируя слово голова, писал, что "кроме обычного значения в Русской Правде это слово встречается в значении "убитого человека". В этом случае подобное употребление известно и в летописях[1] и в других старинных памятниках, ... сохранилось оно в таком смысле и до сих пор: у г о л о в н о е п р а в о" [15, 91]. Комментаторы Русской Правды не останавливают своего внимания на термине голова. Историки-переводчики не испытывают затруднений при переводе слова голова в Русской Правде. Например, словосочетание голова лежить в Ст. 3 Пространной редакции переводится следующим образом: тело поднято будет (Болтин); совершилось убийство (Платонов); поднят убитый (Стороженко) [25, II, 255]; найден труп убитого (Зимин) [12, 121].

Б.А. Ларин, изучавший лексику Русской Правды, отмечает: "В первой же статье "Русской Правды" встречаем такую фразу: Оже не будет кто его мстя, то положити за голову 80 гривен. В современном языке существует термин "уголовное право". Иногда его объясняют как метонимию, т.е. обозначение целого по части. Но нельзя наши стилистические понятия переносить на толкование древнего текста. За голову 80 гривен – тут надо говорить не о формальной метонимии. Голова в представлении человека того времени была символом жизни. Следовательно, точнее можно перевести эту фразу так: '80 гривен за жизнь убитого'. Позже в юридический язык прочно вошло значение слова голова как 'убитый', 'улика совершенного убийства'. Ни в каком другом памятнике, кроме юридических документов, мы не встретим такого значения" [20, 74].

Один из исследователей языка Русской Правды Л.П. Якубинский определяет значение употребляемого в нем древнерусского слова голова как 'труп' [35, 292].

В предметно-терминологическом указателе к Памятникам русского права, составленном Я.С. Лурье, дается толкование термина голова, употребляемого в Русской Правде: 'один убитый человек' [ПРП, II, 390], хотя у переводчиков оно иногда однозначно толкуется как 'убийство' (например, клепати головою – 'обвинять в убийстве').

---

[1] Вероятно, имеется в виду Договор Руси с Византией 911 года в Повести временных лет по Ипатьевскому списку.

"Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных "кусочков действительности", между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь. Разграничение и объединение этих разнородных предметно-смысловых отношений в структуре слова сопряжено с очень большими трудностями. Эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрестанных смешениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения. ... В каждом толковом словаре пропускаются сотни, если не тысячи живых значений слов и изобретается множество несуществующих значений" [5, 169].

Чтобы установить, в каком значении употребляется слово голова в Русской Правде и некоторых других памятниках русского права и определить место этого значения в семантической структуре данного слова, необходимо проанализировать ряд контекстов не только с лингвистической, но и с исторической точки зрения.

П.

Русская Правда - важнейший и один из самых сложных памятников русского права. Известны три редакции Русской Правды: Краткая - XI в., представленная немногочисленными списками, самые ранние из которых XУ в.; Пространная - XП в., дошедшая до нас в многочисленных списках, самым ранним из которых является список 1282 г.; Сокращенная - в списках XУП в.

Уже первые исследователи Русской Правды заметили разительное сходство многих институтов русского и германского права, что дало повод думать о заимствовании ее содержания из германских источников [28, 90; 21, 484]. Однако было замечено также, что "обычаи разных народов, разделенных пространством и временем (не имевших никакой возможности подражать один другому), сходны, а часто и тождественны" [7, 87]. Это позволило сделать вывод, что сходство правовых обычаев, а также кодифицированных законов, отраженных в памятниках славянского (в частности, русского) права, с германскими, латинскими и другими объясняется не заимствованием, а общим происхождением и сходным развитием в одинаковых общественно-исторических условиях жизни [21, 483-485].

Одним из правовых обычаев, хорошо известных практически всем древним народам, является обычай мести. Месть - это наказание за преступление, за нанесенную кому-л. обиду. Причем наказывает преступника сам потерпевший или его родственники. А поскольку первоначально преступление рассматривалось как зло материальное, как нанесение материального ущерба, то и возмещение ("возмездие") строилось на правиле: "зуб за зуб", "око, за око", "жизнь за жизнь" [28, 353; 17, 243].

Поскольку месть была правом, то она осуществлялась открыто [28, 387-388; 30, 90]. В Салической Правде, например, есть статья, из которой можно заключить, что головы лиц, убитых из мести, отрубались и выставлялись на шесте [27, 121]. За снятие таких голов с шеста без позволения судьи или мстителя назначался штраф в 15 солидов. Большинство исследователей склонны думать, что выставление головы на шесте означало объявление о совершении мести. Этот законный акт мог быть совершен как в открытом бою, так и из засады, одним лицом или несколькими лицами [4, 5-6; 28, 388]. Важно было оповестить о свершении мести, поскольку по салическим законам тайное убийство, предполагавшее сокрытие трупа или головы жертвы, облагалось повышенным штрафом: вместо 200 солидов - 600 или 1800 солидов [4, 9-10].

Осуществление мести было соединено с опасностью для мстителя, он сам мог оказаться убитым в бою или тяжело раненным. Это обстоятельство могло повести к компромиссу, результатом которого могло явиться примирение на основе вознаграждения со стороны обидчика, т.е. на основе выкупа. "Выкуп как и месть есть общее явление, присущее всем народам на известной ступени их развития" [28, 390].

Впоследствии, когда государство начинает вводить законы, охраняющие права граждан, месть заменяется определяемой законом платой, которая должна была удовлетворить обиженного, доставляя ему выгоду вместо неизвестных последствий мести, и прекращала вражду [13, 10].

Особенность Русской Правды состоит в том, что она содержит как самые ранние законы, основанные еще на обычае [23, т. I, 19], так и законы, отражающие общественные отношения на более поздних этапах развития общества.

Расшифровка кратких юридических формул Русской Правды представляет известные трудности для специалистов-историков. Трактуя

древние юридические формулы, исследователи каждый раз задаются вопросом, "какие конкретные варианты житейских ситуаций имелись в виду" [24, 11]. Многие термины в связи с этим получают различное толкование (см. переводы статей и комментарии к ним в [25, I и ПРП, I]). Неоднозначно прочитывается и формула "40 (80) гривен за голову".

Правда Ярослава - древнейшая часть Русской Правды (Краткая редакция) открывается статьей об убийстве: "Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь". [ПРП, I, 77. XУ в. ~ XI в.].

Первая часть статьи говорит о праве кровной мести. Это самая архаическая часть статьи, содержащая закон мести, основанный на обычае.

Это обстоятельство представляется очень важным при решении вопроса о значении термина голова в Русской Правде. "В историко-юридической литературе сложилось мнение, что в период закрепления правовых норм, содержащихся в ст. I Краткой Правды, речь шла уже о послесудебной мести" [12, 87].

"Месть первоначально в русском законодательстве является беспредельною, как она являлась везде в первые времена гражданственности" [13, 62]. В Договоре Руси с Византией 911 г. говорится: "Аще кто убьеть Хрестиана Русин или Христьян Русина, да умреть, идеже аще сотворить убииство" [ПРП, I, 7], т.е. здесь речь идет о расправе с убийцей на месте преступления без суда над ним. В Договоре Руси с Византией 944 г. говорится уже о послесудебной мести: "да держимъ будетъ сотворивыи убийство отъ ближнихъ убиеннаго, да убиютъ его" [ПРП, I, 33]. И в том и в другом случае соблюдается существующий у славян закон, выражавшийся в формуле "голову за голову".

Следы древнего права кровной мести прослеживаются и в законодательных документах значительно более позднего времени, например, в памятнике литовского древнего права Acta ducatus Lituaniae № 3, в котором содержатся "уфалы" сейма Берестейского 1513 г., одна из "уфал" отменяет неограниченное право истца над убийцею и только в одном случае допускает древнюю месть: если убийца будет застигнут "на горячей крови", то может быть наказан

смертью ("нехай идеть голова за голову") [13, 58]. В памятнике феодального права южных славян Полицком статуте XУ в. в Ст. 47 говорится, что убивший родного брата изгоняется из Полицы, если же он тайно останется в Полице, то вся Полица должна его преследовать и убить: "да га имаю тирати сва Полица у негову главу" [8, 228].

В ритуальном искусстве глубокой древности голова (даже отделенная от туловища) всегда символизировала жизнь (рождение, плодородие), тогда как символом смерти было изображение безголовых[1].

У многих древних народов голове, отделенной от туловища, придавалось особое значение. Она могла символизировать победу над врагом [30, 85], являться военным трофеем. Напомним в этой связи эпизод из легенды о русском князе Святославе: "(972): Поиде Стославъ в пороги и нападе на нь Куря князь печенѣжскии и убиша Стослава (и) взяша главу его и во лобѣ его съдѣлаша чашю, оковаше лобъ его и пьяху по немь" (Лавр.лет., 74).

Отделение головы от туловища могло быть связано и "с одним из вариантов похоронного (или жертвенного?) обряда" [14, 63]. Об обычае сохранения головы или черепа находим интересные сведения в работе В.Я. Проппа "Исторические корни волшебной сказки": "Череп разрисовывался, украшался, и его сохраняли в доме. Этот череп или эта голова конечно представляла собой умершего. Имея власть над его головой, имели власть над всем его существом. Этот умерший был вынужден помогать живым. Этим объясняется, что некоторые народы, например, даяки, специально охотятся за головами, потому, что, как говорит Бургер, "они думают, что души людей, головами которых они обладают, должны защищать их в жизни и быть им послушными на том свете" (F. Burger. Unter den Kannibalen der Südsee. Dresden, 1923, S. 39)" [22, 136]. Сакральный характер придавал-

[1] Свидетельством тому являются древние изображения, символизирующие жизнь и смерть, обнаруженные на стенах храма при археологических раскопках в Чатал-Гююке (Малая Азия) [14, 63]. Интересные сведения о безголовых богах находим в статье Л. Клейна "Майкоп: Азия, Европа?": Речь идет об Аиде и Деметре. "Особенно любопытно, - пишет Клейн, - что по всему Балканскому полуострову археологи находят очень древних, неолитических (IУ тысячелетие до новой эры), глиняных идолов без голов" [16, 71].

ся голове и у других народов, о чем свидетельствуют, например, настенные росписи в Муль-Чике (Юкатан), на которых жрецы изображены с ожерельями из человеческих черепов [10, 199]. Черепа принесенных в жертву пленных воинов выставлялись в нишах храмов (Мексика). Длинные ряды каменных человеческих черепов украшали жертвенные площади в Чичен-Ице (Юкатан) [Там же, 144-145].

В XIX веке у русских пчеловодов употреблялось выражение "головъ, костей навесить по пчельнику". Это выражение связано с поверьем, что развешенные на видных местах головы и кости (преимущественно лошадиные) предохраняют пчельник от "завистливого глаза" и других зол (КСРНГ). Выставление отрубленных голов на шесте, как об этом упоминается в Салической Правде, могло не только свидетельствовать о совершении объявленного акта мести, но и об отношении к голове врага, как к "духли", обязанной охранять живых [4, 6].

Славянам также был известен ритуал отделения головы от туловища как завершение акта мести. Косвенным свидетельством тому является обряд символической смерти ("покора") в богемском и моравском законодательствах [13, 29-30, 42] [1], а также обряд отрубания головы после судебного поединка, описанный в памятнике чешского права XIУ века "Ряд земского права": "если один перембжет другого, то должен своею рукою отрубить голову побежденному и положить ему ту голову между ног (если тяжущиеся по воле короля и с позволения панов не уговорились иначе поступать с побежденным). А когда победитель отрубит голову и положит ее между ног, тогда должен стать на одно колено и благодарить короля и панов за правосудие, положить два галера на убитого и тем принести ему жертву" [Там же, 121-122].

Существовало у славян и отсечение головы как акт правосу-

---

[1] Этот обряд (доживший в Моравии до XУI в.), подробное описание которого можно найти в работе Н.Д. Иванишева, содержит эпизод, отражением которого могла стать известная русская пословица "покорной головы меч не сечет": убийца вручал обнаженный меч ближайшему родственнику убитого и подставлял свою голову под острие меча, при этом он называл себя мертвым и просил державшего над его головой меч оживить его. Указанная пословица бытовала уже в XУП в. (См. Сим. Послов., 123. XУП в.). Фиксирует ее и СБС XУ-XУП вв. (т. УП, 36).

дия, утвержденный судом и совершаемый самим обиженным. Об этом свидетельствуют статьи 84 и 86 из сборника законов древних богемцев "Ряд земского права" (XУI в.): "и если она <девица> скажет, что согласна была на похищение, то тогда вместе с мужем отдается отцу, который им обоим своею рукою должен отрубить головы. А если девица скажет, что она похищена была против воли, то должна своею рукою отрубить голову похитителю" [13, 146]. Точно так же должна была поступить с похитителем и вдова, если она была похищена против воли [там же, 147]. "Меч, карающий неправду" ("mec criudi caraiuci") был в Богемии одним из символов правосудия [там же, 89].

Отделение головы от туловища могло быть связано и с представлением главе рода (или другим родичам) доказательства свершения мести в том случае, когда мститель, долго искавший убийцу, совершал возмездие вдали от родного дома, как об этом говорится в одной из сербских народных песен [там же, 47][1].

Все вышеизложенное позволяет предположить, что в первой части Ст. 1 Русской Правды, вероятнее всего, голова употребляется в архаическом значении 'убийство', т.е. 'лишение жизни, возможно, первоначально сопровождавшееся ритуальным отделением головы от туловища'. В значении 'убийство' употребляется слово голова также в Ст. 2, 21 и 109 Пространной редакции: Ст. 2. "По Ярославе же паки совкупившеся снове его: Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати" [ПРП, I, 108. XIУ в.~ XI в.]; Ст. 21. "Искавше ли послуха, и не налѣзуть, а истьца начьнеть головою клепати, то ти имъ правьду желѣзо" [Правда Рус. (пр.), 124. XIУ в.~XП в.]. Перевод А.А. Зимина: "Если (ответчик) станет искать свидетелей и не найдет (их), а истец будет обвинять (его) в убийстве, то пусть дело решится испытанием железом" [ПРП, I, 123]; Ст. 109. "А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьное земли 30 кун бес трии кун ... А от свободы 9 кун" [ПРП, I, 119].

---

[1]Ср. этот обычай с германским обычаем сохранения отрезанной руки убитого его родственниками до той поры, пока не будет отомщен убитый. До совершения акта мести или до символического обряда его совершения могила убитого оставалась открытой и закрывалась только тогда, когда в нее бросали отрезанную руку убитого в знак свершения мести [28, 392].

Перевод А.А. Зимина: "А вот пошлины, установленные за принесение (на суде) присяги: с дела по обвинению в убийстве - 30 кун, а с дела о бортном угодье - 30 кун без трех... А с дел, касающихся свободы (человека от холопства), - 9 кун" [ПРП, I, 135].

Голова 'убийство' встречаем не только в Русской Правде. Этот специфически юридический термин был известен и другим славянским языкам.

В Словаре старочешского языка Яна Гебауэра также встречаем фиксацию hlava 'убийство'. Приведенные в словарной статье иллюстрации на латинском языке из Regesta Bohemiae et Moraviae содержат юридические формулы, типа: Quod vulgo glaua dicitur (XIII в.) - 'что обычно называется "голова"'; Si aliquis ab alio suffocetur, quod vulgariter hlaua dicitur - 'Если кто-л. кем-л. будет задушен, что в народе принято называть "голова"'; Culpam, quae hlaua vulgariter nominatur - 'Преступление, которое в народе принято называть "голова"' [36, 423].

В старочешском памятнике "Ряд земского права" также употребляется термин hlawa 'убийство' (наряду с zabitie 'убийство' и zabitý 'убитый' (Řád práva zemského)[37, 509; 13, 110-113].

Создается, однако, впечатление, что этот архаический термин уже в пору создания Русской Правды был переосмыслен. Вернемся снова к Ст. I. Вторая часть статьи содержит закон об уплате виры за убийство.

Согласно первоначальной редакции Краткой Правды, вира платилась только за убийство "мужа", под которым следует понимать представителя дружинной рыцарской среды, аристократии, а "убийство рядового общинника (людина) каралось кровной местью" [12, 17].

В Русской Правде закон прежде всего "дает понять, что оказывает усиленное внимание к чести людей, постоянно имеющих при себе наготове меч, т.е. военнослужилого класса, так что это внимание является не правом всех, а привилегией лишь некоторых" [17, 241]. За убитого, принадлежавшего к высшему разряду, к знати устанавливался самый высокий штраф - 80 гривен. Таким образом, в Русской Правде ясно выражены принципы феодального права как права-привилегии [12, 74].

Однако и в случае кровной мести, и в случае назначения штрафа убитый - личность хорошо известная. Когда в обществе действовал закон кровной мести, убийство из мести было "открытым убийством" [28, 388]. Согласно скандинавским обычаям, например, совер-

шивший убийство из мести объявлял о нем "немедленно, не дальше, чем у третьего дома, и таким образом мог быть преследуем по закону и в случае согласия с другой стороны мог откупиться вирой" [30, 90]. Если же убийство совершалось по другим мотивам, то и в этом случае (если преступник не ставил целью скрыть следы своего преступления) принадлежность убитого к определенному социально-имущественному разряду была легко доказуема: по одежде, оружию или др. признакам. Существует мнение (Дж. Томсон, А.В. Исаченко), что в эпоху родового строя член рода мог определить (узнать) своего сородича и по особому "родовому знаку" [32, 91].

Б.Д. Греков полагал, что Краткая Правда "говорит главным образом о "мужах", под которыми нетрудно вскрыть дружинную, рыцарскую среду в обычном понимании термина. Тут мы имеем рыцаря-мужа с его неразлучным спутником – боевым конем и оружием, с которым рыцарь тоже не расставался; наконец, с его одеянием [25, II, 16].

В формуле "40 гривен за голову" ("положити за голову 80 гривен") голова 'человек, лицо, особа' относится только к свободному человеку, часто к представителю военной аристократии, притом к мужчине[1].

Таким образом, понятие о личности, права которой охранял закон, складывается в эпоху раннего феодализма на основе представлений о свободном человеке, принадлежность которого к некоему социально-имущественному разряду можно было определить по одежде, оружию и др. признакам. Жизнь такого человека имела известную ценность (стоимость) при назначении штрафа за его убийство.

---

[1] У слова голова и его семантического эквивалента глава словари отмечают значения 'некто старший, главный', 'начальник, глава', значения, относимые к мужчине и восходящие, возможно, еще к протославянскому периоду, когда в социальной структуре племен главенствующее положение начинает занимать мужчина и происходит процесс выделения племенной военной верхушки во главе с вождями-воеводами, о чем свидетельствует обследование погребальных сооружений того времени [26, 232].

Привлекает внимание и такой любопытный факт: в некоторых русских народных говорах между мужчинами в разговоре принято называть своего собеседника при обращении "голова" [СРНГ, вып. 6, 298–299].

В Ст. I Пространной редакции вопросам взимания виры уделено основное внимание: "Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо братучадо, ли братню сынови, оже ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь или тиуна княжа; аче ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривен положити за нь" [ПРП I, 108. XIУ в. ∽ XП в.]. Поскольку в данном контексте идет речь о взимании виры, то принадлежность убитого лица к тому или иному социально-имущественному разряду имеет здесь первостепенное значение, а факт убийства, являясь само собой разумеющимся, как бы уходит на второй план. Слово голова, возможно, начинает восприниматься в данном контексте сначала как 'убийство данного человека (лица, особы)', а затем как 'данный убитый человек (лицо, особа)'.

С аналогичным употреблением встречаемся и в других юридических документах той же эпохи. Для сравнения приведем ниже два отрывка из дипломатических документов XП–XШ вв.: А оже убьють новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ НовѢгородѢ, то за ту голову 20 гривнъ серебра (Гр. Новг. и Псков., 55. 1189–1199 гг.); Того съ не даи аж бы промьжю нами бои былъ, а любо чл̃вка убиють до см̃рти, како чл̃вка то отплатити, аж бы миръ не ръздрушенъ былъ: такъ платити, како то бы обоимъ любо былы. Зде починаеться правда. Аже будѢть свободѢныи чл̃вкъ убитъ, ·г· гривенъ серебра за голову. Аже будѢти холъпъ убитъ, ·а· гривна серьбра заплатити (Смол. гр., 21. 1229 г.).

Личностью, права которой охранял закон, считался только свободный человек. За рабом закон не признавал ни права личности, ни вытекающего из него права мести. Убийство раба влекло за собой только покрытие убытка, нанесенного хозяину ("урок"), и штраф ("продажу"), следующий князю за истребление чужой собственности [4, 73]. "Жизнь челяди охраняется законом не как самостоятельная ценность, а как имущество, принадлежащее какому-то хозяину" [РЗ, 18]. В Русской Правде (Пространная редакция) читаем: "А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть без вины убиен, то за холоп урок платити или за робу, а князю 12 гривен продаже" [ПРП, I, 117].

Как указывалось выше, многие лексикографы, как современные, так и их предшественники, отмечают у слова голова значение 'убитый'.

И.И. Срезневский сравнивает голова 'убитый' с hlava 'убитый' в древнечешском языке, в подтверждение чего приводит следующий пример: Quando aliquis occisus vel strangulatus, quod "hlava" nuncupatur, infra campos alicujus villae projectus ab iniquis hominibus reperitur ('Если какой-л. убитый или задушенный, что называется "голова", за пределами общины лежащий, будет опознан людьми враждебной стороны' ...) Грам. 1220 г. [Срз. I, 543]. Однако этот же пример приводится в Словаре Яна Гебауэра в качестве иллюстрации к hlava 'убийство' [36, I, 423].

Так же неоднозначно можно интерпретировать и некоторые иллюстрации к голова 'убитый' в СлСУМ XIУ-XУ ст. и в СБС XУ-XУП вв. Например: "Коли шля(х)тичь шля(х)тичю лаеть до мѫ̃три а за того того (!) не о(т)зоветь алюбо не доканаеть што говори(л) имее(т) плати(т) за соромотоу, ка(к) за головоу шесть деся(т) ко(п) гроши (XУ ст. ВС 29)" [СлСУМ XIУ-XIУ ст., I, 248]. За голову можно толковать и как 'за убийство'. В СБС XУ-XУП вв.(т.УП, с. 36) голова 'убитый' иллюстрируется примерами, которые можно отнести и к голова 'убийство': "о злодейство о фалшъ и о голову шляхетскую (Ст. 1566, 49)". Словосочетание дати вину о голову (у головах) следует рассматривать как фразеологизм с компонентом голова 'убийство'.

Неоднозначное толкование переводчиками и лексикографами юридического термина голова в контексте Ст. I Русской Правды убеждает в том, что слово голова выступает здесь в синкретическом значении 'убийство данного лица, данной особы'.

В Ст. 3 Пространной редакции Русской Правды употребляется словосочетание голова лежить (в Ст. 20 Краткой редакции - голова начнеть лежати): О убиистве. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, в чьеи же верви голова лежить, то 80 гривен, паки ли людин, то 40 гривен [ПРП, I, 108; 25, П, 255]. Переводы: 1. Ежели кто убьет вельможу в поединочном бою, и убийцу сыскать будет не можно, то пеню за убийство, а именно 80 гривен, взыскать с жителей той волости, в дачах которые тело поднято будет; а ежели убит будет людин, то взыскать 40 гривен (И. Болтин)[25, П, 255]. 2. Если кто убьет княжеского мужа, сделав насильственное на него нападение, и если убийца не будет отыскан, то платит за него виру - 80 гривен - та округа, где совершилось убийство; если же убитый будет людин, т.е. свободный чело-

век, то 40 гривен (Платонов) [25, II, 255]. 3. Если кто убьет княжого мужа в драке, и убийцы не ищут, то виру - 80 гривен - платит та община, в округе которой поднят убитый. Если же будет убит простой человек, то община платит 40 гривен (Стороженко) [25, II, 255]. 4. Если кто злоумышленно убьет княжа мужа, а убийцу (люди) не будут искать, то виру в 80 гривен платит вервь, в которой найден труп убитого; если же (убитый) простолюдин, то 40 гривен [12, 121].

Как видим, переводы сильно отличаются один от другого, а именно этот контекст обычно иллюстрирует в исторических словарях значение 'убитый' у слова голова.

Ст. 3 Русской Правды представляется необходимым рассматривать одновременно со Ст. 19 Пространной редакции: А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведають, ни знають его [ПРП, I, 110]. Из статей явствует, что за убийство платил штраф либо сам убийца "головник"), либо община "вервь"). Община платила штраф в том случае, когда она отказывалась "искать" убийцу, и тогда убийца платил лишь свою часть, как любой другой член общины. Но вот что еще важно: если личность убитого нельзя было установить, то община, на территории которой был найден труп, вообще освобождалась от штрафа.

В комментариях к Ст. 19 высказываются соображения, что вервь не платит за найденные человеческие кости или труп неизвестного человека, поскольку в такой ситуации трудно судить, по какой причине погиб человек (заболел и умер? съели дикие звери? убит?).

Но возможно, что вервь не должна платить штраф в подобной ситуации еще и потому, что человек не опознан, т.е. неизвестно, сколько стоит его жизнь. Очевидно так понимали этот текст И. Болтин ("А за найденное на чьей земле мертвое тело неизвестного человека, которого никто не опознает, пени за убийство не взыскивать" [25, II, 329]). Н.М. Карамзин ("За найденное мертвое тело человека неизвестного вервь не ответствует" [там же, 256]). А.А.Зимин ("А за кости и за мертвеца, имя которого неизвестно, вервь не платит" [ПРП, I, 182]). Таким образом, по закону штраф за убийство назначался только в случае опознания убитого, выявления его принадлежности к определенному социально-имущественному разряду: за "княжа мужа" - 80 гривен (т.е. двойная вира), за "людина" - 40 гривен[1]. В таком случае под "головой" в Ст. 3 как будто следует пони-

[1] За женщину платилось полвиры [ПРП, I, 117].

мать "опознанный известный человек", "этот человек, это лицо, эта особа", т.е. то же самое, что и в Ст. I.

Любая часть тела человека может обозначать в языке самого человека. Тем более это касается головы, поскольку именно с головой как частью тела связаны прежде всего личностные признаки.

Многочисленные употребления слова голова (глава) 'человек, лицо, особа' в памятниках письменности XIII–XVII вв. доказывают, что это слово могло обозначать как живого, так и мертвого человека. Однако прежде всего живого: (1242): Того же лѣта нѣмци прислаша съ поклономъ: что есмя зашли мечемъ, того ся отступаемъ. И главами размѣнишася (Рог. лет., 30. XV в.); А где на порубежьи с которые стороны вчыниться татьба, или порубъ, или грабежъ, или голову убъють, или иная какова пеня вчынитъца, ино о томъ послы послати (Гр. Новг. и Псков., 134. XVI в.~ 1474 г.); (1471): Поспу и живот и головы воиною великою пограбивъ, с собою животы повезе [по вар.], а головы поведе (Псков. лет.II, 175. XVI в.); (1426): Онъ же невѣрныи опоромъ поиде ко граду, многих главъ своея рати оставъ (Псков. лет.I, 36. XVII в.). (1426): И он невѣрныи поиде опором к городу, а много головъ своеа рати оставъ (Псков. лет.II, 122. XVI в.); (1468): Того же лѣта присла князь местеръ ризскии посла своего ... о миру, чтобы та 9 лѣтъ здрежати крѣпко, а главы бы не гибли со обою сторонъ (Псков. лет.I, 67. XVII в.).

В документах юридического характера XVI–XVII вв., для устранения двусмысленности, слово голова, применяемое к убитому человеку, обычно снабжается уточняющими определениями (так же, впрочем, как и люди, человѣкъ): А явится въ отца нашего митрополичихъ волостяхъ и въ селѣхъ... мертвой убитой человѣкъ, и намѣстницы наши и волостели и ихъ тиуни душегубца судятъ надъ убитою головою (АИ I, 339. 1567 г.); [Взято в прошлом году] за убитые головы, которые люди побиты 45 руб. (Кн. прих.-расх. Моск., 234. 1613 г.). Битъ по рядомъ и по торгомъ въ проводку кнутомъ гулящий человѣкъ Степанко Романовъ... за то, что онъ Знаменского монастыря половника Ивашка убилъ до смерти и за убитую голову выдан онъ... въ монастырь головою, а поголовные денги за него ... взято на архимаритѣ Варламѣ съ братьею (Росп. наказаний Тобол., 34. 1639–1643 гг.).

Необходимость уточняющих определений, указывающих на то, что голова 'человек, лицо, особа' применяется к мертвому человеку, возможно, свидетельствует и о том, что юридический термин голова 'убийство' к этому времени уже оказывается забытым.

"Содержащееся в слове понимание "предмета", явления действительности сказывается как в смысловых связях этого слова с другими словами, так и в содержании тех предложений, составным членом которых является данное слово, обнаруживающее тем самым и разнообразие своих речевых связей с другими словами и их значений" [5, 69].

Обращает на себя внимание, что в Ст. 3 Русской Правды голова сочетается с глаголом лежати. Глаголы лежати и лечи в древнерусском языке соотносятся с понятиями "лежать, быть в горизонтальном положении", "спать, отдыхать", "болеть", "покоиться, быть погребенным" и "быть убитым". Любопытно отметить, что у латинского глагола jacere , семантически соответствующего древнерусскому лежати, кроме значений 'лежать', 'спать', 'лежать больным', также находим значения 'быть неподвижным', 'лежать без погребения'; 'лежать бездыханным', 'быть мертвым', 'пасть, погибнуть, быть убитым' [11, 561]. Ср. также с латинскими этимологическими соответствиями к русскому лежать: lectulus и lectus , в которых совмещаются значения 'ложе' и 'катафалк', с ирландским lige 'постель' и 'могила' [33, Д, 475].

Понятие о смерти связывается, таким образом, с представлениями о горизонтальном положении. Напротив, понятие о жизни - с представлениями о вертикальном положении, что, кстати, отражается в значениях глагола въстати 'подняться' и 'восстать из мертвых, воскреснуть': Видита мѣсто, идеже лежа Гъ (ἔκειτο) (Мф. XXУШ, 6. Остр.ев. 1057 г.); По трьхъ дьньхъ встану (ἐγείρομαι) (Мф. XXУП, 63. Остр. ев. 1057 г.). Таким образом, лежати связано с понятием "смерть", въстати (стояти) - с понятием "жизнь".

С головой тоже всегда связывалось жизненное начало, причем, по представлениям древнего человека, оно сохранялось в ней и после смерти. На этом строится сказочный мотив живой говорящей головы. Вспомним в этой связи эпизод из "Руслана и Людмилы" А.С. Пушкина:

"Как вихорь свистнул острый меч, И прежде, чем я оглянулся, Уж голова слетела с плеч - И сверхъестественная сила В ней жизни дух остановила" [23, 61]. Приведем и другой пример живой говорящей головы из украинской народной сказки (в пересказе А.Н. Афанасьева): "Подало Лихо человечью голову и потчует гостя, а само Лихо слепое. Онъ взял голову да под лавку. "Что, скушал?" - спра-

шивает великан. – "Скушал". "А где ты, головка-мотовка?" – "Под лавкою", – отозвалась голова. Жаром и холодом обдало гостя..." [1, 699].

О говорящей голове писал и В.Я.Пропп: "В сказке о Еруслане Лазаревиче голова всегда лежит. Это голова мертвеца. Однако в лубочных картинках голова торчит из земли. Трудно сказать, какое представление первичное. Как указывает Вазер, на античных геммах часто можно встретить изображение бородатых голов, как бы вырастающих из земли. Эти головы вещают, так как над ними обычно изображена склоненная, слушающая фигура, а рот головы несколько приоткрыт. Автор ... приходит к заключению, что они символизируют душу умершего, что вероятно, но все же не доказано. В сказке голова есть непохороненный мертвец. Возможно, что представление о голове, высовывающейся из земли, есть представление о беспокойном мертвеце, который высовывается, чтобы встать или чтобы найти кого-нибудь, кто бы его похоронил" [22, 136]. Не опровергая предположения В.Я. Проппа, поскольку в сказках, действительно, встречаются "беспокойные мертвецы", позволим себе высказать другое предположение, – связанное с древней символикой, отраженной в семантике глаголов лежати и стояти (встати). Горизонтальное положение связывается со смертью, вертикальное – с жизнью. Поэтому торчащая голова, да еще и говорящая (открытый рот на изображении) – это символ жизни.

Обращает на себя внимание противоречие, которого, очевидно, не заметил Пропп: "В сказке о Еруслане Лазаревиче голова всегда лежит. Это голова мертвеца". Здесь речь идет о голове как части тела; далее у него же: "голова есть непохороненный мертвец" – здесь речь идет о мертвом человеке в целом.

Такое же противоречие как будто находим и в самом тексте сказки (по сп. ХУП в.): "И наехал Уруслан побоище добре велико, а давно бито, а среди побоища лежит голова человѣческая добре велика [в др. сп. лежитъ человѣкъ богатырь] ... И приехал Урусланъ, стал над головою, а говорит: Голова де была доброго человѣка. А голова промолвит [в др. сп. и говорит ему богатырская голова]: Брате де Уруслан Залазоревичь! твоей голове також лежат ⟨ь⟩". Далее в др. списке: "И приехал Еруслань Лазаревичь к богатырской головѣ, а самъ себе удивился, что мертвая голова глаголетъ" [29, 114-115].

В этом отрывке из сказки все противоречиво: с одной стороны

говорится, что лежить человѣкъ богатырь, он же богатырская голова, он же мертвая голова. Сам он неподвижен, но может говорить, что очень удивляет Еруслана, он рассказывает Еруслану о том, что тоже был человѣкъ (живой имеется в виду) и богатырь и мог против царя Огненного щита стояти (что очень важно!).

Опять противопоставление лежати и стояти: лежати 'лежать на поле боя убитым'; стояти – 'сражаться против кого-л. на поле боя', будучи живым'.

Далее в сказке продолжаются противоречия: Еруслан говорит об убитом богатыре как о живом (потому что разговаривал с ним): "в той ратѣ лежить живъ человѣкъ", а царь Огненный щит говорит о нем как об убитом, потому что тот не может действовать, сражаться против него ("стоять"!). Замечание В.Я. Проппа о том, что в сказке о Еруслане Лазаревиче "голова всегда лежит" вполне соответствует его же утверждению, сделанному ниже: "голова есть непохороненный мертвец", т.е. в сказке речь идет не о "говорящей голове" ("голове мертвеца"), а о "живом мертвеце".

Представления о "живом мертвеце", которые находим в фольклоре, особенно в сказках, отражают языческие представления о жизни после смерти.

Многие исследователи отмечают, что представления о жизни после смерти у язычников были крайне неясны и противоречивы, возможно, в связи с тем, что представления разных эпох наслаивались друг на друга. Однако чаще всего господствующим было представление о "живых мертвецах", которые и в загробном мире живут в своем телесном обличье, едят, пьют, испытывают самые различные чувства и т.п. Переходя в загробный мир, люди заботились о сохранении своего лица (в прямом и переносном смысле)[1], заботились о том, чтобы их "узнали" в загробном мире, чтобы они смогли занять "там" соответствующее положение. Вот почему в связи с древними обычаями покойника одевали в соответствии с его социальным положением, клали с ним в могилу драгоценные сосуды, любимого коня, оружие, рабов, жен [18, 73-74; 13, 98]. "Общее во всех этих представлениях о жизни после смерти только одно: для отдельного человека время не кончается со смертью, оно обладает прочностью. И эта прочность време-

[1] В саге о Хаконе Старом, герцог вынужденный принять смерть от врагов, говорит, выходя им навстречу: "Не рубите меня в лицо, ибо с правителями так не поступают" [30, 48].

ни всего отчетливее в представлении о "живых мертвецах", т.е. о том, что человек остается после смерти, в сущности, таким же, каким он был при жизни" [30, 119].

Все вышеизложенное доказывает связь представлений древнего человека о жизни и личности с головой. Эти представления и явились основанием для фразеологического переосмысления ряда словосочетаний глаголов лечи, класти (а также их производных) с сущ. голова (глава) 'жизнь' и 'человек, лицо, особа': класти (полагати, складывати) голову - 'жертвовать своей жизнью', 'погибать'; положити (сложити) голову (главу) - 'пожертвовать своей жизнью', 'погибнуть' (см. СлРЯ XI-XУП вв., вып. 4, с. 22, 62; вып. 7, 155; СлСОПИ, вып.I, 165); приложити главу 'погибнуть' (СлСОПИ, вып.I, с. 155); наложити головою 'поплатиться головою', 'погибнуть' (СлРЯ XI-XУП вв., вып. 10, 139). Аналогичные фразеологизмы находим и в других восточнославянских языках, например, в старобелорусском: наложити голову, сложити (положити) голову, лечи голове [СБС XУ-XУП вв., т.УП, 36]; в украинском: лягти головою 'погибнуть, умереть' [9, I, 301].

Большинство фразеологизмов с компонентами лежати (лечи), класти (а также их производными) и голова (глава) отражает жизненную ситуацию гибели человека на поле боя, в поединке, от руки врага и имеет значение 'погибнуть' или 'пожертвовать своей жизнью'. Что же касается словосочетания голова лежитъ в Русской Правде (Ст. 3), то, вероятнее всего, это словосочетание представляет собой свободное сочетание слов (голова 'этот человек, лицо, особа' и лежитъ 'лежит убитым'), что, однако не исключает возможности его контекстного (ситуативного) переосмысления: 'этот человек лежит убитым' воспринимается как 'лежит этот убитый человек' (поскольку ситуация "подсказывает", что "живой" и "лежать" несовместимы). С вариантами этого сочетания слов встречаемся и в других контекстах: тамо лежатъ поганыя головы половецкие (Сл. о п.Иг., 13); Среди побоища лежит голова человѣческая добре велика, а добре давно бита (ср. в др. редакции: въ той ратѣ лежитъ человѣкъ богатырь) (Уруслан, 114. XУП в.); в избѣ лежитъ мертвая голова Петръ Демидовъ (АХУ II, 210. 1612 г.).

На основе именных и предложно-именных словосочетаний с основным компонентом голова 'человек, лицо, особа' - в памятниках письменности находим значительное количество фразеологизмов, нац-

ример, голыми головами (сухою головою) – 'без всякого имущества'; голова въ голову (голова въ голову мѣсто) – в формуле при поручительстве за кого-либо о своей личной ответственности в случае преступления, совершаемого тем, за кого ручаются; своею головою (своими головами; головою, головами) – 1. 'сам (сами) лично' и 2. 'себя лично'; наши головы въ томъ – 'мы отвечаем за это'; на головѣ (имети) 'лично ручаться' (см. примеры в СлРЯ XI–XVII вв., вып.4, 63).

Фразеологизмы на (свою, твою) голову 'на (свою, твою) беду, погибель, к (своей, твоей) голове 'к (своей, твоей) смерти', перед головой – 'перед чьей-л. смертью' с основным компонентом голова возникли в глубокой древности. Их применение в языке часто связано с различными народными приметами, отражающими древние верования и обычаи. Некоторые из этих фразеологизмов обнаруживаем в памятниках письменности, хотя основная сфера их бытования – народные говоры.

Возникновение фразеологизма: на свою голову 'на свою беду', 'на свою погибель' связано с обычаем "клятвы": "На могущество слова опиралась ... древняя, языческая присяга (в старинных памятниках рота и клятва), потому что она состояла в торжественном призывании на свою голову различных казней – в случае, если произносимый человеком обет будет нарушен или если даваемое им показание ложно" [2, 109].

На могущество слова опиралось и проклятие. Отражением древнего обычая кровной мести, а также веры в осуществление этой мести с помощью проклятий (призыва высших сил к осуществлению мести) являются некоторые библейские выражения, например, кровь твоя на главѣ (на головѣ) твоей (2 Цар. I, 16; 3 Цар. 2, 37) – 'ты сам виновен в своей смерти'.

Фразеологизм на свою голову 'на свою беду, погибель' встречаем в Московском летописном своде XV века: (1149): Отпусти его къ отцю, то есть ворогъ твои, яко же отець его. Держишь его на свою голову. Моск.лет., 46. Этот фразеологизм отмечают и словари современного русского языка: на свою голову – 'себе во вред, в ущерб' [СРЯ I, 326]. В Толковом словаре Вл.Даля находим любопытный пример, связанный с одним из древнейших народных обычаев: "на свою голову 'на беду себе': „прилетѣла на свою голову – о птице, залетевшей в избу; стараются поймать ее и сорвать голову" [Даль, I, 367]. Обычай этот связан с очень древним языческим поверьем, что прилетевшая в дом птица приносит беду: должен умереть кто-то живущий в доме

О таком местном индийском поверье, связанном с культом совы (санскр. гхука; гхугуа – на хинди, гхугху – на урду) упоминает Афанасий Никитин: "Есть в томъ Алянде и птица гукукъ, летаетъ ночи, а кличеть "гукукъ", а на которой хороминѣ сѣдить, то тут человѣкъ умреть" [34, 22; 155].

О подобных народных поверьях, связанных с птицами, А.Н. Афанасьев писал: "Прилетит ли на двор, сядет ли на кровлю ворон, сыч, сова, филин, жолна, дятел – это верный знак, что дому грозит разорение или кто-нибудь из родичей умрет в скором времени" [2, 127]. Отводя от себя и от своих близких несчастье, убивали птицу – как бы приносили ее в жертву.

Отражением древнего обряда жертвоприношения является и другой описанный А.Н. Афанасьевым обычай: "... приступая к постройке дома, плотники при самых первых ударах топором назначают голову скотины или птицы, на которую закладывается здание, и верят, что такое обреченное животное непременно иссохнет и падет в скором времени. Пока делается сруб, крестьяне боятся как бы не оскорбить плотников, и охотно ихъ угощают, чтобы они не заклали дома на голову хозяина или кого из домочадцев" [1, 84].

Фразеологизм на (свою) голову употребляется в народных русских говорах и в связи с другими приметами и поверьями. "Завоет собака ночью, – хозяин выйдет на улицу и скажет: – На свою голову" [СРНГ, вып. 6, 299]. Отводя от себя несчастье, человек произносит заклинание, которое ограждает его от смерти: пусть собака воет "на свою голову", т.е. пусть сама умрет. "Есть клады "простые", есть "заклятые", есть положенные на "голову", т.е. нашедший должен вскоре умереть, не попользовавшись кладом. Пошех. Яросл. 1890". "Бывают клады, положенные на 5 или больше голов. Это значит, что первые 5 человек, увидевши клад, как должны от испугу умереть". Костром., Смирнов". [СРНГ, вып. 6, 299].

Фразеологизм к (своей, твоей) голове – 'на (свою, твою) беду, погибель' встречаем как в памятниках письменности XУI–XУII вв., так и в русских народных говорах: "(1558): А за князьца они не стоятъ, вороваль къ своей головѣ" (Ник. лет. XIII, 293); "А что де худо учинитца от чебана и то де будет к твоей головѣ" (Астрах.а. № 2289. Отписка, сст. 2–3. 1651 г.). "К голове; это к голове – 'не к добру, к смерти'. Говорится в случае недоброго предзнаменования (по суеверным признакам). Помор. 1885" [СРНГ, вып. 6, 299].

С приметами, указывающими на приближение беды, смерти, связано и употребление фразеологизма перед головой. "Предзнаменьем сильной болезни или смерти служат, например, скрип потолочной матицы, щель, делающаяся в хлебе при печении его, треск потолка или стены, несвоевременное пенье петуха, также если курица запоет петухом, зачешется у человека переносье, или скотина станет неспокойна, если собаки начнут рыть яму под окнами - все это перед головой . Волог. Иванищкий. 1890 г." [СРНГ, вып. 6, 299]. "Перед головой - 'перед чьей-либо смертью', 'к смерти'. "Более злая особа - "чертовка" - водится в омутах. Она, нередко, слыхали, а видаки - видали, "перед головой", т.е. перед утопленником "ухат": подайте, мол, голову". Красноуфим. Перм." [Там же]. "Перед головой - 'перед бедой': "Видно, говорят, он перед головой хорошо ходит, забрют его в солдаты". Кирил. Новг. Соколовы" [Там же].

x x
x

В заключение можно сказать следующее:

Неоднозначное толкование как переводчиками, так и лексикографами юридического термина голова в Русской Правде убеждает в том, что слово голова выступает здесь в синкретическом значении 'убийство, лишение жизни данного лица, данной особы', которое, реализуясь в контекстах, могло восприниматься то как 'убийство', то как 'убитый'. Это значение отражает сложное сплетение представлений древнего человека о жизни, смерти и личности с головой.

В ритуальном искусстве древности голова, даже отделенная от туловища, всегда символизировала жизнь, тогда как символом смерти было изображение безголовых. Отделение головы от туловища у многих народов древности носило сакральный характер и могло символизировать победу над врагом или завершение акта мести. Вероятно, представления о связи смерти с отделением головы от туловища и лежат в основе архаического значения голова 'убийство' в ряде статей Русской Правды.

Значение голова (глава) 'данное лицо, данная особа' в Русской Правде отражает средневековые представления о личности как о человеке свободном[1], мужчине, первоначально, возможно, как о

[1] Ср. с латинским юридическим термином caput 'голова' - человек, индивидуум как свободный [3, 60].

представителе привилегированной части общества, которого можно узнать (опознать) по одежде, оружию, возможно, и по особому родовому знаку, как о единице, имеющей определенную стоимость (ценность) при назначении штрафа за убийство.

На основе словосочетаний голова 'жизнь' и 'личность' с глаголами лечи, класти и их производными в языке возникает ряд фразеологизмов, значения которых отражают понятия гибели, смерти, понятия, основанные на представлении о горизонтальном положении как положении, несвойственном живому человеку в условиях "поля".

Появление фразеологизмов на (свою, твою) голову - 'на (свою, твою) беду, погибель', к(своей , твоей) голове - 'к смерти'; 'на (свою, твою) погибель', перед головой - 'перед чьей-либо смертью' следует отнести к глубокой древности. Их применение в языке часто связано с различными народными приметами, отражающими древние языческие верованиями и обычаи.

Литература

I. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, Т. II. М., I868.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М. I982.
3. Бартошек Милан. Римское право. Понятия, термины, определения. Юридическая литература . М., I989.
4. Ведров С.В. О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков. М., I877.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Наука . М., I977.
6. Виноградова В.Л. Глава - голова в древнерусском языке и в "Слове о полку Игореве". // В сб. Древнерусский язык. Лексикология и лексикография. Наука. М., I980.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-ое. СПб. Киев, I909.
8. Греков Б.Д. Полица. Изд-во АН СССР. М., I95I.
9. Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. Киев, I907. Фототипическое изд. АН УССР. Киев, I958.
I0. Гуляев В.И. Новые открытия в археологии майя (I959-I963) // В кн. Чарльз Галленкамп. Майя, загадка исчезнувшей цивилизации. Наука, М., I966.
II. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., Русский язык , I976.

I2. Зимин А.А. Договоры Руси с Византией. Русская Правда. Вступительные статьи, переводы, комментарии. // ПРП. Вып. I. Памятники права Киевского государства X-XII вв. Сост. А.А. Зимин. М., I952.
I3. Иванишев Н.Д. Сочинения. Отдел I. Исследования по истории славянских законодательств. Киев, I876.
I4. Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., Наука, I983.
I5. Карский Е.Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., I930.
I6. Клейн А. Майкоп: Азия, Европа? // В ж. "Знание - сила", № 2, I987.
I7. Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Курс русской истории, ч. I. Госполитиздат, I956.
I8. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., I868.
I9. Кочин Е.Г. Материалы для терминологического словаря древней России. Изд-во АН СССР. М.-Л., I937.
20. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X - середина XVII в.). М., Высшая школа, I975.
2I. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., Наука, I988.
22. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., I946.
23. Пушкин А.С. Стихотворения. Т. II. Л., Советский писатель, I954.
24. Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. М.-Л., Наука, I966.
25. Русская Правда под ред. Б.Д.Грекова. Т. I-II. М.-Л., I940.
26. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., Наука, I98I.
27. Салическая Правда // МГПИ им. В.И. Ленина. Ученые записки. Т. XII. М., I950.
28. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4. СПб., I9I0.
29. Сказка об Уруслане Залазаревиче по ркп. Ундольского № 930. XVII в. // Летописи русской литературы и древностей. Т. II. М., I859, с. I00-I28. (Основной текст). Варианты по ркп. Имп. Публ. библ. Погод. № I773. // Памятники старинной русской литературы. Вып. II. СПб., I860, с. 325-339.
30. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., Наука, I984.

31. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.-Л., 1941.
32. Трубачев О.Н. Древнейшие славянские термины родства. // ВЯ, 1957 г., № 2.
33. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., "Прогресс", 1963-1973.
34. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., Наука , 1986.
35. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953.
36. Gebauer J. Slovnìk staročeský. 2 nezměněné vyd. Praha, Academia, Dil. 1 (A-J), 1970.
37. Řád práva zemského (XIV в.) // Svod zakonův slovanských (Свод законов славянских). Praga, 1880.

А.Л. Хорошкевич

"А МОЛВИТ ХОМУТОВКОЮ..." ПОИСК ИСТОРИКА

Этот своеобразный оборот входит в восторженную характеристику деятельности одного из наиболее выдающихся сподвижников молодого царя Ивана IV - Алексея Федоровича Адашева, выдвинувшегося не благодаря своей родовитости, но благодаря собственным способностям и уму. С именем этого костромского дворянина связан блистательный период реформ управления, в том числе и суда, в результате которых Российское царство в середине XVI в. сделало решительный шаг по пути преодоления остатков феодальной раздробленности в административной сфере.

Небольшой панегирик А.Ф. Адашеву поместил составитель Пискаревского летописца, и во втором десятилетии XVII в. не забывший о расцвете русской государственности в прошлом. О фаворите или, как говорили, начиная с XVII в., - "временнике" (формирование этого понятия связано с оценкой деятельности А.Ф. Адашева в середине XVI в., когда он был "во времени"), пользовавшемся огромным влиянием на царя и весь ход государственных дел, он писал: "... Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет, тот вдругорядь не беи челом; а кои боярин челобитнои волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою, тот больши того не беи челом, то быть в тюрьме или сослану" [ПСРЛ 34, 181].

С 1955 г., с момента первого издания Пискаревского летопис-

ца, памятника, содержащего уникальные сведения по истории России со второй трети XVI столетия, поразительные по своим живым и ярким деталям жизни столицы, Кремля, лиц, близких к престолу и далеких от него, строительству и печатному делу, а самое главное – передающего атмосферу многочисленных, а зачастую и противоречивых слухов, формировавших общественное мнение, фраза о деятельности Адашева практически стала "дежурной" во всех исследованиях по политической истории России начала царствования Грозного. На ее основе строили концепции о роли самого Адашева, о развитии приказной системы, об эволюции внутренней политики первого русского царя [26; 18, 223–225], ее привлекали и для выяснения идейного замысла самого Пискаревского летописца [25, 235; 7, 335]. Однако смысл панегирика остается не совсем ясным. В издании памятника в Полном собрании русских летописей вместо второй точки с запятой стоит двоеточие, таким образом оказывается, будто волокита с разбором челобитных каким-то образом связана с тем, что государь "молвит хомутовкою". Последнее выражение привлекло внимание лишь А.А. Зимина, который полагал, что его следует переводить как: "уличит в плутовстве" [12, 326]. Происхождение самого выражения остается невыясненным.

Конструкция этого выражения: глагол молвить и существительное в творительном падеже дожила до XIX в. Дважды подобная конструкция встречается в сказке А.С. Пушкина о царе Салтане: "И она ему потом молвит русским языком..." и "Что можем наскоро стихами молвить ей?" Однако ни тот ни другой случай не полностью соответствуют той, что употреблена в Пискаревском летописце. У А.С. Пушкина – это творительный инструментальный, вообще широко распространенный [17, 175], в рассматриваемом обороте – творительный употреблен в значении дополнения.

Глагол от слова хомут имеет не только прямое, но и переносные значения: хомутать кого-либо – означает по В.И. Далю заставлять работать, навалить на кого-либо стороннее дело; хомутать на кого- "клеветать" и "взводить напраслину" [Даль, IV, 560][1]. Однако этот глагол вплоть до конца XVII в. не попал в письменные источники. Неясно, к какому времени относится его образование.

Задача настоящего этюда – попытаться установить его этимологию и выяснить причины бытования подобного термина в XVII в.

---

[1]Благодарю О.Н. Трубачева, обратившего мое внимание на этот термин.

Автор ограничивается при этом лишь данными актов и делопроизводственных источников конца XУ–XУI и отчасти начала XУП в.

Слово хомутовка не попало ни в один из словарей древне-, среднерусского или живого великорусского языка. Судя по контексту, оно не имеет ни малейшего отношения к тому предмету конской сбруи, к которому восходит корень слова. Суффикс -овк- может быть суффиксом, с помощью которого образуется наименование орудия (по типу мутовка), может служить и для обозначения принадлежности. Более вероятным представляется второе.

Если исходить из второго значения суффикса, следует искать лиц, носивших фамилию от этого же корня. Правда, в таком случае нужно говорить уже не об одном суффиксе, а двух -ов- и -к- .

Фамилию от слова хомут на протяжении конца XУ – начала XУП вв. носили весьма многочисленные лица. В конце XУ – начале XУI вв. наиболее часто упоминается Иван Федорович Хомутов. Дважды – в I50I и I502 гг. он выступал "мужем" – свидетелем на разъезде (определении границ) земель в Пехорском стане Московского у. В июне I50I г. он – сотский, один из тех, кто "ямы копали и грани клали" на меже между великокняжеской деревней Жаталовской, "вотчинной землей" трех Мелентьевых, пяти – Захаровых, трех – Ивановых и Столешниковской землей Московского Симонова монастыря, расположенных около Медвежьих озер. На следующий год "великого князя сотцкои" присутствует на разъезде дер. Малаховской того же монастыря с великокняжеской становой дер. Савостьяновской [АСЭИ, П, 464–465].

Как правило, свидетелями при установлении границ тех или иных владений выступали местные жители. По-видимому, и участие И.Ф. Хомутова в разграничении земель к северо-востоку от столицы, в непосредственной близости от нее, в районе левого притока Москвы-реки – р. Пехорки не было исключением: через двадцать лет, в I52I/22 г., когда И.Ф. Хомутова не стало, выполняя его последнюю волю, игумен Дмитриевского Кудищинского монастыря Иосиф передал Троице-Сергиеву монастырю д. Щелково в Боховом стану на р. Клязьме "на поминок" ему самому и его роду [I, 204, 328]. Эта деревня, позднее город на Монинской ветке Ярославской ж/д., а ныне район г. Москвы была расположена невдалеке от предполагаемой родовой вотчины Хомутовых – с. Хомутова на р. Клязьме. К югу от Щелкова находятся и те самые Медвежьи озера, около которых И.Ф. Хомутов в начале века "разъезжал" границы.

Современником И.Ф. Хомутова – помещиком, но еще не названным так, поскольку термин, известный уже Судебнику 1497 г. [22, 28], вошел в широкий обиход несколько позднее, был некий Дмитрий Хомутов. В 1504 г. при разъезде рузских и звенигородских земель удельного князя Юрия Ивановича с можайскими и клинскими станами его отца великого князя всея Руси Ивана Ш упоминается деревня Сидорова, "что за Миткою за Хомутовым" [ДДГ, 398]. След более позднего пребывания Хомутовых в Рузском у. остался в топонимике. В 60-ые годы XVI в. селище Хомутово тянуло к с. Ивановскому в Локнышском стане Рузского у. В это время оно уже переменило нескольких владельцев, перейдя от Кутузовых в Иосифо-Волоколамский монастырь. Передачу осуществила в 1568/69 г. вдова А.М. Кутузова Мария, по требованию своей дочери Марии, жены Федора Андреевича Куракина [АФЗХ, 462][1]. Сама же Мария (младшая) получила это селище в качестве приданого, стало быть, селище еще раньше оказалось в руках Кутузовых.

Возможно, в Рузском у. вплоть до 1602–1603 гг. оставался Василий Яковлевич Хомутов. Он был писцом купчей (продажной) Торопа Семеновича Муханова на избу в д. Пятовской крестьянину Иосифо-Волоколамского монастыря Филе Григорьеву [там же, 462]. Правда, неизвестно, писал ли он это документ в Рузе, или ее окрестностях, или за пределами уезда.

В XVI в. Хомутовы весьма многочисленны. Они владеют землями на условном праве в Твери (в Дворовой тетради середины XVI в. Иван Иванович Хомутов назван дворовым сыном боярским по Твери [27, 197]. Вероятно, его сын – Андрей Иванович в 1602–1603 гг. имел там оклад в 450 четей [5, 239]. В Новгороде Хомутовы, по сообщению В.Б. Кобрина, появляются в 30-ые годы XVI в., в 1602/3 г. Василий Неверов Хомутов владел там 450 четями [там же, 201]. Наконец, некий Венедикт, согласно списку стрелецких сотников, составленному в 1643 г., был стрелецким сотником у "литвы" и "немец" при Иване IУ и Федоре Ивановиче [27, 216]. Таким образом, на протяжении XVI – начала XVII вв. многочисленные Хомутовы, возможно, принадлежавшие к одному московскому роду, верой и правдой служили как Рюриковичам, начиная с Ивана Ш, так и царям новой династии Романовых.

[1] В 1571/72 гг. этот вклад подтвердила другая дочь А.М. Кутузова, "царица" Мария, жена Семена Касаевича [там же, 396].

Наиболее заметным было участие Хомутовых в событиях Смутного времени. В 1610 г. соратником Захара Ляпунова выступил Федор Хомутов. Именно они-то призывали с Лобного места к свержению Василия Шуйского [ПСРЛ, 14, 100]. Поскольку последний "с Московского государьства.соити не похотел и посоха отдать", его "с царства... ссадили", свели на его старый двор (по-видимому, на современной улице Маркса-Энгельса) и постригли. В этой церемонии наряду с кн. Василием Тюфякиным участвовали те же Захарий Ляпунов и Федор Хомутов. Бельский летописец, сохранивший это известие, первого называет рязанцем, а второго - лучанином, т.е. жителем Великих Лук [ПСРЛ 34, 256]. По-видимому, Федор Хомутов - это Федор Григорьевич Хомутов, который 30 октября в польском лагере под Смоленском получил жалованную - "лист" Сигизмунда Ш "на новое поместье" сельцо Рубаново в Михайловском пог. Луцкого у. в 240 четвертей и на его старое поместье - сельцо Агафоново вдовы Аграфены Григорьевой жены Низовцева [АЗР, 369].

В Смутное время активно подвизались при поляках и другие Хомутовы: 30 ноября того же 1610 г. Венедикту Хомутову за сеунч к его окладу было придано 100 четвертей и 7 рублей, а 6 декабря он был назначен воеводой в Орешке [там же, 389, 394]. Кобяк Дмитриев с. Хомутов в 1611-1612 гг. находился в Новгороде. Пожалуй, больше всех при поляках процвел Игнатий Филиппович Хомутов. За три года службы Сигизмунду Ш он получил весьма значительные владения: принадлежавшие ранее Григорию Еропкину (поместье на Белом, в Монивидовой слободе[1], и в Березской волости - с. Голощапово, с. Жихорево на р. Меже), Константину Коротневу (с. Сергейково), И.Н. Ржевскому (в Осташковской вол.), Кузьме и Степану Безобразовым (с. Молвятино). Тогда же он получил подтверждение на свое старое поместье в Ржеве Володимеровой - с. Занинское, а в 1611-1612 гг. - пожалование от польского короля Владислава в Бельзском у. в Монивидовой слободе [АЗР, 369, 389, 394, 425]. В Москве его двор находился в Деревяном городе, вероятно, в том же районе, где недалеко от Варварских ворот (ныне Кировских) в 1638 г. жил Федор Хомутов [16, 151]. Многочисленные владения Игнатия Филипповича Хомутова были заново подтверждены ему 19 августа

[1] Л.М. Сухотин датирует это пожалование в Бельзском у. 18 января 1611 г. [23].

1612 г. в связи с тем, что, "как воры Москву выжгли, и ... двор его сгорел" [АЗР, 425].

Ранняя история Хомутовых не поддается даже такому схематичному изображению. О ней можно судить лишь по данным топонимики, причем более ранним, чем те, что были уже приведены выше. Пребывание Хомутовых в качестве землевладельцев нигде не зафиксировано таким количеством топонимов, как в районе Клязьмы. В XIУ в. в бассейне р. Пехорки пролегла дорога, получившая название Хомутовской. Великий князь московский Дмитрий Иванович, с XУI в. - Донской, меняясь около 1380-1382 гг. землями с Московским Симоновым монастырем, точно указывал, что территория его монастырька - пустыньки Спаса Преображения у Медвежьего озера в верховьях р. Пехорки доходит не только "по великую дорогу по старую по Переяславскую по лесную", но и "по дорогу по Хомутовскую по Булатникова" [АСЭИ, П, 338]. В этой цитате из меновной приведена пунктуация И.А. Голубцова. Думается, точнее было бы разделить запятой два названия новой дороги: "по Хомутовскую, по Булатникова". Данных о родственных связях Хомутовых (или Хомутова) и Булатникова нет, как и не сохранилось сведений о конкретных представителях Булатниковых за XIУ-ый век. В конце следующего - XУ-ого столетия волостные люди великого князя бармазовцы Иван и Василий Булатниковы присутствовали при "разводе" (определении границ) великокняжеского Дьяковского Бармазовского села с селом Хупань Переславской волости, принадлежавшим Троице-Сергиеву монастырю [АСЭИ, I, 560]. Какое-то село Булатникова Злобина существовало и в 1519 г. [ПСРЛ 13, ч. I, 32].

Имя Булатниковых за новой дорогой не закрепилась. Еще раз Хомутовская дорога упоминается в связи с разъезжей грамотой великокняжеского с. Площева с троицким с. Едигеевым. Разъезд этих владений проходил поперек "дороги Хомутовские" [АРГ, 50]. Часть ее около Медвежьих озер, по предположению И.А. Голубцова, могла быть названа Большой зимней Озерецкой [АСЭИ, П, 365]. В 60-ые - 70-ые годы XУ в. все еще новая, все "непошлая" (необычная) Хомутовская дорога проходила через сс. Скнятино и Едигеево в Кинельском стане Переславского у. [АСЭИ, I, 264][1]. О ней же -

[1]Игумен Троице-Сергиева монастыря Спиридоний просил запретить проезд через эти монастырские села. Как полагает Л.В. Черепнин [28, 164], его просьба была удовлетворена. Вероятно, имен-

Хомутовке или Хомутовской дороге в начале XУI в. идет речь в "разводной" ("разъезжей") грамоте Пестовской земли (в районе нынешнего Пестовского водохранилища) троицких старцев с д. Онтуфьевой Иева Тимофеева Царева в вол. Воре Московского у. [АСЭИ, I, 563-564].

Откуда же начиналась эта дорога и куда она вела? В пределах Москвы XУI-XУП вв. дорога носила название Хомутовки или, вернее, вливалась в одну из улиц Белого города. Хомутовка - это нынешний Большой Харитоньевский переулок, проходящий почти параллельно улице Кирова от Бульварного до Садового кольца. За пересечением с Садовой-Черногрязской прежнее наименование удержалось в виде Хомутовского тупика. В конце XУШ в. Хомутовка была переименована до церкви Харитона Исповедника, в I620 г. еще деревянной, с I654 г. - каменной [24, 317; I3, I02]. Современный район между ул. Кирова (Мясницкой) и Красными воротами был занят в XУП в. дворцовой Огородной слободой, быстро увеличивавшейся в размерах (в I638 г. она насчитывала I74 двора огородников, в I679 г. - 373 [I6, 204-2I0]. Рядом располагалась церковь Флора и Лавра в Мясниках (при описании пожара I547 г. его граница указывалась так: "по Ильинской до в Мясниках" [ПСРЛ 29, 52, I52]. Сельскохозяйственный придаток московского дворцового хозяйства Хомутовка пересекалась Коровной-площадной улицей (позднее Гусятниковой, ныне - Большевистский пер.), Огородной или Харитоньевской (ныне - М.Харитоньевский пер.), Козловой или Козьей ул. (ныне - Большой Козловский пер.).

И.М. Снегирев, один из наиболее вдумчивых исследователей истории Москвы, работавший в прошлом веке, возводил название Хомутовки к имени вотчинника [2I, 69-7I, III; 20, 34]. К сожалению, точных данных о нем нет, но если сопоставить сведения о топонимии Москвы и ее окрестностей, можно полагать, что этот вотчинник принадлежал к дворцу, ведал либо транспортным обслуживанием и перевозками, либо "материальным обеспечением" транспорта, отчего и получил свою фамилию. Затем, - если идти далее по пути догадок, - можно предположить, что в прошлом холоп, а в XУ в. - мелкий вотчинник, проделал такую же карьеру, как и сотни других великокняжеских холопов. Конец XIУ - начала XУ в. застает пред-

---

но с этого времени и начался процесс исчезновения этой дороги, в результате чего осталась единственная дорога - будущая Владимирка.

ставителей этого рода в роли владельцев земли в непосредственной близости от Москвы. Трудно сказать, скольким поколениям Хомутовых довелось выбираться в вотчинники, но уже в конце XIУ в. по их имени или имени их владения названа дорога. Возможно, в это время возникла Огородная слобода с ее главной магистралью - Хомутовкой, ведшей к Кремлю - резиденции великого князя - в одну сторону и в дворцовую Переяславскую волость - в другую. Именно эта волость в XУI в. славилась тем, что одной из самых первых стала владением великих князей московских, никогда не переходила в другие руки, храня верность дому правителей Москвы, и играла огромную роль в снабжении дворца съестными припасами, в первую очередь онетками из Клещина озера [6, 32, 124, 133].

Новая для XIУ в. - Хомутовская дорога, очевидно, вела в ту же сторону, что и старая Переяславская. Судя по населенным пунктам, через которые или около которых она проходила, эта дорога лишь несколько отклонялась от старой к востоку. Скорее всего, она имела своим конечным пунктом Александрову слободу, известную уже с XIУ в. [АСЭИ, П, 338] и в XУI в. - в мрачную пору опричнины ставшую излюбленным местом пребывания Грозного. Вся Хомутовская дорога, за исключением сел Скнятина и Едигеева, проходила по великокняжеским землям. Недаром троицкие старцы жаловались на то, что пользовавшиеся ею бояре, дети боярские и "всякие ездоки", по-видимому, тоже великокняжеские, брали корм себе и своим лошадям [там же, I, 264].

На первый взгляд, все вышеприведенные рассуждения о Хомутовых, их происхождении, земельных владениях на вотчинном и поместном праве, иллюстрирующие общеизвестные представления об эволюции мелких вотчинников на территории всей Восточной Европы (в "Великоруссии" и "Белоруссии" эти процессы были аналогичны и почти синхронны) не имеют никакого отношения к хомутовке панегирика Адашеву в Пискаревском летописце. Однако Хомутовы XIУ-XУ вв. прославились не только как землевладельцы, именем которых оказались названы села, дороги и улицы, причем ничуть не меньше, чем по имени представителей каких-либо знатных родов, Хомутовы, первоначально (во всяком случае насколько удается проследить по документам конца XУ в.) принадлежавшие к волостным людям, лишь превращавшимся в феодалов - этот процесс очень зорко уловил Ю.Г. Алексеев в своей книге о социальной истории Северо-Восточной Руси [2]- Хомутовы дали название тому самому "канцеляризму",

который прозвучал в оценке деятельности А.Ф. Адашева.

Один из Хомутовых, не названный по имени-отчеству, в 1488 г. был подвергнут торговой казни (порот плетьми) на Торгу в Москве. Он был не один. С ним вместе всенародным посмешищем стали люди, не ему чета – архимандрит близкого к великому князю, почти придворного Чудова монастыря, располагавшегося в самом центре Московского Кремля – Макарий, а также князь Василий Ухтомский. Правда, не все летописи упоминают Хомутова[1]. Он упомянут в Софийской П, Львовской, Ермолинской, Уваровской. Все три соучастника были обвинены в том, что "сделали грамоту на землю после княж Андреева смерти Васильевича Вологодского, рекши, – дал к монастырю на Каменое к Спасу" [ПСРЛ 6, 238; 20, ч. I, 353; 23, 186; 28, 319].

Чтобы разобраться в сущности обвинения, обратимся к лицам, так или иначе замешанным в это дело, и местности, которой оно касалось. Андрей Васильевич Меньшой, удельный князь Вологды, Кубены и Заозерья, брат Ивана Ш, умер 10 июля 1481 г. В отличие от своего тезки – Андрея Большого Углицкого и другого брата – Бориса. Андрей Вологодский был далек от того, чтобы вмешиваться во внутриполитические распри в стране ради расширения своих земель или прав. Его, по-видимому, вполне устраивало положение удельного князя, владения которого располагались далеко на севере на границе с Новгородской землей, инкорпорированной вместе с Московским княжеством в Русское государство на протяжении 1471–1478 гг.

Последние годы жизни князь Андрей Вологодский часто бывал в своих владениях. Здесь в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере им был воздвигнут Спасо-Преображенский собор, первый монументальный собор Северной Руси, строительство которого было закончено в 1481 г. [4, 128]. Возможно, в 1478–81 гг. кн. Андрей сам наблюдал за постройкой монастыря. В это же время он мог видеться и со старцем Кирилло-Белозерского монастыря Авраамием, а миру Афанасием Даниловичем Внуковым, как можно заключить из того факта, что князь Андрей Меньшой вмешался в тяжбу Кириллова монастыря с сыном Внукова Александром из-за земель на Усть-Вашкиницы [АСЭИ, П, 165; I, 352–354]. Разумеется, из этих трех лет

[1] Так, Хомутов не упомянут в Ермолинской летописи [ПСРЛ 23, 162]: 'Тое же зимы поиман бысть архимандрит чюдовьскы Макарии да с ним князь Василеи Ухтомскои и казниша их торговыми позоры".

пребывания в Вологде должно быть исключено время похода на Оку и Угру, т.е. лето и осень 1480 г.

Спас-Каменный монастырь был любимым детищем Андрея Меньшого. Заботясь о его процветании в будущем, князь Андрей в своем завещании просил Ивана Ш, чтобы тот, наследник всех его земель, не велел "описывать" земли монастыря и взимать с них дань. При этом Андрей Меньшой настойчиво подчеркивал, что дарителем земель в монастырь был не только он. О владениях Спасо-Каменного монастыря он писал: "земли того монастыря, села и деревни, в моей вотчине, моего данья и не моего данья" [ДДГ, 277],"... у ... духовные грамоты" (завещания) князя "сидели", т.е. были свидетелями ее составления, наряду с духовником Андрея - Никитой весьма влиятельные люди. Это и ростовский архиепископ Вассиан Рыло, прославившийся своим знаменитым "Посланием на Угру", в котором он призывал Ивана Ш к решительной борьбе за свободу отечества (кстати, смертью Вассиана и датируется само завещание, написанное не позднее февраля 1481 г.[1], и игумен Троице-Сергиева монастыря Паисий Ярославов, и, наконец, фактический руководитель всей внутренней и внешней политики Русского государства последней четверти XУ в. московский воевода Иван Юрьевич Патрикеев. Несмотря на то, что все свидетели составления духовной были последовательными сторонниками великокняжеской политики либо в области монастырского землевладения (Патрикеев), либо в вопросе о соотношении светской и церковной власти (Паисий в 1478-1484 гг. выступал на стороне Ивана Ш против митрополита Геронтия), они вынуждены были включить в завещание Андрея Вологодского его настойчивое требование о сохранении за Спасо-Каменным монастырем его земель, причем на привилегированном положении.

Почему князь Андрей так усиленно подчеркивал свое желание защитить интересы монастыря? Вопрос о доле церковных феодалов в выплате дани в Орду давно уже стоял довольно остро. Докончание Дмитрия Ивановича Московского с Мамаем в 1371 г. привело к установлению фиксированного размера выхода, как можно судить об этом по сообщению московского свода конца XУ в. [ПСРЛ 25, 146].

[1] Мнения исследователей о времени составления завещания кн. Андрея разошлись: А.А. Зимин относит его к августу 1479 г., ко времени болезни Андрея Меньшого [10, 317], Л.В. Черепнин - к февралю 1481 г. [29, 167-174].

Именно в это время и появляются первые упоминания о размерах выхода в Орду. Все новые приобретения московского князя подлежали обложению оброком для уплаты выхода. Присоединение Нижегородского княжества в 1392 г. сопровождалось заключением "управной" грамоты Василия I и митрополита Киприана, подтвержденной в 1404 г. [8, 178][1]. С митрополичьей волости Лух, находившейся в Нижегородском княжестве, должна была поступать дань "в выход" по оброчной грамоте великого князя. Обложению оброком подлежали не только митрополичьи села, но и митрополичьи люди, которые живут в городе и "тянут к дворцю". Общее установление этой грамоты было таково: "Коли дань дати в татары, тогда и оброк дати церковным людем. А коли дани не давати в татары, тогды и оброка не давати церковным людем" [ПРП, Ш, 471]. Мотив защиты привилегий церкви звучит и в послесловии краткой редакции ханских ярлыков: автор его противопоставляет поучение ("наказание"), пример сарацын христианам, "неже правда християньская не разумеющим по истине бога, но ослепленных суетою, еже преобидети святыя церкви и домы их" [там же].

Не прошли даром и уроки новгородско-московских отношений 1471–1478 гг. Лозунг возврата якобы великокняжеских земель вне зависимости от того, в чьих руках они находились, светских ли землевладельцев или церковных корпораций, погребальным звоном для монастырей прозвучал уже в 1478 г. [3, 204]. Борьба вокруг монастырского землевладения велась с нескольких направлений: крестьянами, отстаивавшими свои земли, и великим князем, остро нуждавшимся в землях для испомещения своих слуг. Об остроте вопроса можно судить по немногим цифрам: на первую половину XУ в. приходится 15 правых по поземельным тяжбам, на вторую – 68. При этом 70% поземельных исков выдвигали великокняжеские крестьяне против монастырей [14, 64].

Через семь лет после смерти князя Андрея Вологодского одна из его грамот Спасо-Каменному монастырю была объявлена подложной. По-видимому, именно в это время производилась проверка его грамот. Л.В. Черепнин считал, что эта проверка была начата в свя-

[1] По-видимому, такой же порядок существовал и в Киеве: "А в побор и у подводы митрополичим людем помагати по старине", – читаем в уставной киевского князя Александра Владимировича митрополиту Исидору от 5 февраля 1441 г. [там же, 180].

зи с подготовкой к "поимке" - аресту Андрея Большого Углицкого [29]. Возможно, Л.В. Черепнин и прав, хотя не исключены и другие возможности. Слишком длительным представляется срок подготовки Ивана Ш к аресту Андрея Большого, состоявшемуся лишь в 1491 г. Слишком отделен 1488-ой год и от 1481 г., т.е. времени, когда Иван Ш вступил в свои законные права наследника. Обычно подобная проверка производилась вскоре после вхождения того или иного князя в права владения своими землями (так, Василий Ш подписывал грамоты Троице-Сергиеву монастырю уже в декабре 1505 г., почти через полгода после смерти Ивана Ш). Сам Андрей Меньшой "подписывал", т.е. удостоверял своей подписью грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю 6 декабря 1471 г. [АСЭИ, Ш, 122-130], не после того как сам стал удельным князем, а после того, как Иван Ш закрепил за своим сыном Иваном Ивановичем Молодым права на великокняжеский престол.

Семь лет, протекших между вхождением Ивана Ш в права законного наследника братнего имущества и проверкой грамот Андрея Вологодского, принесли новое обострение земельного вопроса в Русском государстве. Если уже летом 1479 г. или в феврале 1481 г. князю Андрею Меньшому была ясна перспектива описания вологодских и последствия, которые она могла повлечь для столь покровительствуемого им монастыря, то в 1488 г. великокняжеская политика в области монастырского землевладения, как, впрочем, и светского, вступила в новый этап. Вслед за конфискацией церковных земель в Новгороде 1478 г. через 10 лет - в 1487-89 гг. был произведен массовый вывод средних и мелких землевладельцев, купцов и торговых людей из Новгорода и Вятки и испомещение их в центрально-русских землях [3, 316, 319, 332, 337]. Острота земельного вопроса усугублялась, вероятно, и тем, что одновременно с массовыми переселениями производилась перепись земель, в ходе которой землевладельцы вынуждены были предъявлять документы, удостоверявшие их права на землю. Пожалуй, впервые в русской истории - в масштабах всего государства "документу" принадлежал "приоритет" в установлении прав на землю перед устными показаниями соседей и послухов.

В этой обстановке переписи одна из данных Андрея Меньшого была объявлена подложной, хотя писал ее, по-видимому, тот же князь Василий Ухтомский, который писал и завещание вологодского князя. Известны и другие дьяки Андрея Меньшого - Никифор и Гри-

горий Богданов. Деятельность первого из них в этом качестве приходилось на начало 60-ых годов, второго - на начало 70-ых [АСЭИ, П, №№ 101, 103, 219][1]. В качестве свидетеля лишь в одной меновной князя около 1480- 5 июля 1481 г. указан его боярин - некий Иван Александрович [там же, Ш, 285].

В архиве и копийной книге Спас-Каменного монастыря хранилась одна-единственная грамота Андрея Вологодского, та самая, что была дана им в феврале 1479 г., за пол- или полтора года до составления духовной [там же, 284-285]. Эта жалованная и тарханная грамота чрезвычайно подробна. Она освобождает монастырь и от различных пошлин, и дает ему право самостоятельно судить монастырских людей. В целом, она почти полностью повторяет аналогичные жалованные того же Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю от декабря 1471 г. Единственное исключение - это добавление в грамоте Спасо-Каменному монастырю освобождения его от дани. Подобного освобождения в других жалованных грамотах Андрея Вологодского не встречается. Согласно жалованной, монастырь обязан был платить лишь оброк своему сюзерену в размере 10 руб. в год. Требование освобождения монастыря от дани Андрей повторил и в своем завещании. Если сопоставить жалованную Андрея Вологодского Спасо-Каменному монастырю с "управной" Киприана и Василия I, становится ясно, что оброк входил в состав выхода в Орду. Вероятно, и в данном случае было так же.

Могла ли эта грамота вызвать подозрение в своей подлинности? По-видимому, нет. Ее формуляр точно следовал образцу, выработанному в начале 70-ых годов. Сам же князь Андрей еще полностью уверен в прочности своей власти. Позднее подобная уверенность у него исчезла. В грамоте одному из северных монастырей - Спасо-Каменному или Спасо-Прилуцкому Андрей Меньшой пишет, что этот акт останется в силе до тех пор, пока "князь великии тот монастырь пожалует своими грамотами жаловалными" [там же, 285][2]. Можно предположить, что если, действительно, существовала грамота, подлинность которой была заподозрена, то она должна была быть составлена после тщательнейшим образом хранившейся в монастырской

[1]В декабре 1471 г. его грамоты подписывались монограммой, в которой отчетливо видны буквы Р и К [там же, Ш, №№ 192-193, 195-199].

[2]Датировано И.А. Голубцовым 1462-1481 гг.

казне жалованной и тарханной грамоты 1479 г. Хотя освобождение Спасо-Каменного монастыря от дани - основного налога могло вызвать неудовольствие великого князя, а вслед за тем и сомнения в подлинности самой грамоты.

Верить ли обвинению, выставленному великим князем против писца Андрея Меньшого и двух его "пособников" - архимандрита Чудова монастыря и одного из Хомутовых? Если грамота возникла с 1479 по июль 1481, или с июля 1481 по 1488 гг., обвинение Василия Ухтомского могло выглядеть правдоподобным. Однако такого объяснения не находит привлечение к суду и наказание двух других "соучастников". Неясно, какие цели преследовал или мог преследовать архимандрит Чудова монастыря, весьма близкий великому князю, вероятно, выступавший в качестве свидетеля. Странным представляется участие в изготовлении подделки одного из Хомутовых. Трудно допустить, чтобы выходец из рода, поставлявшего верных слуг великим князьям вплоть до Смутного времени, мог действовать вопреки интересам государя всея Руси.

Зная, какими средствами не гнушалась великокняжеская власть, чтобы скомпрометировать своих реальных или потенциальных противников (так, еще до 1480 г. был ослеплен и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь верный сподвижник Василия II Федор Басенок [14, 53, 64], многочисленными вымышленными обвинениями в "измене" сопровождалась политическая борьба последней четверти XV в.) позволительно усомниться в обоснованности этого обвинения. И в Хомутове 1488 г. легче видеть такого же преданного подданного великого князя, каким были и все его остальные сородичи. Неслучайно имя Хомутова упоминают лишь оппозиционные к великокняжеской власти летописи - Софийская II и Львовская, рассказ которых о событиях 1488 г. восходит к источнику конца 80-ых годов. Ермолинская же летопись называет лишь двоих - Макария, известного своей причастностью к грамоте Андрея Меньшого лишь по сведениям этой летописи, и Ухтомского [ПСРЛ 6, 238; 20, ч. I, 353; 23, 186; 28, 319; ср. 15, 235-239].

Официальной версии о подделке данной грамоты Андрея Меньшого может быть противопоставлено иное предположение. Хомутов 1488 г. приложил свою руку к тому, чтобы опорочить - "оболживить", как говорили тогда, подлинную данную Андрея Спасо-Каменному монастырю ради того, чтобы государь всея Руси Иван III не потерял ни клочка из наследства своего младшего брата, чтобы ни один источник

дохода не ушел из его рук. В условиях, когда теряли силу неподтвержденные новыми государями старые грамоты [19, 85–95], все средства для расширения источников дохода великого князя казались хороши.

Публичная казнь – наказание плетьми на московском торгу должна была показать тщетность усилий тех, кто "покушается" на великокняжеские владения или отстаивает свои, пытаясь сохранить их в неприкосновенности. Были ли Хомутов 1488 г. пешкой в большой игре государя или, действительно, пытался содействовать упрочению экономического положения монастыря на Кубенском озере, вне зависимости от этого его судьба была предопределена. Участник составления подделки или просто лицо, действовавшее по указке государя, становился нежелательным жителем г. Москвы. Хомутов был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где еще недавно доживал свой век слепой Федор Басенок и где позднее, возможно, оказался в ссылке один из Патрикеевых. Эти верные, но тугодумные слуги Ивана III не заметили, что главным в политической жизни внутри и вне страны стало упрочение престижа великого князя: Василий Патрикеев и Семен Ряполовский небрежно опустили часть титула Ивана III при заключении договора Русского государства с Великим княжеством Литовским в 1494 г. Но опала Патрикеевых наступила через 10 лет после того, как отправленный в 1488 г. Хомутов уже основал собственный починок, которому также, как и многие родственники, дал свое имя [АСЭИ, II, 266]. Сам термин починок показывает, что этот населенный пункт в окрестностях Кириллова монастыря возник недавно. Он и просуществовал недолго. Вероятно, после смерти Хомутова он был заброшен, так и не превратившись в более основательное поселение. Положение его владельца, жившего на отшибе от монастыря, по-видимому, отличалось от положения остальной братии.

Вернемся к термину, связанному с именем сосланного в Кириллов Хомутова. Очевидно, до конца XУ в. не существовало специального термина для обозначения актовых подделок. Сравнительно позднее использование документов в качестве доказательства владельческих прав во время судебных процессов, равно как и отсутствие земельной тесноты вплоть до конца XУ в. не содействовали формированию подобных дипломатических терминов. Практическая дипломатика делала в конце XУ в. свои первые шаги.

Шумное дело о фальсификации грамоты Андрея Вологодского

долго помнилось теми, в чьих руках находился суд по земельным делам. Да и практика XVI в. – а изобретательные стяжатели из крупных монастырей, по преимуществу, энергично занимались изготовлением подделок, чтобы "округлить" уже принадлежавшие им земли [9, 247–250] – не давала возможности забыть о хомутовке. Знаком этот термин и летописцу второго десятилетия XVII в., включившему хомутовку в хвалебное слово Адашеву, где выражение: "а молвит хомутовкою", вероятно, точнее переводить: "а назовет подделкою".

Формирование термина хомутовка и его бытование на Руси спустя полтора века после события, давшего имя подделке акта, показывает известную консервативность и традиционализм мышления русских канцеляристов – дьяков и подъячих. Словечко из их арго, попавшее на страницы летописи, возникло за полтора века до того – в конце XV в. Случайно ли оно было упомянуто в Пискаревском летописце? Автор его был хорошо знаком с жизнью Москвы, в том числе и придворной, но его идеал точно соответствовал, как уже отметил М.Н. Тихомиров, устремлениям мелких землевладельцев. Запоздалый последователь И.С. Пересветова с его представлениями о сильном и великом государе, руководствовавшемся в своей деятельности "правдой", но не щедший, разумеется, так далеко как идеолог воинников середины XVI в. [II, 347–405], автор Пискаревского летописца считал образцом государственного деятеля представителя нового бюрократического аппарата [30, 310] А.Ф. Адашева. В результате его мудрого правления Русская земля пользовалась "тишиной, благоденствием и управой". Как актуально звучали эти слова для современника Смутного времени, мог представить только тот, кто перенес тревоги и опасности Первой Крестьянской войны, Гражданской войны, осложненных иностранной интервенцией, сначала польской, потом шведской, и все последствия разрухи хозяйства в Смутное время, т.е. "мирских волнений", говоря его языком. Кроме адашевского времени "тихим, праведным и безмятежным" он считал и время правления царя Федора, когда "люди в покое и в любви, и в тишине, и во благоденстве пребыша" [ПСРЛ 34, 200]. Противоположностью же этим "тишине и благоденству" в его изложении выступает опричнина с ее разделением "земли" и "градов", с высылкой из насиженных мест – "из вотчин и ис поместей старинных" и многочисленными кляузами и ябедами ("лихие люди, ненавистники добру, сташа вадити /доносить, наговаривать – А.Х./великому князю на всех людей, а

иныя по грехом словесы своими погибоша" [ПСРЛ 34, 190]. Такую же безотрадную картину рисует автор Пискаревского летописца, характеризуя деятельность Бориса Годунова: "А ревность его великая была ко всем бояром и дворяном, и доводы /доносы - А.Х./от боярских людей и от всяких великие друг на друга, да и сам от тех довотчиков погиб" [там же, 205].

Лишь во времена Адашева, по Пискаревскому летописцу, в Русской земле была "управа", т.е. справедливый и разумный суд, хотя, как уже говорилось, "тишиной и благоденством" она наслаждалась и в другие времена. Именно к "управе" и относится то слово Адашеву, где упомянута хомутовка . "Управа" обеспечивалась тремя обстоятельствами: запрещением повторного обращения по одному и тому же делу, единожды уже рассматривавшемуся, борьбой с проволочками в разбирательстве дел, жестокими карами за возбуждение ходатайства на основе поддельных документов. Автору Пискаревского летописца, уставшему от "мятежей" и "мирских волнений" Смутного времени, все эти особенности деятельности государственного аппарата в годы Избранной рады казались очень привлекательными и по контрасту с его собственной тревожной эпохой, и с не менее беспокойным для мелкого собственника временем боярского правления. Упорядочение судопроизводства в середине XVI в. сопровождалось и более тщательным контролем над актами, подвергавшимися дипломатической экспертизе. В практику начали внедряться основы документоведения. Таким образом, деятельность Адашева предстает в более ярком свете. К его времени вопрос о подделках актов на земельные владения приобрел общегосударственное значение, а ведущий политический деятель вынужден был превратиться в опытного практика-дипломатиста, как и его подчиненные. Жесткие меры, принимавшиеся царем при Адашеве против бюрократической волокиты, неизбежно сопровождавшей деятельность государственного аппарата, использования фальсифицированных обоснований тех или иных челобитий содействовали процессу становления централизации власти в России середины XVI в.

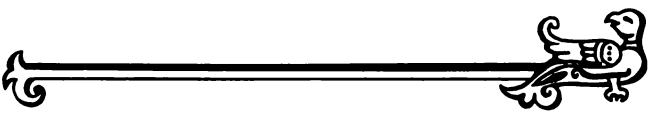
История возникновения и бытования термина хомутовка оказывается небесполезной и для понимания русского летописания первой трети XVI в. Автора Пискаревского летописца искали в разной среде. М.Н. Тихомиров полагал, что это неродовитый человек, сторонник Шуйских [25, 247]. По мнению И.Б. Грекова - это настоятель Архангельского собора московского Кремля, грек по происхож-

дению Арсений Элассонский [7]. В свете приведенных данных гипотеза И.Б. Грекова представляется несостоятельной. Мнение же М.Н. Тихомирова о социальном положении составителя Пискаревского летописца подтверждается новыми данными. Думается, что знакомство автора Пискаревского летописца с биографиями многих представителей клана Шуйских могло питаться из другого источника, а не от самих Шуйских. Обстоятельства свержения и пострига Василия Шуйского позволяют допустить, что Ляпуновым и даже Хомутовым могли стать известными многие подробности жизни Шуйских. Автор Пискаревского летописца, вероятно, был вхож в группу Ляпуновых, Кикиных, Хомутовых, как и составители Нового летописца, Бельского летописца и близких к ним летописей 30-х годов XVII в. В этой связи особый интерес представляет известие о том, что А. Хомутов в XIX в. владел летописью, обнимавшей события 1535–1609 гг., список которой был изготовлен в последней четверти XVII в. [31, 23].

Литература

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
2. Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Переславский уезд. М.,Л., 1966.
3. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., Л., 1961.
4. Бочаров Г., Выголов В. Вологда, Кириллов, Ферапонтов, Белозерск. М., 1969.
5. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979, Ч. I.
6. Герберштейн Сигизмунд. Записки о московитских делах. М., 1908.
7. Греков И.Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца). – В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.
8. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
9. Зимин А.А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-ых годов XVI в. – В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.

10. Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIУ-XУ вв. - Проблемы источниковедения. Сб. УI. М., I958.
11. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., I958.
12. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., I960.
13. История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., I950.
14. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XУ - начала XУI века. М., Л., I960.
15. Лурье Я.С. Общерусские летописи конца XIУ-XУ вв. Л., I976.
16. Росписной список города Москвы I638 г. - Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Т. I. М., I9II.
17. Самсонов Н.Г. Древнерусский язык. - М., I973.
18. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-х - 50-х годов XУI века. М.,Л., I958.
19. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XУII в. Т. I. М., Л., I947.
20. Снегирев В.Л. Московские слободы: Очерки по истории московского посада XIУ-XУШ вв. 2-е изд. М., I956.
21. Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., I875.
22. Судебники XУ-XУI веков. М., Л., I952.
23. Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе I6I0-I6II г. М., I9II.
24. Сытин П.В. Из истории московских улиц. М., I952.
25. Тихомиров М.Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XУI - начала XУII в. - в Кн.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., I979.
26. Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XУI в. - Вопросы истории, I958, № 5.
27. Тысячная книга I550 г. Дворовая тетрадь пятидесятых годов XУI в. М., Л., I950.
28. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIУ-XУ вв. М., I960.
29. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIУ-XУ веков. М.,Л., I948, ч. I.
30. Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. М., I973.
31. Ярославский областной краеведческий музей. Краеведч. записки Вып. Ш. Ярославль, I958.

Эмоциональный мир. Эстетика. Риторика. Литература

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Э.Г. Шимчук

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ, СВЯЗАННОЙ С ДУХОВНЫМ МИРОМ ЧЕЛОВЕКА (ДР.-РУССК. ТЬСКА И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ)

В русской исторической лексикологии, располагающей данными почти тысячелетней письменной традиции, при наличии сравнительно большого числа работ по ранней истории бытовой, хозяйственной и социально-политической лексики, мало специальных исследований, посвященных начальному периоду формирования той части словарного состава, которая связана с духовным миром человека.

Существует, впрочем, мнение о том, что древне- и среднерусская система "интеллектуальной" лексики на протяжении XI–XVII вв. находилась в процессе становления и даже к концу средневековья не сложилась.

Некоторые особенности этой системы ниже будут рассмотрены на примере др.-русск. тъска 'тяжелое положение, мучения, волнения, невзгоды'; 'тяжесть, боль, мучение, неприятное физическое ощущение'; 'тоска, печаль, горе (о душевном состоянии человека) которое привлекается в связи с его ближайшим этимологическим окружением – в первую очередь прилагательным тъщии (тъщь) и глаголами тъщати (ся) / тъщити (ся). Эти слова и их производные проходят через всю историю русского языка; весьма активны в ранний период древнерусской письменности (представлены многочисленными употреблениями в разнообразных памятниках – переводных и оригинальных, церковных и светских)[I].

Для понимания специфики типов выделенных слов особый интерес представляют раннеписьменные и современные диалектные источники, отражающие не только развитие исторического мышления в средневековую эпоху, но и сохранение на раннем ее этапе следов мифологического сознания. Развитие средневекового созна-

[I] Материалы, использованные в статье, извлечены из КДРС, изданных текстов XI–XVII вв., а также словарей славянских языков. Сокращения источников соответствуют тем, которые приняты в СлРЯ XI–XVII вв., и не раскрываются. Для древне- и среднерусского используется нормализованная запись, кроме случаев прямого цитирования из памятников, где при передаче используются правила названного словаря.

ния, собственно, и выявляется в переходе от архаических недифференцированных комплексных значений, покрывающих широкую и конкретно-физическую, и мыслительную, духовную сферу, - к специализированным, отработанным значениям, закрепляющимся за определенными участками соответствующих двух сфер.

Так, рассмотрение истории значений слова тъска, которое, как об этом можно судить по письменным данным, уже в XI–XIII вв. функционирует как имя чувства, обнаруживает архаическую нерасчлененность семантики, связанной с миром физически чувственного и идеального, духовного. Такая же "невышколенность", неотработанность характерна и другим словам выделенной группы.

В раннеписьменную эпоху между словами тъска, тъщии, тъщати(ся) / тъщити (ся) еще обнаруживается актуальная семантическая связь: первичная конкретная сема, выявляющаяся у слов с праславянским корнем *tъsk-, *tъšč- [1] - 'пустой, полый', - представлена как первичное самостоятельное значение или как компонент первичного значения у каждого из них.

Хорошо документировано письменными данными XI–XVII вв. значение 'пустой, полый' прилагательного тъщии: характерный контекст - в Житии Феодосия (Усп. сб., 116. XI–XIII вв.) - о тощем сусеке, который молитвами Феодосия делается полным муки; представлены также сочетания типа тъщии класъ, тъщая (полая) свѣча и др. под. Как вторичные для этого периода есть основания рассматривать следующие значения: 'ничего не имеющий, не имеющий чего-л.' в контекстах типа изиде изъ Вифания тъщь; тъщь богатства; 'бессодержательный' (ср. тщии гласъ - в Послании Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю (АИ I, 374, 1578 г.); 'напрасный, суетный' в сочетаниях со словами типа надѣжда, вѣра, слава, праздникъ, трудъ ('работа'). В подобных контекстах реализуются значения, образованные на базе исходного путем первичной метафоризации (первичная метафора осложняется в определенных контекстах отрицательной оценкой).

Некоторые суждения об изменениях в семантике анализируемого слова в языке нового времени могут строиться на материале словарей русского языка этого периода.

---

[1] Это или близкие ему значения представлены у слов соответствующего гнезда в ряде славянских, а также балтийских, иранских и некоторых других и.-е. языков [см. 4, 1085; 2, IV, 90-91].

Словарь АР и Словарь церковно-славянского и русского языков[1] свидетельствуют о том, что I) в XIX в. отчетливо осознается непрерывность семантического развития слова, представленного ранее во всех разновидностях русского языка древней Руси и продолжающегося в новом литературном русском языке; 2) в процессе стабилизации норм нового литературного языка складывается новая семантическая структура рассматриваемого прилагательного, характеризующаяся следующими особенностями: а) этимологически первичное значение угасает; б) на первый план выдвигается вторичное значение 'сухой, сухощавый (о человеке)'[2]; в) ограничено сферой церковного языка, то есть не входит в литературный язык, значение 'пустой, суетный', ранее бывшее литературным. Словари современного языка, в которых значение 'худой, исхудалый' уже занимает позицию основного, отражают специализацию[3] и сужение сферы употребления всех прочих значений. Так, бывшее исходное стало вторичным и связанным (употребляется только в сочетаниях типа тощий желудок, тощий кошелек и практически почти выходит из употребления). Любопытно, что в выражении на тощий желудок прилагательное тощий часто заменяется словом голодный, а сочетание тощий кошелек допускает осмысление 'как бы похудевший кошелек'.

По-видимому, с яркой эмоциональностью, экспрессивностью нового исходного значения, связанного с устной речью, оказалась несовместимой книжная окраска прилагательного тощий в значении 'суетный, напрасный', чем и объясняется его утрата. Таким образом, семантическое развитие слова определяют импульсы, идущие из двух основных стихий, с которыми связано его функционирование, - разговорной, устной и книжно-письменной. В позицию основного в языке нового времени выдвигается значение, не встречавше-

[1] В Словаре Академии Российской (т. IУ) и Словаре 1867 г. словарная статья прилагательного тощий, имеет четыре значения: I. 'ненасыщенный, не заполненный пищею'; 2. 'сухощавый, некормный' (лицо, бык, лошадь); 3. церк. 'тщетный, напрасный, суетный, бесполезный'; 4. 'ничего не приносящий , ничем не занятый'.

[2] Легко объяснимо на основе актуальной для нового времени прозрачной метафоры.

[3] В сочетаниях типа тощий сыр, тощие угли.

еся в письменном до XVII в. Конкретность, яркая метафоричность, характерная для двух основных значений прилагательного, дифференциация которых вырабатывается на протяжении ряда веков, препятствует закреплению в языке нового времени отвлеченного, высокого значения 'суетный, напрасный'. Это значение закрепляется за сугубо книжным дериватом суффиксального книжного имени – прилагательным тщетный (от тщета), семантически оторвавшимся от родственных лексем с конкретными значениями.

При этом в литературном языке нового времени осуществляется перераспределение между двумя лексемами значений, связанных ранее с одной, а также устранение избыточных однокоренных образований, имеющих тождественную семантику (такая избыточность весьма характерна для литературной традиции, располагающей только письменной формой).

Отметим, что литературный язык нового времени проявляет избирательность не только по отношению к традиционно-письменным элементам: так, литературным языком XVII–XIX вв. не были кодифицированы такие слова, как чивый (из тъщивый) и щавый (из тъщавый), об устном бытовании которых можно с полной уверенностью судить по их форме. Возможно, угасание этих производных объясняется радикальностью их формального преобразования, приведшей к полной изоляции. О неустойчивом статусе этих слов свидетельствует подвижность и неустойчивость их семантики. Так, др.-русск. тъщивый (далее ср. – русск. книжное и устно-разговорное чивый) развивает такую последовательность значений: 'пустой, суетный', 'малодушный'; 'низкий, злой'; 'скорый, быстрый'; 'склонный к чему-л.'; 'усердный'; 'щедрый, тороватый' (последнее, вероятно, в результате переосмысления слова в контекстах типа на пированье тщивы, до осподарских потех охочи (Пов. о Ник. Зар., 256–257), где рассматриваемое прилагательное имело первоначально значение 'склонный к чему-л.'). То же значение ('щедрый') представлено в Великих Четьих-Минеях: любезники вси и тщиви на пиры и линивы на молитву. Ср., однако, уже в Пчеле: тъщивому другу достоино на веселье звану прити (Пч., 66). Интересно, что слово встречается в старинном сборнике народных пословиц[1] и, наконец, фиксируется Словарем АР, Словарем церковнославянского и русского языков и В. Далем. Утрачивается также тщавый 'роскошный' (в разговорном щавый 'то же').

[1] В Пословицах Симони: хто тчив, у того гашник вшив.

как и щавствовать 'роскошествовать, жить в неге'[1].

Для характеристики особенностей семантической эволюции глаголов тъщати(ся)/тъщити(ся) важны данные, получаемые на основе анализа семантики производных, а также близких им по значению слов.

Исходное значение этих глаголов – 'лишить кого-л.,чего-л., истощить, опустошить'[2]. Оно представлено, например, в следующем контексте Успенского сборника: не зъри тъщимааго богатства, но вънъми онуде растущааго съкровища 'не взирай на земное богатство, которое истощимо, но стремись воспринять в другом мире растущие (прибывающие) сокровища' (Усп. сб., 464. XII–XIII вв.). Выделяя это значение, опираемся на наличие весьма близких семантических вариантов у приставочных глаголов истъщити 'истощить что-л., лишиться чего-л.,утъщити 'лишить чего-л., причинить материальный ущерб'. Аналогичная семантическая мотивация может быть выявлена в значении юридического термина тъщина 'убыток'[3].

Интерпретация вторичного значения глаголов тъщити/тъщати, характерного и для пары тъщити ся / тъщати ся – 'беспокоить, тревожить кого-л., что-л.; беспокоиться, тревожиться о ком-л., чем-л.' – требует, чтобы было принято в расчет, во-первых, архаическое неразличение субъектно-объектных отношений. Одним из проявлений этого неразличения является семантическая тождественность пар типа тъщити/тъщитися, обнаруживающаяся в свободной мене глаголов с -ся и без -ся, каждый из которых выражает значение типа 'беспокоить и беспокоиться'[4]. Следует учитывать далее ха-

---

[1]Известны по немногочисленным примерам из русских прологов, засвидетельствованных в Словаре Академии Российской, Словаре 1867 г. и у В. Даля.

[2]'Сделать пустым' > 'опустошить, истощить'.

[3]Раннее употребление – в новгородской берестяной грамоте, датирующейся XII/XIII в. (ниту тобь тощины вькшь одоное – 'нет тебе убытка ни в одной векше'. Бер. Гр. 86, 238); встречается также в Русской Правде.

[4]Это же значение представлено в Изб.Св. 1076 г., 402.

рактерное для раннего средневековья сближение духовного и физического планов. Не случайно оказываются безуспешными попытки четко разграничить раннеписьменные употребления, описывающие состояния физические и душевные. Показательны в связи со сказанным контексты типа душа тѣщить и недуетъ; бѣда, сънъ тѣщить тебе. Полагаем, что глаголы тѣщати (ся) / тѣщити (ся) обозначали в раннеписьменную эпоху болезненное физическое и тревожное душевное состояние, вызванное отсутствием чего-л., не дифференцируя их, комплексно, что хорошо согласуется с установившимся в науке представлением об особенностях категорий материального и идеального в средневековом сознании[1].

Экспликациями описанного значения в специализированных, в известной мере застывших контекстах являются следующие составляющие семантической структуры анализируемых глаголов: 'сильно желать чего-л.'; 'стремиться к чему-л.'; 'побуждать кого-л. к чему-л.', 'торопить(ся), спешить'.

Типологически интересно аналогичное развитие семантически близких слов, образующих отчасти параллельные выявленным у тѣщити / тѣщати ряды значений: алкати 'испытывать голод, голодать'; 'сильно желать чего-л.'; 'стремиться к чему-л.'; жадати 'хотеть пить, жаждать'; 'сильно желать чего-л.'; 'надеяться на что-л.'; 'тосковать, скучать по ком-л.'

С предлагаемой нами интерпретацией семантической структуры глаголов тѣщати(ся) / тѣщити(ся) хорошо согласуются диалектные данные словенского и сербо-хорватского языков, в которых представлены дериваты рассмотренного праславянского этимона, а именно слов. pȁščiti se и с.-хор. сев.-зап. pȁštiti se (с архаичной экспрессивной приставкой ра-) [3, 225-226].

В словенском интересующее нас слово засвидетельствовано впервые в XУI в. в значении 'стремиться к чему-л., добиваться чего-л.'; в XУП в. - 'стараться, стремиться'; 'сильно желать чего-л.' В диалектах paščiti se za kaj имеет значение 'заботиться о ком-, чем-л.'; 'печалиться, огорчаться'; paščiti se kam 'спешить

[1] Ср. в Библии Геннадия (Быт. XIX. 5. 1499 г.): Якои же утро бы⟨сть⟩ тщаху аггли Лота ('когда наступило утро, торопили ангелы Лота'). То же место в Палее толк. 1477 г.: яко ж быс⟨ть⟩ утро, тщахуся аггли Лота. См. об этом явлении (в несколько иной связи) [I, 62, 66 сл.].

к кому-л.'; paščiti se 'торопиться, спешить'; popaščiti se 'стараться, делать усилия'. В сербо-хорватском первый пример[1] относится к XУ в. Современные paštiti se, paštriti se, popaštiti se, pripaštiti se покрывают широкую семантическую сферу, которую можно очертить следующим образом: 'обращать внимание на что-л.'; 'направлять свои усилия на что-л.'; 'стремиться к чему-л.'; 'торопиться, спешить'; 'торопить'.

Вероятнее всего здесь имела место параллельная семантическая эволюция этимологически тождественных слов, сохранившихся и на западе славянского мира до наших дней.

Возвращаясь к древнерусским словам, отметим, что они архаизируются и в дальнейшем почти полностью выходят из употребления. В современном русском письменно-литературном языке только тщиться 'стараться, прилагать усилия (обычно напрасно)' является устаревшим книжным словом.

Судьбу слова, которое в устной речи теоретически могло измениться в щить (ся), определила та же тенденция к очищению языка от фонетически и морфологически ущербных слов, что и в случае с чивый, щавый. Частичная консервация архаизирующегося тщиться связана с письменной формой литературного языка и нормами книжно-литературного произношения.

Иной оказалась судьба имени существительного тъска, которое в древнерусском языке входит в ряд, включающий глагол тъскнутися (позже цнутися и тоснутися), прилагательное тъскъный (зафиксировано поздними употреблениями - в письмах Петра I (Петр I, 602) - как тосный 'стесненный, подавленный') и наречием тъскъмь 'быстро, торопливо' (представлено в Хожении Игумена Даниила - памятнике XП в. по списку XУI в., в позднем оформлении тоском). Обращение к памятникам XШ-XУП вв. показывает, что у существительного не засвидетельствовано ни одного варианта, где редуцированный пал . Как достаточно очевидно, падение редуцированного привело бы к совпадению формы этого важного уже в раннем древнерусском языке слова со словом дъска (фонетически закономерное для них продолжение - цка; этот вариант лексикализован в специальном значении, развивающемся на базе дъска 'доска'). Сохранение и прояснение редуцированного в формах имени существительного тъска делает менее тесной его связь с производными.

[1] Приведен у Скока [см. 5, 618].

Семантическая эволюция праславянского тъска определяется тем, что слово было использовано восточно-славянскими книжниками как средство обозначения понятий, имеющих отношение к внутреннему миру человека. И.И. Срезневский у этого слова выделяет значения 'стеснение, притеснение'; 'волнение, беспокойство'; 'горе, печаль'. Древнерусское тъска (ср. греч. στενοχωρία I. 'ограниченность места, теснота'; 2. 'стесненные обстоятельства, тяжелое или трудное положение, невзгоды') сохраняет живые связи с тъщии, тъщати (ся) / тъщити (ся). Его первичное (комплексное) значение - 'тяжелое положение (вызванное стеснением, опустошением), мучения, волнения, невзгоды'[1]. Из этого значения выводимо более позднее, специализированное вторичное значение - 'тяжесть, боль, мучения (о физическом состоянии человека, проявлении его болезни)'[2].

Интересны в связи с указанной дифференциацией и специализацией, характерной для литературного языка, данные современного диалектного словаря ССРНГ (Деулино) . В современном говоре сохраняются следы древнего комплексного значения: глагол тосковать может обозначать состояние I) беспокойства, тревоги а) человека; б) животного (собака тоскует)[3]; 2) физического нездоровья человека (родители тоскуют). Более того, здесь возможно ноги тоскуют ('ноги болят, ноют') - о проявлении, вызванном болезнью или физическим неудобством от чего-л. (тесной обуви, например). Отметим, что в этом говоре есть и глагол тосковаться 'беспокоиться о ком-, чем-л.'

Основное в новый период истории русского языка значение слова тоска - 'горе, печаль' (о душевном состоянии человека) - засвидетельствовано впервые в Слове о полку Игореве (тоска разлияся по руской земли; печаль жирна тече средь земли рускыи), а также в достаточно древних летописных списках (известно, например, по раннему списку I Новгородской летописи). Связь этого значения с более конкретным очевидна.

Примечательно сходство модели семантической деривации у слов, развивающих значение 'тяжелое, неприятное чувство, вызванное бе-

[1]Ранний пример - в Хрон. Г.Амарт. (XУ в.~XI в.).

[2]Примеры многочисленны с XУI в.

[3]В народном употреблении нет оснований видеть антропоморфный перенос, это сохранение архаики.

дой, утратой': I. 'физическое действие или состояние, вызывающее неприятное физическое ощущение или связанное с неприятными физическими ощущениями – давления, жжения, голода' > 2. 'тяжелое, неприятное чувство – тоска, грусть, горе, печаль, скорбь'[1].

Показательно, что литературный язык избавляется от всех конкретно-физических значений, характерных ранее для слов тоска, тосковать, тоскливый, тоскливость[2].

Интересно сравнить их судьбу с судьбой отмеченных выше др.-русск. тъскнути(ся) > тоснути (ся), тъскъный > тосный, а также родственных современных диалектных северных (генетически северо-западных) и литературных украинских слов.

Др.-русск. тъснутися, представленное рядом идущих из устной речи употреблений[3] воспроизводит некоторые моменты семантической истории тъщатися (ср. его значения – 'стремиться, устремляться к чему-л.'; 'настойчиво добиваться чего-л.'; 'стараться делать что-л. с усердием'; 'спешить, торопиться'). В новый литературный язык оно (как и прилагательное тосный и наречие тоском) не входит.

Северные архангельские говоры, где представлены тоска 'тоска'; 'боль'; тоскливить 'болеть, ныть'; 'чувствовать боль'; тоскливо 'тоскливо'; 'тесно'; 'плохо', 'страшно'; тоскнуть 'тосковать'; 'горевать'; 'беспокоиться (о корове)'; 'болеть, ныть (о части тела)'; тосклить 'тошнить'; тоскнуть 'тосковать, грустить'; тосковать 'тосковать'; 'ныть, болеть (о руках)', сохраняют сос-

[1] Грусть этимологизируется как слово с первичной семой 'физическая сдавленность' (ср. gruditi 'размельчать, перемалывать – в песок, щебень'); горе, печаль связаны с гнездами слов, исходное значение которых – 'гореть', 'жечь', 'печь'.

[2] В материалах XУI – нач. XУII вв. представлены тоскливость 'тяжесть (о неприятном физическом ощущении человека); тоскливый 'угнетенный, подавленный'; 'болезненный' (о физическом ощущении человека); 'вызывающий тоску'; тоскнути 'огорчаться'; тоскнутися 'стараться, стремиться'; тоскование 'тоска'; тосковать 'тосковать'.

[3] Засвидетельствованы преимущественно летописными употреблениями в наиболее важных летописных списках, а также примерами из русских прологов, Пчелы и ряда других созданных на Руси памятников.

тояние, весьма близкое тому, что засвидетельствовано письменными источниками XУI–XУП вв.

Наличие в современном украинском литературном языке не только тоска 'тоска' (в словаре дается с пометой редко), но и тоскний 'тоскливый', тоскнІсть 'тоскливость', тоскно 'тоскливо' (с восстановленным согласным в корне) дает право предположить, что угасание слов тосный и тоснить(ся) связано с переносом литературной традиции из Киева в Москву: киевские (западные) слова, на протяжении известного времени державшиеся и в письменном языке северо-восточной Руси, не переходят в московский язык.

Подведем некоторые итоги. В ранней истории одного древнего восточнославянского имени чувства ярко выявляется архаический параллелизм, нерасчлененность понятий, связанных с миром материального и духовного. Семантика рассмотренных слов отличается одновременно и устойчивостью, и подвижностью. Характерно, что рассмотренные лексико-семантические ряды, в которые входят тъска, тъщии и их производные, открыты для включения новых элементов, а старые существенным образом меняются на протяжении исторически обозримого периода.

Развитие семантики всех рассмотренных слов определяется в первую очередь тенденцией к дифференциации конкретных, бытовых, и абстрактных, связанных с духовным миром человека, значений, что приводит к утрате семантических связей в пределах одного этимологического гнезда. Это и понятно: "обеспложенность", немотивированность интеллектуальных слов является весьма желательным (хотя, разумеется, не абсолютно обязательным) условием их нормального функционирования.

Так, с гнездом корня *tъsk-, *tъšč- , у которого первичным было относительно конкретное значение 'пустой, полый', связаны 3 ряда семантически разошедшихся производных, которые включились в сферу лексики мысли и чувства:

I. тоска (и его производные) 'тоска, горе, печаль';

2. тщета, тщетный, тщетность, тщиться [1] 'бесполезность, суетность' и под.;

[1] Сюда следует отнести ряд сложных слов с основой тщ-, кроме тщедушный, тщедушие, которые реализуют другую семантику первой части.

3. тщание, тщательный, тщательность 'усердие, старание' и под.

Имя чувства со своими производными, как видим, оказывается семантически и формально обособившимся. Это было благоприятствующим обстоятельством, способствовавшим – наряду с некоторыми другими факторами, – его укреплению в сфере соответствующей лексики современного русского литературного языка. Образования с корнем тщ – утрачивают актуальную связь с прилагательным тощий, сохраняющим довольно конкретную семантику, что также (впрочем, при активной роли других факторов) обеспечивает относительную устойчивость книжных архаизированных слов.

Литература

I. Данков В.Н. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IУ. М., 1973.
3. Beslaj F. Na robu srbohrvâtskega (in slovenskega) etimološkega slavarja. Jezik in slovstvo. XVIII, 6, 1972/73.
4. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Bern, 1959.
5. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. II. Zagreb, 1972.

Л.Ю. Астахина

ИСТОРИЯ ГРУППЫ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ИГРА, РАЗВЛЕЧЕНИЕ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование русской лексики как системы начато в 80-х годах прошлого столетия, когда Н.В. Крушевский назвал основным принципом развития языка "закон соответствия мира слов миру мыслей". Слова же, по его мнению, согласно "ассоциации по сходству" ... должны "укладываться в нашем уме в системы или гнезда", а вследствие "ассоциации по смежности те же слова должны строиться в ряды" [4, 65]. Как исходное в настоящей статье принимаем утверждение М.М. Покровского о том, что все слова объединены в группы в сознании человека, а основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению, и

что "такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения"[8, 21]. Известна и мысль А.А. Потебни об исследовании истории целых рядов слов, сгруппированных вокруг одних и тех же представлений. Представлением он называет "тот признак, посредством коего слово выражает содержание мысли" [9, 137]. Необходимость исследования языковой системы в связи с историей языка обоснована многими современными учеными (Трубачевым О.Н., Уфимцевой А.А., Шмелевым Д.Н. и др.). Ф.П. Филин разработал учение о тематических и лексико-семантических группах [10, 523-538].

Главной задачей исторической лексикологии В.В. Виноградов считал изучение закономерностей изменения групп лексики в их историческом движении, в неразрывной связи с развитием общества, с историей народа, т.к. "словарный состав языка быстрее и шире, чем другие стороны языковой структуры, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни" [2, 70]. В связи с этим возникает, как один из частных, вопрос об изучении эволюции "лексических ресурсов в контексте борьбы язычества и христианства" [3, 6]. Группа со значением 'игра, развлечение', как одна из древнейших, в своем развитии отразила один из возможных путей, который приближает к ответу на этот вопрос. Объектом лингвистического исследования в указанном плане она еще не являлась, хотя о названиях игр есть некоторые работы [6, 183-190; 7, 139-146; 13, 100-102].

Объектом анализа являются слова игра, потеха, потешение, забава, веселье. Это абстрактные существительные со значением действия; при необходимости привлекаются и соответствующие глаголы. По слова Ф.П. Филина, "границы между тематическими и лексико-семантическими группами не всегда четки" [11, 230-231]. Считаем указанную группу лексико-семантической, объединенной общей темой, т.е. семантическим инвариантом "игра, досуг".

Из многочисленных названий минимальной единицы плана содержания используем наименование 'сема'. В диахроническом исследовании, когда приходится иметь дело только с текстами прошедших времен, опираемся на положение Д.Н. Шмелева о том, что "значения многозначного слова находятся в отношении комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения) друг к другу, т.е. проявление тех или иных значений зависит от употребления слова в различных лексико-семантических позициях" [12, 80]. Группа организуется на основе интегральной семы "связанный с проведением свободного времени" в противоположность семе "связанный с работой, трудом, делом".

Материалы КДРС показывают, что отношение носителей русского языка к игре долгое время было отрицательным, что нашло отражение в некоторых современных фразеологизмах: играть на нервах, играть судьбою, игра с огнем и др., которые здесь не рассматриваются. Образования с корнями игр-, весел-, бав-, тех- (тиш-, тих-) свойственны всем славянским языкам и уходят вглубь, в индоевропейские соответвия: достаточно заглянуть в этимологические словари. Наибольшее распространение получило слово игра с его способностью выражать как родовое, так и видовое понятие, хотя не всегда их можно четко разграничить. Родовое понятие: Дияволя мудрованья, еже есть ... пияньства, игры, скрѣня, юродословье, смѣх. Панд. Ант., 297. XI в. ; О семь же многашьды родителие его чудящема и облещися в одежю чисту и на игры съ дѣтьми изыти. (Ж.Феодосия) Усп. сб., 75. XII–XIII вв. В конце XVII – начале XVIII в. все чаще появляется словосочетание всякие игры, которое призвано выразить родовое понятие: Отданы на откуп карты, тавлеи, шахматы ... кости и всякие денежные игры, чтоб не явя тѣх инструментов и не заклеймя и не заплатя пошлину, не играли. Арх. Курак. V, 270. 1704 г.; Покупают [в Китае] малыя дѣвочки и учат всяким играм на инструментах и в тавлеи играть, такожде шить, всякому реместву. Опис. гос. Кит., 99. 1731 г. Производные играние, игрище и др. имеют много общих сем со словом игра: "развлечение", "увеселение", "театральное представление", "ритуальный обряд с песнями и плясками" и др. (см. СлРЯ XI–XVII вв., в. 6). Видовое понятие: Явил дватцать игор шахмотных. А.Холмог. там. избы, № 205. 1683 г. В большинстве видовые наименования представляют собой сочетания слова игра с различными лексемами. Они образуют кустовую структуру[1], включая два лексико-семантических варианта: 'игра, связанная с досугом' и 'игра, связанная с языческой обрядностью'. Первый ЛСВ предполагает столько названий, сколько можно себе представить объектов игры: игра биричьем, карты, зернью, шахматы, лекы, пилою (мячом) и т.п. Музыкальные инструменты тоже считались объектами игры. Однако здесь в XVII в. наблюдается метонимический перенос названия игра на извлекаемые звуки: Псалтырь во евреох бе сосуд, на нем же бе десять струн ... еже есть пѣснивец, ко игре бо его припеваху песни. Алф.[1], 168 об., 172 об.; Он же ... заигра в гусли иную игру. Пов. Вас.

[1] Схема истории значения слов (например, слова семья) дана Б.А. Ларинным [5, 53]; схемы в виде 'дерева' и 'куста' см. в 1, 140–141.

Злат., 7. XУШ в. ∽ XУП в.; Часы боевые съ игрой. АИ П, 406. I6I2 г. С игра сочетаются существительные во всех падежах (кроме, может быть, дательного), образуя единое наименование игры, причем со временем все большую продуктивность приобретают сочетания с существительными в винительном падеже с предлогом в: игра в шахматы, в дочки-матери, в городки и т.п.

Второй ЛСВ 'игра, связанная с языческой обрядностью, пение с пляской при исполнении ритуального обряда' надолго сохранил отрицательную окраску у слов игра , играть . А.А. Потебня (его в свое время поддержали В. Ягич, О.Н. Трубачев) высказал предположение о том, что первоначально эти слова связывались с языческой сакральной сферой. Он "предложил типологически вероятное выделение -r- суффиксального и дальнейшее сближение с древне-индийским *yajati "чтить божество", греч. ἅγιος "священный"... Действительно, христианство упорно открещивалось от всего, что определялось им как "бесовские игрища", невольно наделяя обозначаемое таким образом отрицательной сакральностью", - пишет О.Н. Трубачев (ЭССЯ, в. 8, с. 208-209), предлагая большую статью о происхождении и фонетических истоках слова игра и производных.

Семантическая история слова игра в русском языке своеобразна. Если объем значения первого ЛСВ ('игра с объектом') предполагает наличие участников игры, то второй ЛСВ предполагает непременно и зрителей, созерцателей: игра исполняется для кого-то, одни действуют, двигаются, издают звуки, другие наблюдают, смотрят (заметим: "наблюдать" могло и только божество; другие зрители могли отсутствовать). Долго сохранялась пейоративная окраска: А ты храмляющая о вере научи и ноги текущих на игры в церкви обрати. (Посл. черноризца Иакова) Макарий. ИРЦ П, 341. I060 г.

Эта направленность семантики привела к появлению ЛСВ 'зрелище, театральное действо, представление', отмечаемого со второй половины XУП в.: А за всякую б игру или окомедию, что перед великим государем учнут творить, давать по 50 рублев... Им давать от игры по 50 рублев. Док. моск. театра, 3, 7. I672 г. Эта же сема "зрелищность" позволяла назвать игрой сражение, схватку: (II49): Гордящю же ся ему и створи игру пред градом. И сразивъшуся ему со Ворщемъ. Ипат. лет., 80I; Вельможи русского царя ... крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лгут и государю. Ив. Пересветов, I75. XУП в. ∽ XУI в.; Почта... принесла нам ваши письма, ис которых уведомлены

о щастьливой вашей игре [сражении под Нарвой], о чем зело возрадовались. Петр, Ш, 637. 1704 г. В современном языке словосочетание военная игра осталось применимым только к названию детской игры "Зарница", в воинской терминологии используются учения, маневры. Ср. косвенное отражение этой семы в названии театр военных действий. Сема "зрелищность" как один из отличительных признаков слов игра, играть позволила Аввакуму сказать о людях, подверженных истерическим припадкам: Помазал бешеных ... изрядные детки стали, играть перестали и правильца держаться стали. Ав. Ж., 31. 1673 г. Сема "подвижность" позволяет называть игрой забавы детей (подвижные игры) и молодняка животных. Совсем недавно возникло сочетание брачные игры животных. Спортивные соревнования также получили название игр: Олимпийские игры, Игры доброй воли и т.п. А сема "несерьезное, ненастоящее дело" способствовала тому, что в спортивную терминологию хлынули военные термины: спортивные баталии хоккеистов, спортивные сражения на шахматной доске и т.п. Баталия, сражение и, конечно, состязание выступают как синонимы к игра.

Сема "изменчивость" не всегда отражена в контексте явно, однако известно, что в процессе игры ситуация постоянно меняется ("удача мне изменила"), что в итоге ведет к проигрышу одного и к выигрышу другого, когда всяким изменениям (а следовательно, игре) наступает конец: С ним Любимком играл зернью, и выиграл де он Любимка у меня дѣнгъ полтора рубли да зипун белои сермяжнои. Якут. а., карт. I, № I, сст. 280. 1639 г.

Сочетание сем "подвижность", "изменчивость", а также "зрелищность" делает применимыми слова игра, играть к названию движения морских волн, к блеску света в воде, в граненых камнях. Однако это уже более поздние явления, хотя образованное от корня игр- прилагательное игрливый (игръливый) (может быть, и игреливый), перешедшее в игривый, указывает на закономерность этого направления развития семантики: Море сотвори волну иг[р]ливу. (Рус. ист. об.) Свед. и зам. Ш, 119. ХУ в. (в СлРЯ XI-ХУП вв. дано игливый). Эти же семы прослеживаются в примере из "Селенографии" Я.Гевелия (ХУП в.), хотя и указывают на несколько иное направление семантики: Краины солнечные не суть смысла нашего некие игралищные дела и несть прелестные объявления. БАН Лит. ССР. Г 19/318, л. 87. Позднее в том же семантическом русле возникло сочетание игра воображения.

Негативное отношение к играм как делу несерьезному, ненас-

тоящему, даже богопротивному, как можно было видеть выше, прослеживается и тогда, когда игра обозначает ритуальное действо, и тогда, когда игрой называют определенные особыми правилами действия с объектами: Егда ли видиши многи събирающес ⟨я⟩ к кощунником и к чародѣем и к сатанинским пѣснем и играм, прослезися [по вар.] убо о них. (Поуч. Ио. Златоуста) Сл. и поуч. против языч., 194. XУI в.; А которые учнут у соляного озера зернью и иными какими закладными играми играти ... тѣхъ судовых работных людей ... бить батоги. АИ У, 287. 1678 г. В быту такое отношение к игре толкало к доносительству: А как ходил с памятью я, бг҃омолец твои, к нему Богдану Протасьеву, и у него сидит троецъкои поп Иосиф Суслов и играет с нимъ приказщиком онъ Иосифа шахматы в болшую игру. И какъ я, бг҃омолецъ, пошолъ из горницы, и он попъ Иосифъ тут остался играть шахматы. (Отписка поповского старосты) Пам. Влад., 225. 1681 г. Пейоративная окраска прослеживается и в сочетании с определением злой: (1229): Мнози [по вар.] впадаху в рѣку, инии же избьени быша, инии язвени быша, инии же изоимани быша, яко инде гл҃ть: Скрыть рѣка злу игру сыгра гражаномъ. Ипат. лет., 761. В связи с этим отметим одну особенность употребления глагола играть: гимны, псалмы можно пѣть, песни же — только играть, что говорит о языческом осознании понятий, связанных с этой корневой группой. Источники дают возможность наметить хронологические границы, когда группа с корнем игр-, и в частности глагол играть, начинают осознаваться как нейтральные. В Слове митрополита Даниила (XУI в.) читаем: Велико бо прочитающим божественное писание приобретение и польза бывает, и кто ... поты проливая, искыи уразумети любомудрие сих и волю бжию, и отбегая, яко от змия, от срамословия и суесловия ... и бесед душе вредящих, точию приемля заповеди господня и предания, и учения святых апостол и преподобных... отцев, и в сицевых играет и утешается и радуется душа, неже скомрахи, и плясци, и шахматы и тавлеи, их же отрекоша святии отцы. Сл. мт. Дан., 80. Возможно, в это время связь с язычеством лексем с корнем игр- не осознавалась явно даже в конфессиональной сфере, они "избавлялись" от оттенка предосудительности, неправомерности и становились нейтральными.

Сема "несерьезное, ненастоящее дело, шутка" в чистом виде нашла отражение в одном из примеров Материалов И.И. Срезневского: И ударив его за ланиту на игру. Георг. Ам., 104, сп. XIУ–XУ вв. Зато она прочно закрепилась в слове потѣха. Основной ЛСВ здесь

'развлечение, забава': Король тѣшился и прислал к нам тѣ козы своей потѣхи. Ст. сп. рос. послов, 5. 1564 г.; Царская зимняя и летняя потѣха на звѣри. Котош., 84. 1667 г.; Царская лѣтняя потѣха птицы: кречеты, соколы. Там же, 85; Государь пожаловал своей царские потѣхи рыбные ловитвы къ мне... прислал белужку да пять осетров. Переп. Мих. Фед., 54, 1619–31 гг. В слове потѣха определяется и другая, не менее сильная прежде, но впоследствии несколько утратившая свою валентность сема: "зрелищность". Потѣха – это прежде всего 'зрелище'. Афанасий Никитин писал: Салтан выещает на потѣху с матерью да с женою, ино с ними человѣков на конех 10 тысящь, а пеших 50 тысящ... да пред ними 100 человѣк трубников, да плясцев 100 человѣк, да коней простых 300 въ снастях золотых. Х. Афан. Никит., 22. XУI в.∽XУ в.; Бился на государеве потѣхе с медведем. Кн. прих.-расх. Каз. пр., 233. 1614 г.; Около града поставиша царь до 1000 шатров, и вельможи в них кормьчествоваше, и пьюще и веселящеся и всякими потехами царскими веселящеся, честь празднику своему творяще. Каз. ист., 28. XУI в. Ярким зрелищем была огненная или огнестрельная потеха, т.е. фейерверк: Фейверкъ–потеха огненая с фигуры. Лекс. вокаб. нов., 19. XУП–XУШ вв.; В празднество ... Петра и Павла была огнестрельная потеха. Журнал, 27. 1698 г. Потехой называли развлечение не только зрителей, наблюдателей, но и то удовольствие, которое испытывало само действующее лицо. Когда Иван Грозный пришел в Коломну "по крымским вестям" и вынужден был задержаться, "и тут была у него потѣха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулех ходил и в саван наряж⟨ал⟩ся". Пискар. лет., 73. 1545–46 гг. Ссылаясь на И.П. Сахарова, публикаторы дают пояснение: "Игры (потехи) назывались вешней пахотой и посевом гречихи и сопровождались народными обрядами".

Вероятно, в XУI в. семантический объем слов игра и потеха был близок, и можно предположить их взаимозаменяемость в некоторых контекстах; например: В рощи ходят [православные христиане] и в наливки бесовские потехи деяти. Стоглав, 91. XУП в.∽1551 г.; можно сказать игры. Употребление в одном или сходном контексте позволяет, хотя и не всегда, дифференцировать слова по их семантическому объему: Учали в той столовой палате играти игрецы в сурны и в трубы и в иные многие игры, а дворяне королевнины с боярынями и з девицами учали танцевати. И советники ж Федору и Неудаче говорили: У гдрыни у нашей у королевны в обычае так ведетца, по вся дни после стола живут потехи и танциванье. Англ. д., 43. 1582 г. Если слово

игры обозначает 'музыкальные инструменты", то потехи - это 'игра на музыкальных инструментах, музыка'. Возможно и другое: если многие игры - 'разнообразные развлечения, игры', тогда слово потехи будет обозначать тоже 'разнообразные развлечения'.Синкретизм слов не позволяет уточнить их значения из приведенного контекста, однако синонимичность их налицо.

Встретилось и употребление слова потеха в значении 'игра с объектом', хотя можно в этом усомниться: Царевич, его гости и девицы ту первѣе обретоша ся шахматные потехи, игры вскоре разгнѣвимыя тавлейныя, и скорыя шкоты, и прибытки напрасныя зерни. Ист. Трои, 73. 1709 г. Отметим "чудные птичьи потехи" в Артаксерксовом действе (л. 65). Ср. игры животных. Однако главное назначение потехи - приносить радость, удовольствие, развлекать: Взяты те серги к царевне для потехи. Заб. Разр., 674. ХУП в. Потехой называли рыцарские турниры и борьбу: Григорий и Ивашко королевнину потеху видели, как пред нею билися, съезжалися меж себя князи, и боярские дети, и дворяне в полных доспѣсех на аргамацех и на жеребцех с древцы. Англ. д., 332. 1600 г.; У князя Владимира ... после стола пошла потеха молодецкая ... Ой еси ты посол ... Василий Иванович, есть ли с тобою борцы с моими бы поборолися, а нас ... потешили? Былн. Т., 57.

Сема "развлечение, увеселение", может быть, даже"отдых", в противоположность семе "труд, дело", так прочно закрепилась за словом потеха, что христиане-послы называли обязательные для мусульман омовения перед молитвой тоже потехой: То де у шаха последняя потеха. А отпустя де вас, шах идет тотчас в горы к ключевым водам в холодные места тешиться. Посольство Барятинского, 463. 1619 г.

Потеха, игра - дело несерьезное, забава: Грызут орехи для потехи. Сим. Послов., 91. ХУП в., т.е. для развлечения, от безделья. Вероятно, эти слова долго сохраняли отрицательную окраску как потому, что были связаны с языческой обрядностью, так и потому, что представлялись противоположными по своей семантике словам труд, работа, дело.

Несерьезным, ненастоящим могло быть (или только восприниматься?) сражение: вспомним потешное воинство Петра I. Вот его письмо 1695 г. к Ф.М. Апраксину, где игра и потеха - синонимы: Ведает ваша милость, какими трудами нынешней осени под Кожуховом через 5 недель в Марсовой потѣхѣ были, которая игра, хотя въ ту пору, как она была, и ничего не было на разуме больше. Петр, I, 29. А вот

что говорится участниками Азовского сидения: И начаша казаки турецким пашам насмехатися: "Шедше скажите царю своему Брагиму – то у нас с ним первая потеха, только мы с ним оружье прочистили. А сколько ему под градом не стоять, а Азова города у нас не взять". Аз. пов. (сказ.)[1], 105. XVII в.

Отрицательное отношение к ненастоящим делам, к забавам звучит в предупреждении от чрезмерного увлечения потехами: А бог на сем свѣте всякими потехами и радостью порадует и чад твоих, а на том свѣтѣ вѣчной платежь будет. Рим. имп. д. II, 138. 1595 г. Похвально, если человек внимал этим предупреждениям и вел достойную жизнь: Сицев бе тои цр҃ь кн҃зь великии, и много при себе памяти и похвалы достоино сотвори ... и от юны версты не любляше никакие потѣхи царьския ... и всяко смехотворение от себе отрину. Каз. ист., 175. XVI в.

В "Истории семи мудрецов" (XVII в.) слово потеха употреблено в неопределенном, обобщенном значении, что в русском языке не получило дальнейшего развития, а в тексте конкретизируется описательно: Милый цысарю, аз еще у тебе не понесла во чреве. Нн҃е же для моей потехи прошу у тебя, чтоб еси послал по сн҃а своего (л.200 об.) и далее: Жена его взем ключи ис под зголовья и поиде къ юноше к любимому для потехи ради тела своего (л. 212 об.). Видимо, переводчик не смог подобрать однословный русский эквивалент для описания этой ситуации.

Потеха и игра выступали как полные синонимы при обозначении 'театрального представления'; в этом наименовании реализовались сильные семы "зрелищность", "подвижность": Поставил театрум, то есть каменное дело высокое здание со многими теремы, для всяких комеди, то есть дѣйственных потех. Козм., 384. 1670 г.; Да он же Николай приговорил для потех царского величества экомедиантов магистра Фелтона да Чарлуса с товарыщи. Док. моск. театра, 6. 1672 г. Примеры с игра см. выше.

Постепенно слово потеха теряло нейтральный оттенок и приближалось к разговорному. В словаре современного языка (под ред. А.П. Евгеньевой) стилистическая принадлежность этого слова не отмечается: дается несколько иллюстраций, где потеха употребляется в канве произведений на исторические темы ("Борис Годунов" Пушкина, "Иван Грозный" А.Н. Толстого) и является нейтральным , что естественно. Однако, думается, в современном литературном языке игра и потеха принадлежат не к единому, нейтральному стилю. Потеха

тяготело к разговорным жанрам, уступая место пришедшему относительно поздно слову развлечение, которое осознается как нейтральное и по семантике приближается скорее к игра, чем к потеха. Смысловой объем последнего сужается, слово архаизируется. Архаизация происходила еще и потому, что с конца XVII в. развиваются общие с потеха семы у слова забава, которое могло употребляться и в знач. 'дело, занятие', и в знач. 'развлечение, удовольствие': Того ж дни пришед писарь к митрополиту и Арсению ... говорил, чтоб не покручинились, - гетман съѣхал для своих забав, а приказал во всем с вами мнѣ говорить. Арс. Сух. Ст. сп., 310. 1651 г.; Вѣлми ты меня опечалил, послѣднего друга моего от меня взял ... а у нас было в печалех наших толко было и забавы. Петр, I, 559. 1696 г. Забавой и потехой могли называть военные действия: Тем татарские войска от иных своих военных забав удержаны. Петр, I, 207. 1697 г. Видим закономерность в том, что слово потеха в процессе развития сближалось с забава (от и.-евр. *bava 'забава, игрушка', 'довольство, достаток, обилие'. Ср. глагол *baviti 'забавлять, интересовать' и 'медлить, задерживать, терять время'). Заметим, что забава фиксируется Картотекой ДРС с 1651 г. в Статейном списке Арс. Суханова как ранний пример в знач. 'дело, занятие, предприятие', а в знач. 'забава, развлечение' - только с 1696 г. в письме Ф.Ю. Ромодановского к Петру I. В современном языке забава отмечается в одном ЛСВ: 'развлечение' с оттенком 'то, что развлекает, веселит'. Ср. в СлРЯ XI-XVII вв.: Бавитися - 'заниматься, развлекаться' (польск. bawić się). М. Фасмер дает -бава только как составную часть слова забава, а О.Н. Трубачев указывает на "почти полное возобладание в русск. языке продолжений приставочного *zabaviti (sę) с семантикой 'забавлять, развлекать'". (ЭССЯ, в. I, с. 168).

Слово потешение вышло из активного употребления в современном языке, осознается только в связи с потеха, однако в XVI-XVII вв. оно было активно и обладало своими специфическими семами. В значении 'игра, развлечение' оно было полным синонимом к потеха: Бѣ бо обычаем кроток ... и игры дѣтьския ни царьскаго потешения не внимаше, - сказано в Житии Игнатия Вологодского (80 об. XVII в. ∽ XVI в.). В Лексиконе полоно-словенском (1670 г.) слово Krotofila переведено как утѣха, потешение, увеселение (88). Это же значение отмечено в былине: То старина, то и деянье, синему морю на утѣшение, быстрым рекам слава до моря, а добрым людям на послушанье, веселым молодцам на потешенье. Кирша Д., 12. Но чаще оно употреб-

лялось в знач. 'удовольствие', особенно если это связывалось с редким, вкусным кушаньем: Пироги – семье потешение. Дм., 33. XУI в.; Посылает некоего от служащих ему къ преподобному с различными брашны и питии в потешение старцу с братиями. Ж. Серг. Р. Епиф.[2], 137. XУI в. ~ 1418 г. В большинстве случаев потешение эксплицирует сему "хорошая еда, угощение, гостинец": А рыбки де им даем на неделю по двожды по одиножды на день, а раненым де и больным потешенья нет, и в запрос питья и ѣствы не дают. АИ II, 283. 1609 г.; На господские праздники и на ваши великих государей торжественные дни и на ваших государских родителей память потешение бывало в трапезе и пище. (Чел. солов. иноков) Суб. Мат. Ш, 48–49. 1666 г. Как видим, речь идет о редкой, особой, не повседневной пище, предлагаемой как лакомство, поощрение. Поощрение могло быть сделано и в виде дополнительной платы за внеурочную работу: Молотили дѣти [т.е. детеныши] в воскреснои день, дано им потешенья два алтына. Кн. прих.-расх. Прил. м., № 13, 8 об. 1609 г.; На росход давати монастырским спевакам для потешения на Светлое Христово воскресение десять алтын. Кн.Ивер. м. № 20, 120 об. 1666 г. Могли вознаградить за хорошую работу: Да по игуменскому приказу дано потешенья что на судѣх ходят по камень: Омельяну десять алтын, Кирею ... десять алтын. Кн. расх. Болд. м., 95. 1591–1600 гг. Небольшая плата в дополнение к той, за которую рядились, вероятно, и воспринималась как милость властей, проявление внимания, поощрение старания, т.е. с удовлетворением. Получали потешение и те, кто выполнял работу сверх своих обязанностей: Дано ... двум дворником потешенья 8 алтын 2 денги, что онѣ стряпали зиму у лошадей. Кн. расх. Дорогобуж. м., 297. 1585 г. Все эти употребления реализуют семы "поощрение дополнительной платой", "что-то случайное, непредусмотренное, но приносящее удовольствие , радость". Последняя сема сближает слово потѣха и потешение, хотя различия их семантики весьма заметны уже в XУI–XУП вв.

Лексема веселье имеет в СлРЯ XI–XУП вв. два прямых ЛСВ: 1. Веселье, радость: Кому Белое озеро, а мне чернее смолы, кому веселие, а мне плач горький. Сл. Дан. Зат., 39. XУП в. ~ XП в. 2. Развлечение, увеселение. (986): Руси есть веселие питье, не можем без того быти. Лавр. лет., 85; Веселые были иноволосные, а были в дрѣвни и збирали себе хлеб, а у меня веселье не играли. А. Свир. м., № 204, сст. 5. 1659 г. Как видим, веселье имело небольшой семантический объем и было нейтральным. С другими словами группы это

слово объединяет ЛСВ 'развлечение, увеселение'.

В заключение следует сказать, что все лексемы совпадают в своих лексико-семантических вариантах не во всех позициях, а только при реализации общих сем. Со временем в группе происходит стилистическая дифференциация: слово игра становится нейтральным, избавляется от оттенка языческой сакральности и теряет пейоративную окраску. Слово потеха все более тяготеет к разговорной речи, а как нейтральное выступает в качестве историзма. Забава с конца XVII в. начинает обозначать не только 'занятие, дело', но и 'дело, связанное с развлечением, вызывающее удовольствие'. Потешение, близкое некогда к слову потеха, имело тесную связь с семой "удовольствие, радость", поэтому оказался возможным метонимический перенос этого слова на обозначение поощрения за труд, и потом - дополнительной платы за внеурочную или просто хорошую работу. В этом значении оно в языке не закрепилось. Веселье было и осталось нейтральным, а словосочетание веселье не играли сближает его с лексемой игра, может быть, и с отрицательной окраской. В современном языке веселье - это прежде всего 'беззаботно-радостное настроение, радостное оживление', а уж потом - 'веселое времяпрепровождение, развлечение, забава'. Причину того, что группа со значением 'игра, развлечение' сохранилась до настоящего времени без особых, так сказать, потерь, видим в том, что в ней произошла стилистическая дифференциация, утрату же историзма потешение, видимо, следует усматривать в исчезновении тех отношений, которые складывались между монастырем и его работниками. В современном языке поощрение за труд именуется премией: как видим, понятие не осталось без названия.

Литература

1. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии . - М.: 1984.
2. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М.: 1977.
3. Историческая лексикология и лексикография русского языка: Методич. материалы в помощь студентам и преподавателям филологического факультета. - Вологда, 1988.
4. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.

5. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: 1977.
6. Меркулова В.А. Мелкие заметки по истории и этимологии слов // Этимология. 1971. – М.: 1973.
7. Михайлова Л.П. Наименование народных игр и танцев в северно-русских говорах // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Вологда, 1986.
8. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. В кн.: Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: 1959.
9. Потебня А.А. О связи некоторых представлений в языке // Филологич. записки. Вып. Ш, Воронеж: 1864.
10. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов //Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523–538.
11. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: 1982.
12. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: 1973.
13. Шмелева И.Н. Играя в карты (о названиях карточных мастей) // РР, № 6. 1969.

М.И. Чернышева

К ИСТОРИИ СЛОВА ОБРАЗ

Символичен контекст, в котором чуть ли не впервые употреблено слово образъ в оригинальном древнерусском памятнике – речь идет о принятии славянами христианства – (898): Земля наша крщна и нѣс‹тъ› у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ стыя книги, не разумѣемъ (бо) ни гречьску языку, ни латыньску. Они бо ны онако учать, а они бо ны и онако, тѣм же не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ, и послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ их. Сказание об обретении грамоты словенской [25, с. XXШ–XXIУ, 26; Лавр. лет., 26]. Как славянам непонятны были образы греческих и латинских книг, так и современному читателю с трудом удается уловить смысл этого слова в славяно-русских оригинальных и переводных памятниках.

x x x

М. Фасмер сообщает о происхождении слова образъ от корня *raz-, связанного чередованием с *rez- (rězati) , и приставки ob- [19, Ш,106]. В образованиях с приставкой ob- отражены два круга значений, представленных в славянских языках. Первый соотноси́м с идеей удара и пореза, отсюда – обиды: словен. obraziti – '(по)царапать, нацарапать, (вы-, над-) резать', 'повредить, поранить'; 'обидеть, оскорбить' [33, 742]; в.-луж. wobrazyć 'толчком, ударом повредить, поранить' [32, 815]; польск. obrazić – 'ударить, стукнуть' [30, 368]; 'оскорбить, обидеть' [6, 548]; польск. obraza – 'оскорбление', 'телесное повреждение' [там же, 547]; у В. Даля: обра́за – стар. 'стыд, позор, обида, поношение' [Даль[3], П, 1579]; укр. обра́за – 'оскорбление, унижение, обида', обража́ння – 'оскорбление, ущемление, унижение', ображати – 'оскорблять, – ить', 'наносить, нанести оскорбление', 'задевать, задеть', 'унижать, унизить' [18, Ш, 55–56]; у Гринченко: обража́ти, обра́зити – 'оскорбить' [15, 23]. Очень важное свидетельство находим в старославянском: образити сѧ– 'удариться, стукнуться, наткнуться': въ тъ вьлѣзъше жидове о камень образивъше сѧ о вѣрѣ истопоша [SJS, 483], а также у Григория Богослова: Аки стрѣла бо крѣпьчаиши образивъши ся, въздражена бысть. Гр. Наз., 48 (л. 63а) – ὡς γὰρ βέλος ἰσχυροτέρῳ προσπεσὸν ἀπεπροβόθη [PG, 36, 557].

Второй круг значений отражает идею изображений и сами изображения, образцы для них, в связи с этим – 'очертание, наружность'; 'хорошая наружность', откуда идея нарядности (в некоторых русских говорах): болг. образ – 'образ, внешний вид, облик'; 'портрет, изображение'; болг. диал. 'лицо; щека' [3, 330]; словен. obrazína – 'маска', obrázіti – 'изображать, представлять, придавать вид, оформлять' [33, 742]; чеш. obraz – 'картина' [24, I, 496]; словац. obraz – 'картина, изображение; отражение; перен. 'подобие, копия'; 'представление, понятие, образ' [16, 261]; в.-луж. wobraz – 'картина, рисунок, чеканка, оттиск' [32, 815]; польск. obraz – 'картина', 'вид', 'представление', 'изображение'; 'образ, икона' [6, 547]; русские диалектные данные: образить – 'нарядить: сама сябя абразила плоха, убратая плоха я [13, 194]; в Деулинском словаре: образить – 'придать кому-, чему-л. должный вид'; 'вымыть, нарядить, убрать' и т.п. [14, 356]; укр. образ[1] – 'образ (очертание, наружность), облик'; '(предметное воспроизведение) изображение'; '(тип, характер, наглядное представление о ком-нибудь, о чем-нибудь и т.п.) образ, перен. облик'; образ[2] – '(портретное изобра-

жение святого) образ, икона' [18, 56]; в Карпатском диалектологическом атласе: образ - 'лицо, щека' [2, 138]; блр. вобраз - 'образ' [1, 154].

На связь между выделенными значениями указывают особенно ясно данные чешского языка: razit 'чеканить, бить', razidlo - 'чекан', razitko - 'штемпель'; ražba - 'чеканка, чекан'; 'характер, склад, стиль'; ražení - 'чеканка, штамповка'; 'характер, склад, стиль' [15, II, 231-232], ср. также приведенные выше данные верхне-лужицкого языка.

Как будто бы приведенные материалы свидетельствуют о возможности следующей семантической характеристики славянского дописьменного образъ: то, что возникает в результате (круговой, полной) обработки, отделки. В самом деле, Брюкнер [27, 371-372] и Махек [31, 332 (1 изд.), 407 (2 изд.)] указывают на первоначальную связь слав. образъ с вырезанием из дерева и камня. В устной беседе с автором этих строк О.Н. Трубачев высказал мысль о том, что главная идея слова образъ - - 'очертание, округлость', отсюда 'внешний облик, лицо', позже - 'описание' и т.п. Безусловно, определенные крупнейшими этимологами семантические характеристики присутствовали как в дописьменную пору употребления слова, так и в более позднее время. Однако есть материалы, свидетельствующие о пересечении выделенной семантики с иной (хотя и очень близкой) линией смыслового развития.

Первое противоречие общей картине - приведенные факты старославянского языка; например: образити сѧ - 'удариться, стукнуться, наткнуться'; второе противоречие - свидетельства чешского и верхне-лужицкого языков; третье противоречие - в неполном семантическом соответствии данных, приводимых В. Далем: об одном свидетельствуют глагольные смысловые показатели, о другом - семантика собственно существительного: образи́ть, обража́ть, кж. обра́зить (ображо́нный) - 'придавать чему-либо образ, обделывать, выделывать вещь, образ чего-либо из сырья, отесывая или обихаживая припас иным способом': Камень сразу не образи́шь, надо походить около него || Обра́зить тмо́. - 'обра́зить, обделать, обработать'; 'придать должный, красивый вид, убрать, украсить' || 'обмыть, очистить, особ. младенца или тяжко больного': образь мне эту поле - 'обработай' ... неображенная - 'неряха' ... образ[1] - 'вещь подлинная, истотная или снимок с нее, точное подражание ей', 'вещь примерная, служащая мерилом для оценки ей подобных' || 'модель, израз, выкройка, лекало и вообще вещь, по размеру и подобию коей другие вещи

должны изготовляться': вырежь из доски образ, для тяги карниза ~ стар. образец - 'изразец, кахля' ... образ[2] - 'вид, внешность, фигура, очертанье, подобие предмета, изображение его' ... [Даль[3], II, 1579-1582].

Для определения этой особой линии смыслового развития слова важно осознать семантическую наполненность приставки и соответствующего предлога. Этой проблематике посвящены ряд работ см.[26, 25-28; 22; 23]. Чрезвычайно важным в связи с этим представляется исследование Р. Триомфа о славянском предлоге об . Следует отметить его интересные наблюдения о наличие в семантике этого предлога идеи дуальности (объ онъ полъ) и идеи контакта (он уперся руками о стол) [34]. Сравним характеристику предлога об в Словаре украинского языка Б.Д. Гринченко: 'при обозначении предмета на которое направлено действие' [15, I]. В.Н. Топоров понимает сл. типы биться о что-либо (в прямом и переносном значении), споткнуться о что-либо, метать жребий о что-либо как обозначение направления, цели [17, 320]. Р.М. Цейтлин выделяет три семантических пласта у древнеболгарских лексем с префиксом о- (об): "В первой (вербальной) группе приставка вносит в глагол лексико-грамматический оттенок совершенного вида. Например: дърати - одърати ... Во второй группе слова объединяются оттенками 'все, все кругом, полностью (то, что выражено корнем)'. Например: дрблг. обнощьнъ 'продолжающийся всю ночь'... В третьей группе слова с данной приставкой объединяются семантическими оттенками 'вокруг, около, мимо, по касательной; без, минуя (то, что выражено корнем)'. Например: обиновати сѧ (из *ob-minovati sę) 'уклоняться, избегать, сторониться'"[22, 37]. Представляем свои наблюдения по этому вопросу, появившиеся при просмотре глаголов, зафиксированных в SJS : I значение - 'окружения' (действие происходит вокруг, около): обити[1] διοδεύειν, περιοδεύειν, διαπορεύεσθαι - 'обойти (вокруг); κυκλοῦν, περικυκλοῦν - 'обступить, окружить'; обити[2] ἐντυλίσσειν, ἐνειλεῖν, σπαργανοῦν, δεῖν, περιτιθέναι - 'обернуть, обвить'; облагати περιβάλλειν, περιτιθέναι - 'облагать, покрывать'; обносити περιφέρειν - 'носить вокруг, обносить'; обрѣтити φιμοῦν - 'обвязать морду' и мн. др.; II значение - - 'поворачивания, обхождения стороной': обиновати сѧ vitare, de-

vitare – 'избегать, сторониться'; обинѫти сѧ ὑποστέλλεσθαι – 'избежать, посторониться'; Ш значение – 'удаление чего-л. препятствующего, мешающего': обавлати κατηγορεῖν – 'раскрыть, открывать', 'проявлять, показывать'; обличати στηλιτεύειν, ἐλέγχειν – 'обличать, уличать, разоблачать'; обнажити γυμνοῦν, παραγυμνοῦν – 'обнажить'; IУ значение – 'начала и внезапности действия': облѣдѣти ἀλλοιοῦσθαι – 'побледнеть'; облюбити – 'полюбить'; У значение – 'продолжительности действия': облещи μένειν – 'ночевать, остаться ночевать' [ср. обнощьница παννύχιον – 'всенощное богослужение'] ; УI – 'доведение действия до конца' или 'усиление качества, свойства и т.п.', отраженных в корне: обнищати πτωχεύειν – 'обеднеть, обнищать; оборити ἀνασκάπτειν –'разрушить, снести' – обрушити – 'разрушить, свалить'; обрѫгати – 'кощунствовать, хулить, поносить' и др.; УП значение связано со вторым, однако идея поворота выражена здесь гораздо сильнее, так что можно предположить значение 'обратного движения': образити сѧ προσπροΐειν – 'удариться, стукнуться, наткнуться': обратити στρέφειν, ἐπιστρέφειν, καταστρέφειν – 'повернуть, обернуть, обратить', ὑποστρέφειν – 'вернуться'. Видимо, это значение может помочь разгадать загадку слова образъ. В сочетании с корнем возникает следующая семантическая характеристика – с помощью удара(-ов) производится действие для создания подобия исходного предмета. Идея, заключенная в приставке этого слова, – 'обратное движение, направленное с одного предмета на другой', – очень близка к той, что содержится в приставке от- однокоренного слова отражение [ср. также "префиксальный плеоназм" – отображение]. Надо думать, такая "зеркальность" не противоречит идеям Р. Триомфа о дуальности и контакте, заключенным в семантике предлога. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение о существовании в слове образъ идеи 'слепка, отпечатка с чего-л.' Наше соображение получает дополнительный вес, поскольку удалось обнаружить сходную мысль у В.В. Колесова: "Второе значение [слова образъ: 'подобие чего-то чему-то; изображение' – М.Ч.] является и этимологическим: об-раз – фактически и есть из-об-ражение, чередование корней раз --- рѣз – передает впечатление "отпечатка, возникшего в результате удара, разреза, зарубки" [8, 123].

Эта идея пересекается с идеей создания изображения путем круговой, полной обработки. Которая из них первичная, а которая вторичная, решить невозможно, и, вероятно, в этом нет необходимости.

Важно другое – то, что таким образом слово образъ оказалось единственным эквивалентом, способным вместить сложную византийскую философско-теологическую систему взглядов.

Материал старославянских и древнерусских памятников должен подтвердить или опровергнуть выдвинутую рабочую гипотезу.

В Пражском словаре старославянского языка [SJS ,483] ображати – 'чеканить золотую монету': злато ѡбражающихъ златьникъ, у Ягича из материалов первых славянских переводов приводится случай употребления слова образъ со значением 'монета с изображением императора', что может служить подтверждением той же связи с чеканкой и выбиванием, которая прослеживается в современном чешском языке: склазь (νόμισμα), цата, образъ, златица [29, 394].

Сопоставление с оригинальными греческими текстами показывает наличие в греческом языке словообразовательно и семантически сходных слов ἐντύπωμα, ἐντύπωμα от τύπτω – 'бить, ударять', ср. также τύπος – первоначально 'отпечаток' [28, 1145–1146], однако едва ли образъ следует считать словообразовательно-семантической калькой, так как в оригинальных греческих памятниках можно найти самые разные параллели, объединенные с эквивалентом смыслом, а не внешней формой: σχῆμα, χαραιτήρ, τύπος, μορφή, εἶδος, ὁμοίωσις, εἰκών, στήλη, ἀνδριάς, χάραγμα, ἀντίτυπον, ὑπόδειγμα, и др., что свидетельствует о его самостоятельном образовании на славянской почве. Важно в этой связи отметить, что славянских переводчиков не удовлетворило семантически и словообразовательно сходное с ἐντύπωμα слово истуканъ (субстантивированное причастие от истукати), его семантическая нагрузка по сравнению со словом образъ оказалась незначительной.

Сходный путь развития семантики слав. и др.-русск. образъ, греч. ἐντύπωμα, ἐντύπωμα, εἰκών, εἴδωλον , лат. imago, simulacrum свидетельствует и о взаимовлиянии культур, тесно связанных общением, и о сходстве мироощущений, что очень важно учитывать при разработке проблем такого рода.

Специально следует остановиться на развитии представлений об образе в Византии. В статье "Образ как категория византийской эстетики" В.В. Бычков пишет: "Понятие "образ" наряду со "словом" играло очень важную роль в византийской философско-религиозной системе. Ибо и слово и образ являлись, в понимании византийцев, определенными материализованными ... субстанциями, в которых запечатливается, сохраняется и передается на уровне эмпирического бытия

божественное откровение, священное предание" [4, 159]. Он указывает, что с УІ в. в патристике категории "символ" и "образ" приобретают первостепенное значение. Наиболее полное изложение общей теории образа (μόρφωσις) содержится в "Ареопагатиках" Псевдо-Дионисия. Позже возникла у иконопочитателей УШ-IX вв. "частная" теория образа - о пластическом изображении - иконе (εἰκών).

Византийская теория образа через переводы перенесена на Русь, она определеннее всего представлена в христианско-богословских текстах, где многократно обыгрывается идея создания чего-либо на земле - образа, являющегося отражением, отпечатком какого-либо небесного явления (без понимания этой, основополагающей для средневековья идеи, невозможно до конца осознать содержание памятников такого рода) [о важности идеи подобия в средние века и о различных проявлениях ее в культурных феноменах см. также - 11, 264-265]: [о Моисее] Съшедшу ему с горы повелѣваемъ бываеть от бга сотворити сѣнь, яже образъ бѣ, иже видѣ на горѣ. Козма Инд., 84. ХУІ в. ∞ ХП-ХШ вв. - ... ποιεῖν τὴν σκηνὴν ἣ τύπος ἦν ὧν ἑωράκει ἐν τῷ ὄρει. [PG, 88, 201]. Совершенно отчетливо идея слепка, подобия, отпечатка выявляется в таком контексте: Нъ и тако творяи члкъ подражаеть творьца, акы образъ прьвообразьное - ὡς εἰκὼν τὸ ἀρχέτυπον Изб. Св. 1073 г., 131 об.

На эту идею накладывается мифологическое, а затем и христианское представление о человеке как об уменьшенной и слабой копии бога: Не стыди ся вьсякому създаному въ образъ божни [вм.: божии] главы своя покланяти. Изб. Св. 1076 г., 167 (л. 9). Знаменитая фраза о сотворении человека "по образу и подобию божию" может быть понята только при учете этой важной идеи слова образъ: И рече бъ: створимъ члка по образу нашему и по подобию ... и створи бъ члка, по образу бжию сътвори его - κατ' εἰκόνα θεοῦ (Быт. I, 26-27) Библ. Генн. 1499 г. В Путятиной Минее эта идея доведена до конца в ее абстрактно-логическом понимании, где мои образъ - это 'я', т.е. 'человек': Въскрѣсила еси, чьстьная, падъшуму моему образу, рождьши явѣ вину выше естьства въскрьсение л. 14 - ἀνέστησας, ὦ Σεμνή, τὴν πεπτωκυῖάν μου μορφήν, τέξασα τὸν προφανῶς αἴτιον τῆς ὑπερφυοῦς ἀναστάσεως [цитата из Путятиной Минеи любезно предоставлена автору М.Ф. Мурьяновым].

В связи со сказанным становится понятным развитие и связь трех основных значений слова образъ: а) 'изображение' - это значение гипотетически соотносимо как с идеей вырезания, выбивания ка-

кого-либо предмета, так и с идеей создания копии, слепка; греческие параллели говорят о многообразии форм изображений – это статуи, бюсты, стелы, картины и т.п.: Гл҃а же къ Диомиду Енея, рекни: "образъ, [и]же въ Трубѣ [вм.: Труѣ] взялъ, имаши ли и?" Хрон. И.Малалы IУ, 16. ХУ в. ∽ ХШ в. – τὸ θεῖον ... (167, 9)[1]; И внидоша вси людие в дом ваалов҃ъ и разбиша и, и жрътвеникы его и образы его скрушишя добрѣ – τὰ θυσιαστήρια αὐτοῦ καὶ τὰς εἰκόνας αὐτοῦ (4 Цар. XI, 18) Библ. Генн. 1499 г.; б) внешний вид, облик (о человеке)' – здесь исходная идея трансформирована; начало этого процесса заметно уже в значении 'изображение', где, хотя еще прослеживается мысль о копии с чего-либо, однако заметен переход к представлению о самостоятельности самого предмета; в значении б) это представление уже независимо от исходной идеи: Нарочитии же въ еллинѣхъ иже на Илии градъ пришедши, имѣяху сии образы: ·а҃· Агамемнонъ бѣ великъ, чс҃тъ, доброносенъ, густобрадъ... Хрон. И.Малалы, У, 10. ХУ в. ∽ ХШ в. Иже помыслом҃ь ся въжегъ, уторгъ [Савва] же от дрѣва яблыко, помысливъ же, удержася крѣпъцѣ и осужашс҃я самъ, гл҃я : красенъ бѣ образомь и добръ ядию уморивыи мя плодъ адамомь – ὡραῖος εἰς βρασιν . Ж. Саввы осв., 19. ХШ в.; А жена погубить въ собѣ дитя, что ей опитемья? – Ино аще животное погубить, 15 лѣтъ есть опитемья, аще образъ есть, 7 лѣтъ опитемья, а зародъ аще есть 5 лѣтъ опитемья. РИБ УI, 862. ХУ в.; в) 'пример, образец для чего-либо': Аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, г҃ъ и учитель, и вы длъжьни есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ да яко же азъ сътворихъ вамъ и вы творите – ὑπόδειγμα γαρ ἔδωκα ὑμῖν (Ио. ХШ, 14 – – 15) Остр. ев., 158. 1057 г.

Следовательно, система основных смысловых идей слова образъ представляется в следующем виде: а) 'изображение' как результат обработки исходного материала и как слепок, отпечаток с чего-либо; б) 'внешний вид', т.е. предмет сам по себе; в) 'пример, образец для чего-либо' [ср. 8, 122][2].

[1]Ссылки на греческий текст Хроники Иоанна Малалы даются по изданию: Joannis Malalae Chronicon, rec. L.Dindorf. Bonnae, 1831.

[2]Интересные наблюдения о переводе греч. εἶδος и ему подобных, в том числе о слове образъ в славянских переводах приводит в своем исследовании Э. Вайер [36, там же литература вопроса].

Появление новой реалии – иконы у христиан – привело к возникновению специального значения, которое, безусловно, связано с изображением (ср. в славяно-русских текстах – образъ о статуях, стелах, кумирах и т.п.), таким образом, семантика слова образъ позволяла терминологизировать одно из значений – следовательно, родилась семантическая калька: образъ – 'икона'. В связи с вышесказанным напомним, что церковная традиция трактует иконы как напоминание молящимся о своих первообразах: взирая на иконы, верующие возносят ум от образов к первообразам [2I, I0I].

С течением времени, видимо, произошла семантическая адаптация, и это привнесенное значение не воспринималось как чужеродный элемент, однако еще в конце XУI – начале XУII века слово образъ в значении 'икона', видимо, редко употреблялось в народном языке – см. свидетельство Жака Маржерета: lesquelles (images) les plus simples appellent Boch, qui veut dire Dieu et les autres Obros, qui veut dire images ou representation [I2, 7I] – о том, что "самые простые люди называют икону богом, а другие – образом".

Символ – другой тип образа. Он не столько отображает, сколько обозначает (σημαίνει) что-либо в определенных знаках. Знаки эти могут быть как зрительными, так и словесными. Символ – это как бы "неподобное подобие", соотнесенность которого с прообразом нелегко обнаружить. Христианско-богословские тексты полны дешифровок, теологических толкований этих "божественных" знаков и символов [4, I62]. Сочетание 'символ веры' в некоторых текстах выступает как образъ вѣры: ... по почьтении изложения ... зълочьстиваго образа вѣры, составленаго Феодоръмь Мопсуестиатьскыимь – ... τὸ δυσσεβὲς σύμβολον... Ефр. Корм., I05. XII в. С этим значением связано и другое – 'поэтический образ, символ, троп': Георьгия Хуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи суть ·к҃ѕ҃· – ποιητικοὶ τρόποι. Изб. Св. I073 г., л.237 об. [специально об этом см. 5; 7]. Книжныи образъ в приведенной вначале цитате из Повести временных лет следует, видимо, понимать как символику книжной учености. Такую трактовку подтверждают, думается, разночтения, встретившиеся в других летописях: Тѣм же не разумѣемъ писания, ни силы бжия. Переясл. лет., 7; в Ипат. лет., I8 и Соф. I лет.[I], 92: книжнаго разума [ср. иное понимание этого места Ф.П. Филиным как 'книжное написание', 'буквенное изображение' – 20, 27-28].

Особняком стоит значение, выявляемое у слова образъ в цитате из "Хроники" Иоанна Малалы, – 'суть, сущность, идея', которое при-

ближается, вероятно, к значению 'вид', 'форма', откуда – 'внутренний вид, внутренняя форма'.[Орфей] гл҃а же въ списании своемъ сии имена богыня три сила дръжава сущаго бг҃а, его ж никто ж можеть разумѣти образъ ни естества ... Хрон. И.Малалы, IУ, 357. – ἥστινος δυνάμεως οὐδεὶς δύναται γνῶναι ἰδέαν ἢ φύσιν. (74, I7).

Среди других случаев употребления слова образъ в качестве семантической кальки можно указать пример, где образъ имеет специальное значение 'лицо' (как грамматический термин), возводимое к представлению о лице как части внешнего вида: Нн҃е же послѣдствующа рѣчи скажемъ, яже суть се: изложение, залогъ, виды и начрътания, числа, образъ, времена и супружьства ... [далее о том же самом – лице – М.Ч.] Что есть лице рѣчи? Яже кто гл҃еть о себѣ, ли к немуже онъ гл҃еть, или о иномъ не сущемъ ту. (Дамаскин. Грам.) ВМЧ, Дек. I–5, 299, 300. ХУI в. ∽ ХУ в. [ср. 35, 402– 5a23].

Производные слова от корня образ- в переводных памятниках дают материалы для предположения о появлении значения 'письменное изображение, описание', конкретно: специального значения – 'историческое описание', т.е. 'историческое сочинение как жанр', 'история'. Например, в сочинении Козьмы Индикоплова это значение находит отражение в первом корне словоформы образнопищюще (нѣции бо ветхихъ философъ до конца вселенную расмотривше и образнопищюще) Козма Инд., 28. ХУI в. ∽ ХП–ХШ вв. – ἱστοριογραφήσαντες – PG, 88, II6 и образописець (съ бо Ефоръ бысть образописець, якоже в четвертомъ его писании сиа списавъ, повѣда) [там же] – ἱστοριογράφος [там же]. Кстати добавим, что в "Хронике" Георгия Амартола сходным образом переданы греческие слова того же корня: ἱστορικοί (I, I)[I] – образници (Хрон. Г.Амарт., 27); ἱστόρησαν... ἐκ παλαιᾶς ἱστορίας (I, 40)– изъобразиша ... из ветхаго образьствия (Хрон. Г. Амарт., 5I).

Как видим, появление привнесенных значений (равное рождению семантической кальки) происходит в русле использования законов развития семантики языка, такие значения накладываются на исконную основу или продолжают развитие одного из значений слова. Каждое из привнесенных значений имело свою судьбу: оно могло остаться, прижиться в языке (как случилось со специальным значением 'икона'),

[I]Ссылки на греческий текст Хроники Георгия Амартола даются по изданию: Georgii Monachi Chronicon. Ed. C. De Boor. Vol. I-II. Lipsiae, 1904.

оно могло быть сравнительно широко распространенным в определенный период времени (значение 'письменное, историческое описание'), а затем исчезнуть, могло, наконец, оказаться эфемерным гапаксом, как, например, значения 'идея' и 'лицо' (грамматический термин).

Концентрация в одном слове редкого смыслового богатства на этапе складывания славяно-русской письменной культуры привела к его семантической перегрузке. Некоторые тексты (главным образом, богословские) оказываются трудными для понимания. Так, в одном отрывке можно обнаружить соположение нескольких образов с разными значениями: образъ тъ образъ бяше цѣсарьству вьсего мира, въ нихъ же цѣсарьствоваша тогда вавулоняне – ἡ εἰκὼν ἐκείνη ('изображение') τύπος ('отпечаток' > 'символический образ') ἦν τῆς βασιλείας παντὸς τοῦ κόσμου. Изб. Св. 1073 г., 162 об.

Языку, с его своеобразной внутренней логикой, потребовалось перераспределить семантическую нагрузку слова образъ. Некоторые явления этого процесса можно реконструировать. Так, заменой семантических калек в ранних переводах могли выступать заимствования – в Синайском Патерике в одном значении употребляется икона и образъ: Гл҃а ему дѣмонъ: не покланяи ся сему образу (τῇ εἰκόνι) и по семь не борю ся съ тобою, бяаше бо икона (ἡ εἰκὼν) вл҃дч҃ця нашея б҃ця Мария. Патерик Син., 97. XI в. На равных правах со словом образъ в значении 'символ' (примеры выше) встречалось также слово прикладъ: Бѣаше же въ Иерс҃лмѣ на овьчи купѣли нарицяема еврѣискы Вифезда, пять притворъ имущи, въ тѣхъ лежааше множьство ... недужьныихъ ... прикладъ се жидовьскы немощи – σύμβολον τοῦτο τῆς Ἰουδαϊκῆς ἀῤῥωστίας (Сл. Ио. Злат.). Усп. сб., 412. XI–XIII вв.; Второе [крещение] морьмь и облакъмъ, прикладъ бо облакъ д҃хви, а море водѣ – σύμβολον . Ио. екз. Бог., 247. XI–XIII вв.

Поиск адекватного смысла мог выражаться лексическим варьированием однокоренных слов (отчасти это варьирование можно объяснить разностью происхождения памятников). Для значения 'изображение' используются слова изображение и въображение: (1218): Велми бо печашеся [великий князь] о созданьи прекрасных б҃жиихъ ц҃рквии, и многы ц҃ркви созда по своеи власти, въображая чюдными въображении с҃тыхъ иконъ, исполняя книгами и всякыми украшении. Лавр. лет., 443; Все же иконское изъображение [вар. XVI в. воображение] с҃пса н҃шего ... Х҃а и б҃га ... испровръже и съжже – πᾶσαν δὲ εἰκονικὴν ἀνατύπωσιν. Хрон. Г. Амарт., 472. XV в.

∽XI в. В значении 'вид, облик' находим въображение (воображение): Видѣвъ бо нѣкоего мужа страшна, апльскимъ воображением, от стыа трапезы еваглие вземша. ВМЧ, Апр. I–8, I33–I34. XУI в. Можно обнаружить пример употребления слова въображение в значении 'символ'. Дрѣвльняя же образы и сѣни яко истиньнааго въображения ⟨и⟩ начьртания цркви прѣданыя чьтоуще – τῆς ἀληθείας σύμβολά τε καὶ προχαράγματα . Ефр. Корм., I93. XП в. Можно также отметить у лексемы въображение наиболее близкое значение к основной идее слова образъ – 'отпечаток, след': Яко же длань свою и перьсты простре и обрете отъ воска печать, имущю воображение святаго – ἐντύπωμα τοῦ ἁγίου. (Чуд. Артемия) ВМЧ, Окт. I9–3I, I645. XУI в. Ср. употребление однокоренного глагола: Близь святыя Софеи монастырь женскии Панахранъ, да тутъ глава Василья Кесариискаго и стопы святаго апостола Павла на камени воображени добрѣ. Х. Зос., 4. XУI в. ∽I422 г.

Приведенные примеры показывают, как в языке нащупываются пути распределения семантики. Уже в древних памятниках обнаруживаются удачные находки: Въземлющааго грѣхы всего мира агньця Ха ба нашего по чловѣчьскѣууму образу и на иконахъ отъселѣ въ ветъхааго мѣсто агньца въображати заповѣдаемъ – κατὰ τὸν ἀνθρώπινον χαραιτῆρα καὶ ἐν ταῖς εἰκόσιν ἀπὸ τοῦ νῦν ἀντὶ τοῦ παλαιοῦ ἀμνοῦ ἀναστηλοῦσθαι ὁρίζομεν. Ефр. Корм., I93. XП в.

Интересно проследить путь развития абстрактного значения слова воображение – 'способность воображать'; 'мысленное представление кого-л., чего-л.', 'фантазия' [ССРЛЯ, П, 653]. Уже в тексте XП в. глагол той же основы въобразити значит 'мысленно представить себе': Съ пути далече възвращься ... и тѣло свое съкрушено възведъ и дшю немалы озълоби, понеже писание блгобоязньства твоего на руцѣ приях, вьсѣхъ абие забыхъ ... елико убо отъ писании таковыихъ сладъкы⟨и⟩, въобразити дължьнъ еси, колика достояния твори [должно быть: творю] бесѣду твою – εἰκάζειν ὀφείλεις. Ефр. Корм., 495. XП в. Однако такое употребление оказалось единичным. Интересующее нас значение прижилось или появилось позже. Первоначально въображение, так же как и образъ, видимо, было связано, как явствует из приведенных ниже примеров, с идеей отпечатка, отсюда понятно возникновение значений 'изображение' (портрет, икона) и 'вид, облик, образ'. Развитие семантики лексем образъ и въображение на каком-то этапе идет параллельно (можно лишь предположить, что образъ "старше"

въображения). Однако в богословских текстах можно найти примеры особого содержания, где въображение выражает представление о воплощении сверхъестественного, т.е. речь идет об обретении сверхъестественной субстанцией материи (см. в связи с этим иконоборческие споры об изображении бога - иконе). Замечательно такое употребление глагола въображатися: Младѣнци не о себѣ въображаются въ утробѣ, но по повелѣнию б҃жию, д҃ша же свыше от б҃а на вд҃шение посылаетьс⟨я⟩. Корм. Балаш., 339 об. XУI в. В дальнейшем в семантике слова въображение (как и в глаголе въображати) наблюдается сложная контаминация идеальных и материальных представлений; в приводимых ниже цитатах можно говорить о парадоксальном - мысленно представляемом - воплощении: Богъ не сѣдитъ тѣлесно, бо есть воображение се - еже на престолѣ сѣдѣти. Ав. Кн. обл., 600. XУШ в. ~ 1679 г.; Подобаетъ священнику и иконописцу чистым или женитися и по закону жити, понеже священникъ служа божественными словесы составляетъ плоть, ей же мы причащаемся во оставление грѣховъ, и иконописецъ вмѣсто словесъ начертаетъ и воображаетъ плоть и оживляетъ. Подлинник ик., З. XУП в. Так создаются условия для возникновения в слове въображение новой семантики.

В результате всех этих процессов совпадающие значения однокоренных слов изъображение (изображение), въображение (воображение) и образъ (образ) отчасти распределились, однако связь между ними отчетливо выступает и в современном русском языке.

Средневековое представление о подобии, выраженное разбираемыми словами, имеет свою судьбу в античности. Разумеется вопрос этот требует специальных изысканий. Можно указать лишь некоторые моменты. Еще Епикур трактовал образ как "тонкий" отпечаток, оттиск, подобный "плотным" телам (см. в "Письме Эпикура к Геродоту": τούτους δὲ τοὺς τύπους εἴδωλα προσαγορεύομεν - "эти очертания [отпечатки, оттиски] мы называем образами" - перевод С.И. Соболевского [10, с. 535]. Лукреций для передачи идей Эпикура пользуется словами imago и simulacrum [10, четвертая книга поэмы Лукреция De rerum natura].

Идея создания подобия, отпечатка, заключенная в слове образъ, имеет свою особую историю в системе мировоззренческих представлений, связанных со сферой искусства. В первую очередь, речь идет об античной теории мимесиса (μίμησις) как образного подражания искусства жизни. Истоки теории находим у Платона, дальнейшее развитие ее принадлежит Аристотелю. По Аристотелю - вся-

кое искусство основывается на подражании; к подражанию человек, в отличие от других живых существ, склонен по природе; "продукты подражания всем доставляют удовольствие"; изображение потому доставляет удовольствие, что, "взирая на него, приходится узнавать при помощи созерцания и рассуждать" (μανθάνειν καὶ συλλογίζεσθαι). А.Ф. Лосев так комментирует: "Необходимо должен наличествовать некий прообраз, чтобы получилось подражание и удовольствие от подражания ... Бытие есть прообраз художественного произведения. Само художественное произведение имеет своей целью не просто буквально воспроизвести этот или какой бы то ни было другой первообраз. Оно должно заставить нас все время сравнивать художественный образ с художественным первообразом". [9, с. 406–408].

Выражением дальнейшего развития теории подражания является, соответственно, дальнейший подбор специальных слов: "Уже в Ш в. н.э. Филострат, желая провести различение между простой копией и творческим сознанием, ввел наряду с "мимесисом" термин phantasia – слово, в классический период значившее лишь "мысленный образ" и относившееся скорее к гносеологии, чем к теории искусства" [там же, 415–416].

В теории мимесиса, как видим, для оперирования эстетическими понятиями сформирован свой круг лексики, связанной между собой основной идеей.

В данной работе лишь намечены пути исследования славянских и др.-русских средневековых представлений о подобии. Анализ слова образъ – всего лишь шаг в этом направлении. Думается, поставленная проблема заслуживает внимания.

Литература

1. Белорусско-русский словарь, под ред. Крапивы К.К. М., 1962.
2. Бернштейн С.Б., Иллич-Свитыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
3. Болгарско-русский словарь, сост. С.Б. Бернштейн. М., 1966.
4. Бычков В.В. Образ как категория византийской эстетики. – ВВ, 1973, т. 34, с. 151–168.
5. Вагнер Г.К. Статья Георгия Хировоска "О образех" в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. – В кн.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977, с. 139–152.

6. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. М.-Варшава, 1967.
7. Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. Поэтические термины в Изборнике 1073 г. и их развитие в русской традиции (анализ трактата Георгия Хировоска). - В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977, с. 99-108.
8. Колесов В.В. Лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. и древнерусский литературный язык. Там же, с. 108-127.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975.
10. Лукреций. О природе вещей, т. 2. Л. , 1947.
11. Мурьянов М.Ф. Из наблюдений над структурой служебных миней. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981, с. 263-278.
12. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета, сост. Лимонов Ю.А. М., 1982.
13. Словарь донских говоров, т.2. Ростов, 1976.
14. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) под ред. Оссовецкого И.А. М., 1969.
15. Словарь украинского языка, ред. Гринченко Б.Д., т. Ш, Киев, 1909.
16. Словацко-русский словарь. М.-Братислава, 1976.
17. Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. М., 1961.
18. Украинско-русский словарь, т. Ш. Киев, 1961.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I-IУ. М., "Прогресс", 1964-1973.
20. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. - В кн.: Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, т. 80. Л., 1949.
21. Флоренский П. Иконостас. - Богословские труды, т. 2. М., 1972, с. 80-148.
22. Цейтлин Р.М. Об одном приеме анализа значения древнеболгарского слова (о роли косвенных источников). - Palaeobulgarica (Старо-българистика), 1984, 4, с. 33-41.
23. Чернышев В.И. О некоторых русских префиксах и предлогах. - В кн.: Избранные труды, т. I. М., 1970, с. 211-229.
24. Чешско-русский словарь, сост. С.Б. Бернштейн. М., 1966.
25. Шахматов А.А. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916.

26. Эндзелин И. Латышские предлоги, ч. I. Юрьев, 1905.
27. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1926.
28. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, t. IY. Paris, 1970.
29. Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
30. Karłowicz J. Słownik gwar polskich, III. Kraków, 1903.
31. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; (2 vyd.) Praha, 1968.
32. Pfuhl Dr. Łużiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
33. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, I. Ljubljana, 1894.
34. Triomphe R. Ob slave. . – В кн.: Славянская филология, I. IУ Международный съезд славистов. М., 1958, с. 78–92.
35. Weiher E. Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats "Über die acht Redeteile". - AnzslPh, IX, 2, 1977, S. 367-427.
36. Weiher E. Studien zur philosophischen Terminologie des Kirchenslavischen. - WdSl, IX, 2, 1964, S. 147-175.

К.А. Максимович

"О ТРОПАХ, ИЛИ ОБ ОБОРОТАХ РЕЧИ". Трактат Георгия Хировоска в Изборнике Святослава 1073 г. Перевод и комментарий

Для истории древнерусской словесности перевод трактата Георгия Хировоска " Περὶ τρόπων " , включенный в "Изборник" 1073 г., имеет значение, несоизмеримое с более чем скромным объемом этого сочинения. Помимо того, что именно с него следует начинать историю болгарской [2, 90], а также русской [3 , 239] литературоведческой терминологии, указывалось, что трактат Хировоска оказал определенное влияние на древнерусскую поэтическую систему, в частности, на поэтику "Слова о полку Игореве" [13; 12, 550, прим. 2]. Согласно текстологическим исследованиям трактат много раз переписывался в составе "Изборника" [11, 14–15]. Эти обстоятельства обусловили пристальный интерес к трактату со стороны многих исследователей и переводчиков. В 1956 г. был опубликован перевод

полной греческой редакции трактата на английский язык Юстинии Бешаровой параллельно с греческим текстом краткой редакции, славянский перевод которой дан в приложении [I3, 4-43]. Аналогично Бою Ст. Ангелов издал славянский перевод [2, 98-I05]. В Болгарии не однажды выходил новоболгарский перевод трактата [I, 96-I02; 7, 72-74; 8, 457-460]. Представляется полезным познакомить с сочинением Хировоска и русского читателя, для которого чтение славянского перевода может представлять определенные трудности [ср. 4, 287].

Как упоминалось выше, прежние переводы охватывали либо краткую, либо полную редакцию трактата Хировоска. Предлагаемый перевод отражает как краткую, так и полную редакцию Περὶ τρόπων что позволяет сопоставить обе редакции и проанализировать их соотношение.

Перевод краткой греческой редакции сделан по копии Газе и Миллера (I847 г.) Cod. Coislinianus (нач. X в.)[I] и сверен с публикациями Бешаровой и Ангелова. Перевод полной редакции сделан по изданию: Γεωργίου Χοιροβοσκοῦ Περὶ τρόπων ποιητικῶν. Rhetores Graeci ex rec. L. Spengel, vol. III, Lipsiae, 1856, pp. 244-255 с использованием текстологических данных по кодексам Pal. 40 bombyc. (XIII в.) и Pal. 356 bomb. (XIУ в.) [I4]. Ссылки на текст "Изборника" даются по изданию: Изборник Великого князя Святослава Ярославича I073 года. Петербург, I880, л. 237 об. - 240 об.

Основной текст представляет собой перевод краткой редакции трактата. Ниже, в виде сносок помещены дополнения из полной редакции. Отрезки основного текста, отсутствующие в полной редакции, заключены в угловые, а слова, необходимые по смыслу, но отсутствующие в оригинале, - в квадратные скобки. Стихотворные примеры из "Илиады" и "Одиссеи" даются в переводе Н.И. Гнедича и В.А. Жуковского (соответственно), за исключением тех случаев, когда они не совсем точно передают особенности оригинала. Такие цитаты приведены нами в собственном переводе и отмечены астериском (*). После перевода помещены под соответствующими номерами примечания к тропам, а также славяно-греческий регистр терминов.

[I]Эта рукопись не является оригиналом "Изборника" I073 г., но очень близка к нему [6, 500; I0, 23].

Георгий Хировоск

О ТРОПАХ, ИЛИ ОБ ОБОРОТАХ РЕЧИ

⟨Поэтических оборотов имеется 27⟩[1]: аллегория, метафора, катахресис, металепсис, гипербатон, анастрофа, синекдоха, силлепсис, ономатопея, пепиименон, антономасия, ⟨метономасия⟩[2], антифрасис, перифрасис, эллипс, плеоназм, эпаналепсис, эксоха, гипербола, энигма, парабола, антаподосис, просопопея, парадигма, ирония, схема, гистерология[3].

I. Аллегория

Иносказание - это выражение, говорящее что-то одно, а смысл представляющее иной: например, ⟨сказанное Богом змею⟩[4]: "Проклят ты от всех ⟨зверей⟩"[5] (Быт. Ш, I4). Ибо речь [обращена] как будто к змею - [мы] же воспринимаем ее ⟨[как] иносказательно называющую "змеем" дьявола⟩[6].

---

[1]Во всем Ветхом и Новом Писании поэтических оборотов имеется 27

[2]Метонимия

[3]А называются [они] "поэтическими оборотами", потому что в изобилии встречаются у поэтов, превышая обычную норму.

[4]Сказанное в Священном Писании, где говорит змею Бог

[5]Скотов

[6]Соотносительно с дьяволом, то есть иносказательно. Применяется оно также ради величавости и ради приличия. Ради величавости, как это в том [месте, где сказано] о Гере, когда Зевс обращается к ней:

Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Вервь неразрывную? (Ил. ХУ, I8-20)

[А] смысл этого тот, что к [нижней] границе воздуха прилегают земля и вода, которые [поэт] называет "наковальнями", поскольку они тяжелее прочих элементов; а "златая вервь" - разлитое в воздухе сияние от солнечного света, которым пронизан воздух. А ради приличия, как то: "пояс девичий расторгнул" вместо "лишил девственности"; так и у Каллимаха "[ты] возжигал огонь, пока [он] не вспыхнул сильным пламенем" и еще: "сдержи бег бешеных коней, что-

2. Метафора

А перенос - это слово, переносимое с одного на другое[1]. Имеет он 4 вида, а именно: [значение] переводится или с одушевленных на одушевленных, или с неодушевленных на неодушевленные, ⟨или с одушевленных на неодушевленные, или с неодушевленных на одушевленных⟩[2].

С одушевленных на одушевленных, например, когда кто-либо называет царя "пастырем народов"[3] (Ил. П, 243); между тем, собственно "пастырем" называется тот, [кто пасет] скотину; в данном случае и тот и другой одушевленные - как царь, так и пасущий скотину.

А с неодушевленных на неодушевленные, например, когда кто-либо, скрыв уголек в золе, говорит, что "сохранилось пламени семя" (Од. У, 490)[4], или скажет: "Обильно пламя излилось из дров". Ведь литься свойственно [только] жидкостям.

А с одушевленных на неодушевленные, например, когда кто-либо вершину горы назовет "макушкой" или "главой": ведь "макушка" и глава" говорится собственно об одушевленных[5].

бы не совершить поворот по внешнему [кругу], и чтобы они не разбили колесницу о поворотный столб, а ты не ударился бы оземь". Это сказано не буквально - ведь речь у него не об огне и не о скачке, но, будто стыдясь высказать [то], что хотел, он воспользовался иносказанием.

[1] или переносимое со сказанного буквально ради уподобления или выразительности.

[2] (переставлены местами)

[3] ибо "пасти", свойственное одушевленным, перенесено опять же на одушевленных, потому что в точности как пастухам подчинены стада, так и царям те [, кто] под их рукой.

[4] ибо [слово] "семя", относимое, собственно, к рассеваемым плодам, здесь применено к пламени

[5] И еще: "тело рассекшее, ярое жало" (Ил. У, 661), и еще:

Многие, середь пути, не коснувшися белого тела,
В землю вонзяся, стояли, насытиться алчные телом. (Ил. XI, 573). Ибо слова "ярое" и "алчные" и "насытиться", будучи [обозначениями] одушевленных существ сказаны о неодушевленных копьях. Так же точно и [выражения] "на горных макушках " (Ил. П, 456*) и "подножие Иды холмистой" (Ил. П, 824; XX, 59*),когда на-

А с неодушевленных на одушевленных[1] – ⟨как сказано⟩ : "Море увидело и побежало" (Пс. СХШ, 3). Ибо "видеть" говорится собственно об одушевленных.

3. Катахресис

А превратное употребление – это ⟨когда по некоей привычке у кого-либо говорится [нечто,] не являющееся таковым в собственном смысле⟩[2], например, если [он] назовет[3] пластину из меди "медной самшиткой" – собственно "самшиткой" (πυξίδα) называют то, [что сделано] из ⟨дерева⟩[4] – или когда кто-либо называет "рыбаком" до сказать "вершина" или "низ" [горы].

Есть и пятый вид переноса, а именно от действия на действие, как то:

"Замысел в сердце соткав ..." (Од. IУ, 739*).

Ибо "ткать", говоримое о тканях, здесь перенесено на вынашивание замысла.

[1]например, когда Одиссей говорит Аяксу:

Ты, наша башня, погиб ... (Од. XI, 556*)

Ведь "башня", [хотя она] неодушевленная, сказано об Аяксе, который одушевлен. Также: "Море увидело..."

[2]выражение, перенесенное от первоначально поименованного в собственном и истинном смысле на не имеющее имени

[3]назовем

[4]самшита, а поскольку [дощечки], изготовленные из любого другого дерева не имеют названия, мы их также называем "самшитками", превратно пользуясь именем. Также "мужеубийца" собственно – это убивший мужчину, но превратно [так] называется и [убивший] женщину. Также "триерарх" собственно – это начальник триеры, но превратно – и диеры, и пентеры. Равно и "винолитие нектара", ибо "винолитие", сказанное собственно о вине, здесь было сказано о нектаре. Равным образом и "горлышко кувшина", и "колено камыша", и "чрево корабля", и "язык сандалии", и тому подобное. И "считать" буквально [означает] "на счетах", а превратно – "на пальцах". Итак, [хотя] это говорится о буквально поименованных [предметах], превратно говорится и про не имеющих названия. А отличается катахресис от метафоры [тем], что метафорой называется [перенос] с поименованного опять на поименованное, а катахресис – с поименованного на совершенно лишенное названия; например, когда кто-либо назовет "рыбаком"...

(ἁλιέα) того, кто ловит рыбу в озере или ⟨реке. Ведь собственно "рыбак" (ἁλιεύς) производится от слова ἅλς , а ἅλς - это "море".⟩[1]

4. Металепсис

А усвоение - это выражение, усваивающее подобозвучие (τῆς ὁμωνυμίας) от [слова, употребляемого] в собственном смысле; например, когда о быстро бегающем кто-либо скажет "острый в беге" или ⟨характер неуравновешенный назовет "острым характером". Ведь "острый" в собственном смысле говорится об отточенном железе.⟩[2]

5. Гипербатон

А переход - это слово, переходящее от предыдущего через непосредственно следующее [за ним], например, когда кто-либо вместо того, чтобы сказать "помолюсь Господу", скажет "по Господу молюсь".

6. Анастрофа

А переведение - это выражение, переводящее из последования в предшествование без вставки какой бы то ни было части речи; например, вместо [того, чтобы] сказать: "Нас навестил бы", скажем: "Навестил бы нас".

7. Синекдоха

А совосприятие - это ⟨выражение разделяющее и посредством

---

[1] реках. Ведь собственно "рыбак" говорится о том, [кто выходит на лов] в море, а коль скоро промышляющий на реках не имеет названия, мы и его называем "рыбаком", превратно пользуясь именем.

[2] терпкий вкус назовет "острым" вкусом. Ведь "острый" в собственном смысле говорится об отточенном мече, откуда и слово "заострил" применяется к кинжалу или любому другому виду меча. Или, как у Гомера:

Быстрые тут острова Телемах в отдаленье увидел. (Од. ХУ, 298) ибо "быстрому" подобозначным служит "острый" в движении, а подобозвучным [этому последнему] - "острый" по форме. То же самое:

Тевкр, лучник бережливый ...*

то есть "расчетливый" и "меткий". Ибо к "бережливости" подобозначным служит "расчетливость" в трате, а к ней подобозвучным служит "расчетливость" в мастерстве, стало быть, меткость.

одного указывающее на другое⟩[1]; например, когда во время мира вместо [того, чтобы] сказать: "Нет войны", скажем: "Нет оружия войны"[2] или "Бездействует оружие ныне"[3].

8. Силлепсис

⟨А сопричтие – это способ выражения, делающий общим [свойственное] чему-то одному для двух или более; например, когда у двух или трех разные отцы, но имя у отца каждого [из них] одно и то же, мы скажем об этих двух или трех: "[Он] – сын такого-то и такого-то"⟩[4].

---

[1] выражение, посредством одного изъясняющее другой, смежный смысл

[2] ныне

[3] Или совосприятие – это выражение или высказывание, произносимое не в полноте [смысла], но требующее некоего смыслового дополнения извне; имеет же [оно] 4 разновидности: либо по целому указывает на часть, как то: "высушенные быки" вместо "щиты из бычьих кож", а кожа – [это] часть целого и "медная пика" – ибо медь [составляет лишь] часть всей пики. Либо по части целое, как то: "Богиня лилейнораменная Гера" (Ил. I, 595); между тем, от части руки дается понять, что белоснежна она вся. Также "сребронога я Фетида" (Ил. I, 538). Либо по материалу изделие, как то: "Золотом сам он одеялся..." (Ил. УШ, 43) вместо "в золотые доспехи". Либо по символу то, [что им] обозначается, как то: "Скипетром славиться дал тебе..." (Ил. IX, 30) вместо "царской властью", символом которой [является] скипетр.

[4] Сопричтие – это способ выражения, [при котором сказанное] собственно о чем-либо одном принимается для двух или даже более, или способ выражения, переносящий случившееся с одним на другого, как то:

Шумный Борей и Зефир, кои из Фракии дуя... (Ил. IX, 5),

ибо только Борей дует из Фракии, а по сопричтию говорится, что и Зефир дует оттуда; и еще:

Двое хромающи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед... (Ил. XIX, 47–48).

А между тем хромал один Диомед, раненный в стопу, тогда как Одиссей был поражен в бок. Но по сопричтию говорится, [что] и он хромал.

9. Ономатопея

А именотворение – это выражение, возникшее по некоему подражанию и подобию означаемого; например, когда кто-либо называет нечленораздельные шумы "голосами"[1]. Как говорит Священное Писание: "Голос издали тучи" (Пс. CXXVI, I8) то есть ⟨"гром"⟩[2], называя его "голосом" из-за [того, что он] раздается вокруг нас; а "голос" в собственном смысле говорится об исходящем из ума, коль скоро и [слово] "голос" (φωνή) производится [от выражения] "свет ума" (φῶς νοῦ)[3].

I0. Пепиименон

А сотворение – это высказывание, высказываемое по некоему подобию [того], из чего [оно] высказывается; например, когда о глядящем на нас исподлобья с гневом и яростью скажем, что "такой-то посмотрел на меня, как лев".

II. Антономасия

А замена имени – это выражение, посредством определений или [указания] признаков поясняющее имя собственное; например, когда мы хотим упомянуть [в беседе] друг о другом одного из двух или более знакомых нам людей, имеющих [одно] имя, мы не назовем имя собственное[4], но [исходя] из признаков[5] – говоря, по обстоятельствам, "медник" или "плотник"; если же [он] имеет телесные недостатки, то называя "хромым" (если так случится) или "плешивым".

---

[1]которые [исходят от] огня, дерева, камня и подобных [им]

[2]подразумевая гром

[3]Или именотворение – слово или часть речи, созданное в подражание [естественно] возникающим звукам или голосу. Звукам, как то:

Шлем дырявый исторгся и об землю звукнул упавший (Ил. XIII, 530) и еще:

... Так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный (Од. IX, 394). А голосу так:

Охая, руки они пред Афиной все вместе простерли (Ил. VI, 30I*) и еще:

Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших (Од. XII, 265).

[4]из-за тождественности имен

[5]назовем его

I2. Метонимия

А переименование – это когда мы переименовываем содержимое по содержащему, согласно ⟨изречению⟩[1]: "Поучитесь все судящие землю" (Пс. П, I0) вместо "на земле"; или по обитателям обитаемое, например, когда кто-либо назовет распутство "содомским делом": ибо Содом из-за населявших его в то время распутников навлекает на себя порицание[2].

I3. Антифрасис

А противословие – это высказывание, выражающее противоположное через противоположное; например, когда кто-либо назовет слепого "многовидящим"[3].

I4. Перифрасис

А описание – это ⟨выражение⟩[4], обозначающее нечто одно посредством нескольких слов; например, вместо того, чтобы сказать: "Клянусь Богом", ⟨скажем⟩[5]: "Клянусь ⟨страшной силой Божьей⟩"[6]. ⟨Ибо мы ничего более не имели в виду, но только Бога⟩[7].

[1] Священному Писанию

[2] Или переименование – это выражение, посредством звукового сходства (διὰ τῆς ὁμωνυμίας), указывающее на смысловое сходство (τὸ συνώνυμον), как то:

Но, утробы пронзив, над пылавшим Гефестом вращали. (Ил. П, 426). Между тем, Гефест у эллинов – бог и огонь, которые, поскольку, как представляется, имеют [лишь] некое слабое различие, подобозвучны (ὁμώνυμα): и хотя бога называют более невещественным и более божественным, но, поскольку этот Гефест из мифа собственно есть не что иное, как огонь, говорится, что они подобозначны (συνώνυμα). Так же и в этом [стихе]:

Но могучесть в нем скоро Арей укротил смертоносный. (Ил. ХШ, 444) вместо "железо". Так же, когда о вине говорится "Дионис", например: "Вином я был научен, высшим из божеств".*

[3] Или уксус "сластью" или [скажет]: "бледный, как эфиоп".

[4] Избыточное выражение

[5] Говорит кто-либо

[6] Страшным днем Божьим

[7] Ибо посредством этих многих слов говорилось ни о ком другом, кроме Бога. При этом различаются фрасис, перифрасис, метафрасис, экфрасис, антифрасис и симфрасис. А именно – фрасисом называется просто высказывание (λέξις), а перифрасис – это избыточный фрасис, например: "Призови ко мне силу Геракла" вмес-

I5. Эллипс

А недомолвка – это высказывание, произносимое не полностью, но дающее понять последующее; например, когда кто-либо, ⟨заболев и поправившись, или скорбя и печалясь, скажет, опустив дальнейшее, [в первом случае] "я заболел" и [во втором случае] "я бил себя в грудь", [то] недостающее следует понимать как "я поправился" и "обеими руками"⟩ [1].

I6. Плеоназм

А избыток – это когда речь избыточествует ⟨словами⟩, не имея избыточного смысла[2], как то: ⟨"[тот, что] против и напротив, и супротив"⟩ [3]

I7. Эпаналепсис

А повтор – это слово, употребленное дважды ради усиления[4]; например, когда некто, заверяя, что он знает об известном нам деле, скажет: "Знаю об этом, знаю", говоря дважды "знаю", или, имея в виду усилить [значимость] проступка, скажет: ⟨"Дурной

то "Геракла". А метафрасис – это замена слов на большее или меньшее [их] количество, производимая с риторическим изяществом, как нам показывает Метафраст в своих переложениях (μεταφράσεσι). А парафрасис – это замена слов на равное [их] количество, например: "Гнев, богиня, воспой..." (Ил. I, I) сказано парафрастически [вместо] "О ярости, Муза, поведай..." А экфрасис – это подробное описание, ощутимо и почти воочию представляющее нам описываемое – каков его общий вид и красота; например, экфрасис святилища в Александрии или других каких-либо городах. А антифрасис – это [высказывание], обозначающее посредством противоположных [по смыслу] слов противоположное, например: "серебряный эфиоп". А симфрасис – это речевая последовательность или согласование слов, например: "сановнейший новелиссим".

[1] скорбя и печалясь, скажет: "Я бил себя в грудь обеими", надо думать, "руками", или как у поэта: "бия [себя в грудь] обеими", то есть "руками" (Од. ХУШ, 28).

[2] а тот же [самый]

[3] "противник-супротивник" и "против-напротив".

[4] или преувеличения

поступок, дурной".〉[1]

I8. Эксоха

А обособление – это слово, согласно общности значения отдельно, по предпочтению присоединяемое к основному [высказыванию]; таково сказанное Господом: "Расскажите ученикам Моим и Петру" (Мк. XУI, 7). Ибо здесь имя Петра названо в обособлении хотя [оно] и подразумевалось в [словах]: "Расскажите ученикам Моим"; ведь и сам он – один из учеников.

I9. Гипербола

А превышение – это [способ] выражения, превышающий [пределы] истинного ради преувеличения; например, когда кто-либо скажет о 〈быстро〉[2] бегущем, что "бежит, как ветер"[3].

20. Энигма

А загадка – это 〈темное изречение, имеющее в себе скрытый смысл;〉[4] например, вопрос, предложенный Самсоном иноплеменникам:[5] "Из ядущего вышло ядомое" (Суд. XIУ, I4), подразумевая льва, которого убил, и найденный в его пасти пчелиный сот[6]; 〈или, к примеру, назовем рыбака "жнецом вод"〉.

---

[1] "Дурно грешить, дурно".

[2] стремительно

[3] Или превышение – это речь, преувеличивающая истину ради усиления или уподобления. [Ради] усиления, как то:

Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши. (Ил. XX, 227), и:

"... светлей, чем огненный пламень" (Ил. XУШ, 6I0), и:

"... снега белее они" (Ил. X, 437) – ибо [эти выражения] указывают на чрезвычайную высоту [взлета] при беге, и на совсем светлое, и на чрезвычайно белое. А [ради] уподобления, например:

"... и в ристании быстры, как ветер" (там же), и " [Он] был алмазный телом", "пальма стройностью тела", и все подобное.

[4] изречение, имеющее в себе темный и сокровенный смысл;

[5] в котором [он] говорит:

[6] Или, например, такое высказывание: "Через весы не переступать" вместо "[через] справедливость" или "кривокогтых не кормить", то есть "стяжателей избегать", "чернохвостку не есть", то есть лжи не говорить, ибо она впоследствии чернеет, "огонь ножом не разгребать" вместо "того, кто в гневе еще больше не раздражать" (Пифагор у Диог. Лаэрт. УШ, I7–I8, пер. М.Л. Гаспа-

21. Парабола

А притча - это выражение, посредством сходного и известного наглядно представляющее смысл, ⟨например,⟩[1] притча Господня о блудном [сыне] (Лук. ХУ, II-32), в которой [Он] показывает ⟨великую благость Бога,⟩[2] и [то], как милостиво [Он] принимает кающихся.

22. Антаподосис

А соответствие - это пояснение составляющих тему притчи обстоятельств; к примеру, скажем, что, какой речью встретил отец блудного [сына], так и Бог соединяется с людьми, и покажем, сравнив эти темы притчи, [их] подобие.

23. Просопопея

А олицетворение - это, например, когда кто-либо недоушевленным [предметам] придает [свойства] личностей, а иногда и подобающие речи, например: "⟨Небеса⟩[3] повествуют о славе Божьей" (Пс. ХУШ, 2).

24. Парадигма

А пример - это высказывание, содержащее указание на сопоставительное подобие с чем-либо другим, согласно сказанному ⟨Соломоном⟩[4]: "Подражай муравью, ленивец, и следуй путями его"

рова).

Называется "загадкой" и [то, что исходит] от противного, как то: "человек не человек", как евнух из-за неспособности породить себе подобного, или "птица не птица" - летучая мышь из-за кожистых крыльев и наличия зубов, "сидящая не сидящая" - оттого что висит вниз головой, "камень не камень", а именно - пемза, из-за того, что плавает в воде, "метнул не метнул" из-за того, что, метнув, не попал в цель. Бывает и по признаку, например: "Вот две сестры, из которых одна рождает другую, и сама, родив ее, порождается ею". А говорится так про день и ночь. А от иносказания загадка отличается [тем], что первая применяется ради убеждения или разубеждения, либо величавости или [же] приличия, а последняя просто по причине непонятности; [а] также [тем], что первая гораздо понятнее последней.

[1] как например

[2] человеколюбие Бога и благость Отца Своего,

[3] Птицы

[4] у Соломона

(Притч. VI, 6). ⟨А увещает [он] нас⟩ [1] следовать его ⟨предусмотрительности⟩[2], но не естеству.

25. Ирония

А лукавство – это ⟨притворная⟩[3] речь, подразумевающая под противоположным противоположное. Видов же лукавства 4: насмешка, издевка, язвительность, острота. Насмешка (χλευασμός) – это речь, произносимая с улыбкой; например, когда бросившего [в битве] щит ⟨мы, смеясь, называем⟩[4] "мужественным воином". А издевка (μυκτηρισμός) – это язвительная речь с мычанием в нос; например, когда кому-либо, уличенному в дурном [поступке, мы] говорим с укоризной, изводя дыхание через нос: "Доброе и нужное дело ты сделал, приятель, и [достойное] разумного мужа". А язвительность (σαρκασμός) – это речь, посредством хвалебных слов ⟨высказывающая презрение⟩[5], например, когда впавшему, ⟨не снискав почестей⟩[6] в пороки и этим опозоренному, смеясь, скажем: "Ты довел себя до великой славы и чести, приятель". А острота (ἀστεϊσμός) – это речь, язвительная сама по себе; например, когда ни в чем не сведущему [мы] скажем: "Ты, приятель, слава учености".

26. Схема

А фигура – это неправильность [в построении фразы], имеющая оправдание, к примеру сказать: "Господин Иоанн, помилуй его Боже, человек хороший".

27. Гистерология

А последословие – это высказывание, предшествующее [по смыслу, но] произносимое последним[7], к примеру сказать: "Хорошо скончался такой-то и хорошо прожил"[8]. Ведь прежде живет кто-либо, а ⟨тогда⟩[9] [уже] умирает.

---

[1] увещая нас
[2] трудолюбию
[3] снисходительная
[4] кто-либо, смеясь, назовет
[5] высказывающая правду
[6] будучи в чести
[7] и поэтому называемое "первопоследним" (πρωθύστερος)
[8] вместо того, чтобы сказать: "Хорошо прожил и хорошо умер".
[9] потом

Примечания

I. Точная цитата из Бытия Ш, I4: "Проклят ты от всех скотов и от всех зверей земли".

2. В краткой редакции пример на 4-й вид метафоры (с неодушевленных на одушевленных) по существу повторяет пример на 3-й вид (с одушевленных на неодушевленные). В славянском переводе перечислены лишь 2 вида метафоры: "или бо отъ съдѫшьныихъ на несъдоушьнаѣа прѣводитьсѧ или отъ несъдѫшьныихъ на съдѫшьнаѣа " (л.237 г). Пояснение же начинается с видов "отъ съдоушьныихъ на съдоушьнаѣа " и "от бездоушьныихъ на бездоушьнаѣа " (л. 238 а).

3. Славянский переводчик для передачи греческого ὁ ἁλιεύς "рыбак" (от ἡ ἅλς "море") создал неологизм "сланьникъ", исходя из греческого ὁ ἅλς "соль": "Истовоѣе бо иже въ мори наричетьсѧ сланьникъ слано бо море" (л. 238 б).

4. Трифон ("О тропах", Spengel, Ш, I95 (738) дает несколько иное определение: "Металепсис - это слово, являющее подобозвучие (τὸ ὁμώνυμον) из подобозначия (ἐκ συνωνυμίας). Ср. Аноним "О тропах" (там же, 209 (7I7) , Григорий Коринфский "О тропах" (там же, 2I7 (767) (далее ссылки на греческих риторов даются по этому изданию).

5. Более простое определение находим в "Этимологиях" Исидора Севильского (кн. I, гл. 37): "Гипербатон - это переход, когда слово или фраза подвергаются перестановке" (PL , 82, II4). Виды гипербатона: тмесис, анастрофа, гистерология, парентесис и синхесис (там же). У Хировоска пример дается на тмесис - отделение приставки от основы глагола: ἐπιναλοῦμαι τὸν κύριον - ἐπὶ τὸν κύριον καλοῦμαι. В славянском переводе: " Ѣако же се Ѣегда Ѣе рещти призваѭ ѭа речеть къ ѭоу зовомъ Ѣесмь" (л. 238 в).

6. В оригинале иллюстрируется весьма характерное для греческого языка, но нетипичное для славянского явление анастрофы - перемены местами предлога и зависимого слова: ἕως ἡμῶν - ἡμῶν ἕως. Высказано мнение о грамматическом, а не риторическом характере этого примера у Хировоска [5, 78]. В риторике же анастрофа - это вынесение конечного слова одного колона в начало следующего (Аноним, Ш, I33 (64I)) или постановка слова, долженствующего по смыслу быть предыдущим, в постпозицию (Трифон, там же, I97 (742-743)). В славянском переводе: "рекъше въ него же Ѣе мѣста рещти до нас приди речемъ къ намъ доже и приди" (л. 238 в).

8. В краткой редакции пример неясен, перевод сделан предположительно. По Исидору Севильскому, силлепсис - это "высказывание о множественном, завершенное словом в единственном числе или высказывание о единичном, подытоженное словом во множественном числе" (PL , 82, II0).

9. Пример неясен и, очевидно, поэтому не попал в славянский перевод. Традиционно принятое определение дано в полной редакции трактата, ср. "Риторика к Гереннию" IУ, 3I, 42; Квинтилиан "Восп. ор." УШ, 6, 3I; Деметрий "О стиле", 94-95.

I0. Определение почти идентично предыдущему, но пример дан, скорее, на сравнение. Традиция здесь существенно нарушается, поскольку пепиименон обычно отождествлялся с неологизмом, ср. Цицерон "Об ораторе" Ш, 38, I54; Квинтилиан УШ, 6, 32; Деметрий 95-96.

I2. Цицерон, ссылаясь на неких "риторов", называет для метонимии иной вариант - "подмена" (гипаллаге, ὑπαλλαγή) ("Оратор", 27, 93; ср. Квинтилиан УШ, 6, 23).

I3. Этот троп сходен, с одной стороны, с оксюмороном [9, 220], а с другой - с иронией и парадоксом (там же, 9I, 252), "Этим тропом и карлики "Атлантами", и слепые "зрящими" и часто эфиопы зовутся "серебряными" (Исидор Севильский, op. cit., 116).

I4. Греческая клятвенная частица μά переведена по-славянски "тако ми и (бо)" (л. 239 б).

I6. В отличие от Хировоска Исидор Севильский различает плеоназм ("прибавление одного избыточного слова") и перисологию ("прибавление многих избыточных слов") (op. cit., 108).

I7. Несколько иное определение дает ритор Деметрий: "Эпаналепсис - это повторение одного и того же слова-связки в длинных высказываниях" ("О стиле", I96).

I8. Славянский перевод смешивает употребление греческого предлога μετα с родительным падежом ("с, вместе") и с винительным ("после; по, согласно"), поэтому греческое προσνεμομένη ("присоединяемое") осталось непереведенным [5, 82].

20. Анаколуф в переводе ("вопрос, предложенный Самсоном..., подразумевая ...") соответствует оригиналу: τὸ προβληθὲν ζήτημα παρὰ τοῦ Σαφὼν... σημαίνων. В издании Шпенгеля конструкция с родительным абсолютным: σημάναντος.

22. Сходные определения дают Аноним (Ш, 2I2 (723)), Кокондрий ("О тропах", там же, 242 (796)), Геродиан ("О фигурах", там же, I04 (609)). Иначе толкуют антаподосис Квинтилиан (указание

на соответствие сравнения его объекту - "Восп. ор." УШ, 3, 77 сл.) и Деметрий (противопоставление коррелирующих слов и их сочетаний в разных колонах - "О стиле", 23).

23. Пример, по существу, аналогичен метафоре о одушевленных на неодушевленные. Греческому λόγους ἁρμοδίους ("подобающие речи") в славянском переводе соответствует "словеса стрина" - выражение, вызвавшее недоумение уже у И.И. Срезневского [Срз., Ш, 548].

25. Определение иронии почти идентично определению антифрасиса (ср. № 13 и примечание).

26. Идентичное определение приводится у Григория Коринфского ("О тропах" Ш, 226 (778)) и сходное у Анонима (там же, 171 (694)). В трактате Александра "О фигурах мысли и речи" (там же, 9.(422)) различаются "схема" и "солецизм". В славянском переводе греческого ὁ κύριος Ἰωάννης, ὃν ὁ θεὸς ἐλεήσει, καλὸς ἄνθρωπός ἐστιν имеем: "г҃ъ иоаннъ Іего же помилоуи добръ ч҃лкъ Іесть" (л. 240 г). Здесь сделана своеобразная попытка передать синтаксическую неправильность (солецизм) через истолкование ὁ κύριος как "Господь", а не "господин". Поэтому "Бог" (ὁ θεός) в славянском переводе опущено [5, 82]. Однако из параллельного места у Григория Коринфского (Ш, 226 (778)) выводится иная структура этого оборота: ὁ Φίλιππος, ὃν πάντες μισοῦσιν, ἀγαθός ἐστιν -
- "Филипп, которого все ненавидят, [человек] достойный".

Славяно-греческий регистр риторических терминов

видъ (л. 237 г), образъ (л. 240 г)	σχῆμα
възвратъ (л. 238 в)	ἀναστροφή
въименомѣстьство (л. 237 г), выименимѣстьство (л. 239 а)	ἀντωνομασία
въспѧтословиѥ (л. 237 г), въспѧтьсловиѥ (л. 239 б)	ἀντίφρασις
издрѧдиѥ (л. 237 г), изрѧдиѥ (л. 239 г)	ἐξοχή
изобилиѥ (л. 239 в)	πλεονασμός
именотвориѥ (л. 237 г), имѧтвориѥ (л. 238 г)	ὀνοματοποιΐα
инословиѥ (л. 237 г)	ἀλληγορία
лихорѣчье (л. 237 г), лихновьноѥ (л. 239 г)	ὑπερβολή
лицетворье (л. 237 г), лицетвориѥ (л. 240 б)	προσωποποιΐα
напотрѣбиѥ (л. 238 б)	κατάχρησις
нестатькъ (л. 239 в)	ἔλλειψις
окроугословиѥ (л. 237 г), съвратословиѥ (л. 239 б)	περίφρασις
отъданиѥ (л. 237 г), възданиѥ (л. 240 а)	ἀνταπόδοσις
отъимениѥ (л. 237 г), отъименеѥ (л. 239 б)	μετωνυμία
поиграние, поиграниѥ (л. 240 в)	σαρκασμός
порецениѥ (л. 239 в)	ἐπανάληψις
пороуганиѥ (л. 240 б) (л. 240 в)	εἰρωνεία χλευασμός
посладословиѥ (л. 237 г), послѣдословиѥ (л. 240 г)	ὕστερολογία
посмѣѥниѥ (л. 240 в)	ἀστισμός
похухнаниѥ, похоухнаниѥ (л. 240 в)	μυκτηρισμός
прикладъ (л. 240 а)	αἴνιγμα
притъча (л. 240 а)	παραβολή
приѥатиѥ (л. 237 в), приѥатъ(ѥ) (л. 238 б)	μετάληψις
прѣводъ (л. 237 г)	μεταφορά
прѣходьноѥ (л. 237 в), прѣстоупноѥ (л. 238 в)	ὑπέρβατον
сълогъ (л. 237 г), прилогъ (л. 240 б)	παράδειγμα
сънѧтиѥ (л. 238 г)	σύλληψις
съприѥатиѥ (л. 238 в)	συνεκδοχή
сътвореніѥ (л. 237 г), сътвореноѥ (л. 238 г)	πεποιημένον
творьчьстии образи (л. 237 в)	ποιητικοὶ τρόποι

Литература

I. Ангелов Б., Генов М. Стара българска литература (IX - XVШ в.) въ примѣри, прѣводи и библиография. София, I922.

2. Ангелов Боню Ст. Георги Хировоск - за поетическите фигури. В кн.: Боню Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. П. София, I967, с. 89-I05.

3. Берков П.Н. Очерк развития русской литературоведческой терминологии до начала XIX в. Известия АН СССР, т. XXШ, I964, вып. 3, с. 238-247.

4. Буслаев Ф.И. Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., I86I.

5. Велковска Е. Трактатът на Георги Хировоск "За тропите", неговият славянски превод и византийската риторическа традиция. В сб.: Старобългарска литература, вып. I9. София, I986, с. 75-83.

6. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., I842.

7. Динеков П., Куев К.М., Петканова Д. Христоматия по старобългарска литература. София, I96I.

8. Динеков П. Старобългарски страници. Антология. София, I966.

9. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. М., Прогресс, I986.

I0. Дювернуа Д.Ч.А. Записка Д.Ч.А. Дювернуа, содержащая археографическое обозрение части Изборника В. Кн. Святослава I073 г. ЧОИДР, I882, октябрь-декабрь, кн. 4. Москва, I883, с. I-23.

II. Камчатнов А.М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава I073 г. В сб.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., Наука, I984, с. 5-I7.

I2. Лихачев Д.С. Justinia Besharov. Imagery of the Igor' tale in the light of byzantino-slavic poetic theory. Leiden, 1956. Рецензия. Известия АН СССР, т. ХУ, I956, вып. 6, с. 349-552.

I3. Besharov Justinia. Imagery of the Igor' tale in the light of byzantino-slavic poetic theory. Leiden, 1956.

I4. Finckh C.E. Zu Choeroboscus περὶ τρόπων. Ph, Bd. 27., Hft. 1., 1868, S. 539-543.

И.Ю. Елисеева

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЖАНРА РОМАНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

В формирующейся в XVIII в. отечественной науке о литературе учение о литературных родах и видах находилось в центре внимания писателей и филологов [6; 12; 17; 26]. В это время обращение к западной культуре, интерес к античной и новой европейской литературе сделали необходимым освоение русскими писателями сложившихся в мировой литературе жанров и, вместе с тем, переосмысление содержания поэтических форм, традиционных для России[1]. Жанровые наименования, уже имевшие в русском языке собственную историю, представляли собой как бы лексико-семантическую основу терминологии, оказывали влияние на развитие значений и образование терминов на русской почве. Этот процесс отчетливо прослеживается на примере становления значений группы слов, называющих прозаические повествовательные жанры, история которых в XVIII в. связана с развитием новой художественной формы - романа.

В современном русском языке жанровый термин роман имеет емкое значение и называет различные по своим видовым признакам повествовательные произведения. Как известно, для русской литературы периодом, определившим основные жанровые особенности романа, стал XIX в. Именно в первые десятилетия этого столетия устаревает исходное значение термина роман, воспринятое им во французском языке-источнике, 'повествовательное произведение с любовно-авантюрным сюжетом'. В задачи настоящей статьи входит характеристика языковой и отчасти литературной ситуации, определившей условия заимствования и развитие значений слова роман.

Русская читающая публика рано познакомилась с жанром романа благодаря переводным русским повестям и "гисториям", генетически восходящим к рыцарским и любовно-авантюрным романам эпохи Возрождения [10; 8, 3-39; 7]. Источники этих сочинений были самыми разнообразными; сказки, повести, романы, приключения и истории, которые переводились с иностранных (французского, немецкого, англий-

[1] За короткий период времени (30-70-ые гг. XVIII в.) в русский язык вошло несколько десятков иностранных слов, обозначающих литературные жанры: анекдот, баллада, ода, мадригал. Уточнились значения слов, привлекавшихся для называния художественных произведений: повесть, житие, сказка, песнь и др.

ского, итальянского и польского) языков[I]. К началу XVШ в. произведения, бытовавшие в России в многочисленных вариантах, списках и редакциях, имели установившуюся жанровую структуру. Содержание повествований о приключениях заморских королевичей и принцев приспосабливалось переводчиками к своему времени, стране, фольклорным и литературным традициям. Русский рукописный роман представлял собой переплетение элементов западных рыцарских романов, галантных "гисторий" петровского времени, русских волшебных сказок и былинного эпоса [II]. Однако кажущаяся разнородность книжных и устных (фольклорных) элементов, входящих в структуру сказочных прозаических произведений, создавала определенный тип авантюрно-приключенческого романа в его русской интерпретации.

Во второй половине XVШ в. становится необыкновенно популярным западноевропейский, особенно французский,роман.Русское дворянство в оригинале читает прециозные романы м-ль де Скюдери, бытовые - Сореля, Скаррона, м-м де Лафайет, уже знает произведения Дефо, Фенелона, Лесажа, Прево. История русского печатного переводного романа открывается переводом В.К. Тредиаковского романа П. Тальмана "Езда в остров любви" 1730 г. С 30-х по 60-ые гг. XVШ века на русский язык переводились "романы практически всех исторических периодов: греческий роман, роман эпохи Возрождения, барокко, французского классицизма, - и во всех тех разновидностях, которые были известны западноевропейской литературе к тому времени" [21, 131].

Начиная с 70-х гг. издаются оригинальные волшебно-богатырские повести, по своим жанровым признакам близкие переводным романам петровского времени, такие как "Славянские древности или приключения славенских князей" М.И. Попова 1770-71 гг. "Пересмешник, или Славенские сказки.." М.Д. Чулкова 1766-68 гг., "Русские сказки" В.А. Левшина 1780 г. Создаются произведения, написанные в жанре любовно-авантюрного и плутовского романа: "Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда" 1763 г. Ф. Эмина и "Пригожая повариха" М.Д. Чулкова. В 80-х годах выходят в свет классицистические романы М. Хераскова "Золотой прут" и "Кадм и Гармония", по-

[I]Библиографический справочник А.Н. Пыпина, описывающий беллетристические рукописные сочинения первой половины XVШ в., насчитывает около 270 названий текстов, для большинства которых найден европейский оригинал [19].

вести Н. Эмина "Роза" и "Игра судьбы", "Российская Памела" П.Ю. Львова. К концу века в русской литературе сделаны первые попытки создать произведения, относящиеся к разным жанровым типам романа.

Эволюция жанра романа в русской литературе и, в связи с этим, изменение представлений о нем и других прозаических жанрах отразились на становлении значений слов, называющих повествовательные формы. В течение второй половины XVШ в. русским языком осмысливаются иноязычные слова роман и анекдот, формируются жанровые признаки произведений, озаглавленных словами повесть, история, сказка.

Слова повесть и история на протяжении XVШ в. постоянно встречаются в названиях переводных и оригинальных произведений, относящихся к разновидностям жанра романа. Русские переводчики, принявшие эти (понятные читателям) слова для обозначения повествовательных сочинений, последовательно отказываются как от нового термина роман, так и от заимствования французского mémoires , обычного на обложках иностранных книг: "Mémoires de monsieur le marquis d'Argens" 1735 г. – "Приключения кавалера де^{XXX}. Истинная повесть, переведенная из сочинений господина маркиза д'Аржанса" 1772 г. Если в заглавиях французских рыцарских, любовно-авантюрных, плутовских романов стояло слово histoire , то переводилось оно на русский язык также словами повесть или история: "Мурад и Турция, африканская повесть" (XVШ в.) – "Mourat et Turquia. Histoire africaine." Par m-ll de L. Londres, 1752 г. или "История мисс Елизы Варвик" чч. I-2 1788 г. – "Histoire de miss Elise Warwick, traduite de l'anglais", 1787.

Сходную картину смысловых отношений этих слов представляют названия различных русских редакций известного романа "Повести о Бове Королевиче": "Повесть зело печальна и душеболезна о храбром витязе Бове-королевиче и о богатырстве его", "История о славном и храбром витязе Бове-Королевиче и о прекрасной царевне Дружневне и об их похождении", "История и повесть о славном короле Гвидоне и сыне его храбром витязе Бове-королевиче".

Для наименования произведений, написанных в жанре любовно-авантюрного романа, в текстах применялись также различные словосочетания со словом повесть, например, определение любовный (семантическая калька фр. nouvelle galante). Устойчивое сочетание любовная повесть относило само слово повесть к разряду новых

для ХУШ в. литературных терминов: "Но сколько в нынешния времена, продолжал я речь свою, ни гонимы Героические скаски Касандра, Кир великий, Палександр и протчия, однако я лутче позволю молодым людям читать оныя, нежели несчетное число любовных повестей (или nouvelles galantes), которыя вкуса новаго, и тридцать или сорок лет тому как на свет выходить стали" (Маркиз Ш 99) или "Не читай любовных повестей, иначе развратишь оными прямое и здравое разсуждение твоея души, и разум наполнишь чудными понятиями" (Женск. шк. 2). В синонимичном значении употребляются также словосочетания вымышленная, увеселительная, развлекательная и т.д. повесть.

Наряду со словами повесть и история для обозначения жанра романа в ХУШ в. привлекалась сказка. Основной компонент значений слова сказка - фантазия, вымысел, выдумка: ср. тексты начала и конца века - "Точею некоторые о людех в луне, охоты ради своея несколко басен представили, но оные басни якоже известно, неправдивее Лукияновых сказок явились быти" (Кн. мир. 4) и "Он [дедушка Юлии] принял мою повесть за выдуманную сказку, которою хотел я украсить свое путешествие" (Вечера Мармонтеля МЖ IУ I47). Трудно представить себе сказку в заглавиях романов, претендующих на правдивость повествования; слово это, как правило, встречается там, где необходимо растолковать значения заимствований - роман и романц: "Роман, басенная история, сказка, любовная повесть" (ЛЦ П 964); "Эпопиа не требует Завязаний паче чаяния, каковы бывают в Сказках, называемых Романцами" (Трд. Тилем. I 2I). Интересно в этой связи употребление Ломоносова: "Из сего числа [повестей] выключаются скаски, которыя никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют; но только разве разве своим нескладным плетеньем на смех приводят, как скаски о Бове, и великая часть Французских Романов" (Лом. АСС II I08). Здесь слова сказка и роман соответственно обозначают традиционные любовно-авантюрные романы и те, которые автор относит к "чужой" французской культуре. Исследователям проблемы происхождения романа сказка представляется истоком этого жанра, его непосредственной предшественницей. Эта мысль последовательно проводится в переводных сочинениях ХУШ в., посвященных роману: "Они-то первые [Милезяне] переняли от Персов искусство сочинять романы, и трудились над оными толь удачно, что Милетския сказки, то есть их романы, исполненные любовными повестьми, были в великой знати" (Ист. ром. 24).

С другой стороны, в художественной литературе сказка и роман, являясь родственными жанрами, основанными на вымысле и существующими ради развлечения своих читателей, постоянно соприкасаются, переходят друг в друга, заимствуя сюжеты, стиль и даже героев [10]. В раннем переводном рукописном романе, а также в появившихся в России к концу XУШ в. переводных западноевропейских (особенно немецких) писателей сказочные элементы органично входят в структуру произведений. Ср.: "Части его [Стерна] Тристрама Шанди напечатаны повременно. Последния не хуже были первых. Его шуточная сказка о большом носе показалась столько же забавною, как история Лефевра страстного и трогательного" (Муза IУ I8).

В текстах слова роман и сказка выступают как синонимы в тех случаях, когда под словом роман понимают его определенную жанровую разновидность - роман рыцарский, любовно-авантюрный, фантастический, или тогда, когда хотят подчеркнуть одну их самых существенных для того времени характеристик романа - отсутствие достоверности, вымышленность повествования[1]. Так, благодаря общему содержательному признаку - вымышленность повествования - слова роман и сказка часто сосуществуют в тексте тогда, когда речь идет о развлекательном, легком чтении: "Привыкши к одному сахарному слогу, подслащенному любовными нежностями и самою своевольною философиею, к одним сказкам и романам, мы неможем ожидать возвышения нашей души, неможем иметь силы нравственной" (Корифей II I75).

Само слово роман, заимствованное в 20-30 гг. XУШ в. из французского языка в русский, имело в языке-источнике длительную историю употребления и ко времени заимствования применялось в определенных терминологических значениях. Русскими писателями это слово было воспринято уже как сложившееся жанровое обозначение.

В первые десятилетия после заимствования термин роман встречается в иной, сейчас устаревшей форме - романц (романец). Словарь Фасмера мотивирует подобное написание существованием старофранцузской формы romanz [28, 499]. Иная этимология романца приводится в исследовании Е.Э. Биржаковой и др. "Очерки по истори-

[1]Ср. с цитатой из ст. Н.И. Надеждина "Рославлев" I83I г., характеризующей представление о романе нач. XIX в.: "Общее мнение дает поныне роману значение фантастического сцепления необыкновенных происшествий и не отличает его от сказки ничем, кроме большей сложности в составе, искусственности в обработке и занимательности в содержании" [I6, 27I].

ческой лексикологии русского языка XУШ в." [4, 392], в которой, помимо французского языка, указывается еще на один источник заимствования - итальянский язык (ит. romanzo). Одно из первых употреблений слова роман в русском языке приходится на 1720 год: "Понеже не Есоповы фабулы или Махометанские разказы или другие какие романцы в ней [книге] обрящете, но самые святополитичные поступки, ко исправлению совести духа, или ума, сердца, страстей, да и языка" [23, 28]. Форма роман (романец) встречается в текстах первой половины XУШ в. у А. Кантемира и Тредиаковского в жанровом значении. В конце XУШ в. - нач. XIX в. такое написание редко и выступает уже в иронических контекстах, воспринимаясь как уменьшительно-уничижительное образование от слова роман: "Молодые сочинители наши, написав тетрадь басен, стишков, Романец, Комедию - просятся уже в Кандидаты Авторов" (Корифей П 4).

Первоначально литературный термин roman переводился привычным русским словом повесть. Так, Тредиаковский в переводе "Поэтического искусства" Буало - "Науке о стихотворении и поэзии с Французских Стихов Боалодепреовых стихамиж" - последовательно заменяет французское roman на русское повесть. Строкам Буало: "Bientôt l'amour, fertile en tendres sentiments, S'empara du theâtre ainsi que des romans" [30, 259] соответствует у Тредиаковского: "Немедленно любовь, в которой нег обильно, Пленила так Театр, как Повести, насильно" (Трд. СП I 27). А. Кантемир объясняет значение нового для русского языка слова, пользуясь словами с установившимися значениями - повестью 'повествование' и баснью, указывающей на вымышленность, недостоверность фабулы романа: "Принцессу де Клев. Есть же под сим титлом французскои Романц, которои содержит Вымышленную повесть о Принцессе де Клев. Есть же Романц баснь, в которой описуется острыми Выдумками какое любовное дело по правилам эпического стихотворения, для забавы и наставления читателей" (Мн. миров 8).

Заимствование литературного жанра вместе с его обозначением ограничивает семантические возможности литературного термина, который оказывается закрепленным за определенным понятием[1]. Вхождение же слова роман в русский язык осуществлялось на фоне широкого бытования в литературе различных типов любовных повестей и историй, а его осмысление на русской почве совпало по вре-

[1] См. о сходных процессах в других терминологиях 13; 14; 9; 24 .

мени с появлением серьезных исторических, психологических и бытовых романов. Все это позволило слову роман приобрести статус литературного термина, значение которого усложняется и изменяется вместе с развитием самого жанрового понятия.

Уже в первых упоминаниях о романе в России этот жанр характеризует как повествовательный, эпический. Известно, что в поэтике классицизма эпопея занимала главенствующее положение. Слог эпопеи, форма повествования, рассказ об исторических событиях в жизни целых народов, герои и подвиги поэмы - все должно было быть, согласно наставлениям учебников этого времени, величественным и возвышенным. Утверждение об исключительности этого литературного жанра не нуждалось в доказательствах: "Ироическая, инако Эпическая Пиима, и Эпопиа, есть крайний верьх, венец, и предел высоким произведениям разума человескаго" (Трд. Тилем. I I); "Эпическая поэма или эпопея (героическая поэма) есть высочайшее и совершеннейшее произведение стихотворца: в ней соединяются все красоты поэзии" [5, 128]. Поэтики XVШ в., ссылаясь на опыты античных авторов - Гомера и Виргилия, предписывали эпопее особый язык, создать который сочинитель может только через посредство стихов: "Поэзия эпическая или героическая славных мужей славныя описывает дела стихом Гексаметром, с некоторою вероятною выдумкою. Сей род Поэзии есть всех превосходнее" (Аплс ШI 48). В восприятии эпопеи как стихотворного жанра свидетельствуют и попытки написать героические поэмы, предпринятые Кантемиром, Тредиаковским, Ломоносовым, Херасковым.

В опубликованной в 80-х годах статье Беллегарда "Разговор о чтении романов" роман противопоставлен эпопее как прозаическое произведение стихотворному: "Романы суть истинныя эпическия поэмы, прозою сочиненныя. В них наблюдаются теж правила, какия в поэмах стихами написанных; в них предполагаются такия же вещи, однакож по сие время никто не опорочил поэм эпических. Почему надобно оказать снисхождение и романам, за тем, что они суть тогож роду" [3, 103, 104]. Для переводных критических текстов обычно сравнение романа с эпопеей: "Но тем труднее показать правильно и точно, чем отличается он роман от эпопеи. Она также как и роман, есть род вымышленнаго обширнаго повествования; не смотря на то их различают и относят Илиаду к совсем иному роду творений, нежели Том Джонса. Можно бы заключить, что сие различие состоит только в стихах; так что эпопея есть стихотворный роман, а роман прозаическая эпопея. Но сие заключение испровергается тем, что есть эпопеи

не в стихах, как то Телемак, и что древнейшие Французские романы были писаны стихами" (ШВ УІ 202).

Употребление романа в одном ряду с эпопеей происходит параллельно с более регулярным применением этого слова для обозначения иного, не классицистического жанра – любовно-авантюрного романа.

Вхождение слова роман в русский язык по времени совпало с гонениями, которым подвергся роман в 30-ые годы ХУШ в. в Европе, в частности, во Франции [20]. Отношение к этому жанру, сложившееся на его литературной родине, не могло не оказать влияния на становление семантики слова роман. Так как многие увлекательные любовные истории, описания путешествий, мемуары читаются на иностранных языках, без перевода, то и критические замечания предваряют в России появление оригинальных романов. Об этом говорит, например, высказывание Сумарокова о многочисленности романов в статье 1759 г., в то время как, по данным Сиповского, до 60-х гг. издания романов на русском языке все еще были единичны: "Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целаго света" (Труд. пч. 374). В текстах 70-х гг. содержатся сведения о том, что уже в это время романы общедоступны и необычайно популярны. То, с какой легкостью, как быстро роман становится у нас самым распространенным чтением, безусловно свидетельствует о подготовленности русского читателя к восприятию новой художественной формы. Один из первых русских романистов М.Д. Чулков с иронией пишет о соотечественниках, сочиняющих романы: "Она была из тех женщин, которыя сочиняют романы, и пишут предуведомления к оным стихами, чего ради собираются к ней множество остроумных молодых людей" (Члкв Повариха 80); "Стихами я богат, а прозой нажил дом, Сатирами купил карету со стеклом, Романами себя вознес теперь высоко, И славу пространил весьма мою широко" (Члкв Ш 28). Об увлечении романами говорит и следующий отрывок из учебника словесности: "Сколько у нас сочинителей таится во мраке неизвестности! сколько важных творений еще не напечатано! между тем книжныя наши полки завалены кучами эфемерных, ни малого не заслуживающих внимания переводов. – Спросишь нужное сочинение – тебе покажут новость, перевод какого нибудь моднаго романа!" [5, 162].

Для определения значения слова роман (развившегося непосредственно после его появления в русском языке) необходимо наметить основные смысловые характеристики, которые вкладывались в понятие романа писателями и критиками и, что особенно важно, находили

свое языковое выражение в синонимических связях с другими словами, в привлечении русских слов для перевода или толкования иноязычного заимствования, в особенностях и стиле текстов, в которых встречается само слово роман. Как указывалось, от других прозаических произведений первые романы в первую очередь отличал выдуманный развлекательный сюжет, интересный широкому кругу читателей. В течение XVII в. содержательный признак – вымышленность, недостоверность повествования – устойчиво ассоциируется с этим беллетристическим жанром [27]. Однако вместе с развитием литературы изменяется и усложняется сам жанровый признак: во второй половине XVII в. роман связывают не просто с выдуманной затейливой интригой, но с поэтическим вымыслом, фантазией, имеющей реальную почву, с жизненностью повествования, с требованием соответствия "художественной правде".

В переводах иностранных романов, изданных в 60-ые гг., перед русскими читателями раскрывается понимание специфики этого жанра романистами: "Я сие [об отношениях с женщиной] почитаю за возможное в одних только Романах, где люди представляются так, как им быть должно, нежели как они в самом деле бывают" (Хр. бес II 66); "Начало сие [завязка романа] заставит многих думать, что это Роман^{XX}. Вымышленная история" (Марианна 12). То же представление о романе демонстрирует и переведенное в 1783 г. исследование Гюэ "Историческое рассуждение о начале романов": "То, что собственно называют романами, не иное что есть, как вымыслы любовных приключений, написанные прозою с искусством для забавы и наставления читателей" (Ист. ром. 4). Автор акцентирует внимание на жанровом признаке романа – вымышленности повествования, противопоставляя по этому признаку роман и историю. Гюэ, однако, ощущает разницу между художественной достоверностью романа и сказочностью басни, видит отличие между литературной фантазией и аллегорией: "Напоследок поставляю я также и басни вне моей материи: ибо романы суть вымыслы таких дел, кои могли быть, хотя в самой вещи и не были; а басни суть вымыслы таких вещей, коих не бывало, да и быть не могло" (Ист. ром. 10).

Место, отведенное по этому признаку жанру романа среди других прозаических жанров, а именно, где-то между басней – чистым вымыслом и историей – достоверным повествованием, характерно и для отечественных работ по словесности. Так, в определении жанра романа в "Основаниях российской словесности" А.С. Никольского

(1807) на первый план выступают два признака – вымышленность событий и элемент авантюрной занимательности, свойственный европейским романам XVII–XVIII вв.: "Роман есть повесть о выдуманном произшествии, любопытном по стечению каких нибудь необыкновенных обстоятельств" [18, I, 146]. Слово история, обозначающее достоверное прозаическое повествование, часто привлекается в текстах в тех случаях, когда надо указать на эту сюжетную особенность романа: "Нынешний роман отличается вымыслом от Истории, и между тем как приближается к ней представлением характером изложения " (ПВ VI 209) или "История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелаго ума истина имеет особенную прелесть, которой нет в вымыслах" (Крм. Соч. 1814 328).

В иронических контекстах содержательный признак 'вымышленность повествования' становится основным: "Другой Феофил без разбора, без порядка, вольным и не равным пером, то обременяет излишеством свои описания, тяготит слог подробностями, делает анатомию; то вымышляет, увеличивает, опускает истинное в Природе и делает за нее Роман" (Муза I 234). Во второй половине XVIII в. употребление слова роман может приближаться к переносному значению слов сказка и басня – 'вымысел, выдумка': "Сколько Философов составивших системы Поэтические! Почти вся Картезианская Философия есть голый Роман" (Сум. СС IX 298) или "И видеть день от дня яснее, Что чувства, кои всех нужнее – Любовь и дружба – лишь роман?" (Дмгрк. Соч. I 216). Однако изменения, которые произошли в семантике слова роман в нач. XIX в. в связи с быстрым развитием представлений об этом жанре, не могли способствовать становлению такого рода переносного значения. Уже в текстах первой половины XIX в. слово роман используется в ином расширительном значении – 'история отношений влюбленных'[1].

В то время как ни один из поэтических жанров классицизма не предписывал детального, развернутого рассказа о событиях и приключениях в жизни влюбленных героев, сюжет романов, издаваемых в России в XVIII в., обычно строился на любовной интриге. С этой осо-

[1] В это же время становится обычным расширительное применение литературных терминов, заключающееся в перенесении характеристик жанра на жизненные ситуации. Ср.: драма, идиллия, мелодрама, водевиль, фарс. См. о сходных явлениях среди жанровых обозначений XIX в. –[25, 462–483].

бенностью романов связан вопрос о вреде или пользе, которые может принести их чтение. В соответствии с этим наметились и тенденции деления романов на хорошие и "худые", на те, которые представляют художественную ценность, и такие, которые способны только развратить воображение своих читателей [22, 22-26]. Ср.: "Романы, когда они хорошо писаны могут послужить ко образованию вкуса в некоторых частях; но они повреждают сердце тем достовернее, что пленяют его увеселением: чтение худых романов есть язва для ума и сердца" (Эрит. Ш. 158). Романы, относящиеся к "любовным" развлекательным историям, подвергаются безоговорочному осуждению. На любовно-авантюрный роман (кстати, так же, как на оду и панегирик - высокие поэтические жанры) пишутся пародии: "Способ сочинить роман. Возьми 175 увы, 200 ах, 4 пуда вздохов, 7 ведр слез, от 20 до 30 кинжалов и несколько бутылок яду, которым бы могли опиваться герои сочиняемого романа" (Сат. в. 63).

Итак, во второй половине XVШ в. под словом роман обычно подразумевались определенные типы этого жанра - роман любовно-авантюрный, приключенский, плутовской. Вот определение романа, характерное для этого времени: "Роман, прозаическое сочинение, содержащее в себе баснословные похождения любовныя или военныя, любовная повесть, сказка, баснотворение" (ФРЛ^{I} П 460).

К 80-ым гг. XVШ в. в России переведены многие французские романы, стала известна английская, немецкая, испанская проза. Конец XVШ - начало XIX вв. - время увлечения романами Дефо, Ричардсона, Сервантеса, Гёте. В эти годы завершается век классицизма, создаются произведения "чувствительной прозы", раннего романтизма. Именно в этот период (параллельно с использованием слова роман в старом значении) намечаются тенденции к образованию у слова нового терминологического значения.

В текстах конца XVШ в., содержащих признание общественной пользы романа, слово роман встает в один ряд с другими жанровыми обозначениями, прежде всего употреблявшимися только в связи с описанием родо-видовой системы классицизма: "И так, добрые и злые характеры в Героической Поеме, Трагедии, Комедии, в Романе, и так называемыя басни и сказки не заимствуя вида учительскаго научат лучше нежели Краттипп и Крантор; и оставят по себе яснейшие и неизгладимые следы, чем болше в чтении восхищают" (МЕИ П 308 - пер. с нем. ст. "О действии наук над сердцем и нравом человеческим"). Для критических работ обычны попытки ввести жанр романа в общую

систему литературных видов, определить его место по отношению к повести, эпопее, истории, басне, сказке, принять слово роман как узаконенный литературный термин. Показательна статья, переведенная с французского и напечатанная в 1795 г., в которой указывается на различие повестей и романов в объеме: "Роман есть вымышленное, обширное повествование. По сей обширности не трудно различить его от небольших вымыслов, известных под особенным именем повестей" (ШВ УІ 202). И далее: "Когда потом начали, на отечественном языке, последуя образцу древних, писать Историю и вымышлять эпопеи; то с одной стороны повествование рыцарских времен отделились от исторического искусства, а с другой от эпическаго, и остались в виде романов, в середине между ими" (ШВ УІ 207).

В конце ХУШ в. в России уже известны исторические, бытовые, романтические повествовательные произведения, подготовившие новый этап истории романа. Тексты этой поры отражают постепенное переосмысление слова роман, вытекающее из тех изменений, которые произошли в самой структуре, темах, установке произведений, относящихся к этому жанру: "Написать интересной роман в восемь томов, не прибегая ни к чудесам, которыми эпические Поэты стараются возбуждать любопытство в читателях, ни к сладострастным картинам, которыми многие из новейших Романистов прельщают наше воображение, не описывая ничего, кроме самых обыкновенных сцен жизни - для сего потребно конечно отменное искусство в описании подробностей и характеров" (МЖ О русских книгах ІУ 108, 109). Впервые на страницах русских журналов к романам предъявляется требование художественной правды, верного отражения жизни: "Некоторые Сочинители Романов, предприняв писать какого нибудь Мавританина, или Американца, придерживаются только одних имен тех мест, где происходит сцена повествования, и имени Героя своего; а о прочем совсем забывают, как то о нравах и обычаях страны его, вещах весьма нужных, без чего приключение кажетоя невероятным, скучным, натянутым и останавливающим воображение Читателя" (НРЛ примеч. автора перевода П 273, 274). Еще одно важное высказывание, иллюстрирующее становление нового значения слова роман, утверждает необходимость анализа внутреннего мира человека, свидетельствует о появлении в литературе психологического романа: "Только те романы производят подлинный прочный интерес, в которых внешния происшествия и переменяющиеся приключения суть не что иное, как средства, имеющия одну цель: обнаружить, изобразить внутренняго человека" [I, 158].

Н.М. Карамзин, признанный глава нового литературного направления в России нач. XIX в., так объясняет своим читателям популярность романа: "Сей род сочинений [роман] есть без сомнения самый любопытнейший для большей части Публики, занимая сердце и воображение, представляя картину света и подобных нам людей в интересных положениях, изображая сильнейшую и при том самую обыкновенную страсть в ея разнообразных действиях" (ВЕ Ш 60).

Если в толковании литературного понятия роман, судя по высказываниям самих писателей, откликам критических журнальных статей, уже в первое десятилетие XIX в. наметился определенный сдвиг, вызванный расширением содержательных возможностей этого жанра, то для авторов учебников словесности представления о романе остаются в течение нескольких десятилетий фактически неизменными. В трактате Батте "О свободных науках", изданном на русском языке в 1803 г., в отличие от Беллегарда, согласно которому поэмы Гомера и Виргилия могли быть названы романами, проводится различие между романом и эпопеей: "На Гомеровы и Виргилиевы поэмы не должно смотреть как на пустыя Романы, в которых разум руководствуется глупым воображением" [2, 149]. Для Батте жанр эпопеи отличался от романа тем, что основывается на достоверных исторических событиях: "Она [эпопея] есть стихотворное повествование правдоподобных героических и чудесных деяний; в сих словах видно различие Эпопеи с романами, которыя не имеют правдоподобнаго" [там же, 189].

Суждение о романе как стилистически сниженном варианте эпопеи, имеющем вымышленную фабулу, содержится и в "Краткой Риторике" Мерзлякова (1809). Риторика, следуя за составителями учебников конца XVШ в., относит романы к поэтическим произведениям и тем самым как бы допускает их в общепринятую систему литературных жанров на правах эпического произведения: "Роман бывает по большой части повествование вымышленное; но правила в разсуждении расположения и слога суть те же самые, которые относятся к истинным повествованиям. Впрочем сей род принадлежит более к стихотворным, нежели к прозаическим родам; и поэтому Писатель Романа должен знать еще некоторыя наставления Пиитики" [15, 69].

В "Курсе российского слога" В.С. Подшивалова (1796) роман также относится к области поэзии - художественной литературы: "Повести разделяются на стихотворныя, иначе романами называемыя, и на историческия" (с. 103). Под романами здесь понимаются эпические произведения, написанные, в отличие от классических эпопей,

"средним" слогом: "В первых [романах] описывается действительно случившееся происшествие, но с некоторыми прикрасами; либо вымышленное, но с удержанием вероятности и истинны характеров. Слог романов посредственный, хотя и наполненный фигурами, изредка нравоучением, а вообще острыми оборотами" [там же].

Таким образом, необходимость обозначать, называть вымышленные повествовательные произведения, распространившиеся в европейских литературах и переводившиеся в России, вызвало в начале XУШ в. заимствование слова роман. Отрицательные характеристики, даваемые любовно-авантюрным романам в Европе начала - середины XУШ в., и низкий художественный уровень многих изданий и рукописей, заполонивших русский книжный рынок, повлияли на судьбу слова роман в русском языке. Авторы романов, пользуясь старыми жанровыми обозначениями для называния своих произведений - повестью и историей, сознательно избегают слова роман. Во второй половине XУШ в. вместе с обсуждением теоретических проблем, связанных с определением "художественной правды", возможности адекватного отражения реальности в произведениях художественной литературы, постепенно изменяется само литературное понятие "вымышленности, недостоверности повествования". И для иностранных, и для русских критиков слово роман относится к эпическому жанру, прозаическому варианту эпопеи, для которого допустим сниженный стиль и рассказ об обыденных событиях. Начиная с последних десятилетий XУШ в. развитие терминологического значения слова роман идет по пути его постепенного распространения.

Литература

I. Аврора. М., I809, ч. I.
2. Батте. О свободных науках. Спб., I803.
3. Беллегард, Жан Батист М. Разговор о чтении романов. - В кн.: Ист. ром. 9I-I20.
4. Биржакова Е.Э. и др. Очерки по исторической лексикологии русского языка XУШ века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, I972.
5. Борн И.М. Краткое руководство к российской словесности. Спб., I808.
6. Возникновение русской науки о литературе. - М. Наука, I975.
7. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. - Л.: Наука, I970.

8. История русского романа. – М.; Л.: АН СССР, 1962, т. I.
9. Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической и общелитературной лексики. – В кн.: Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука 1965, с. 86–103.
10. Кожинов В.В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М.: Сов. писатель, 1963.
11. Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых Ключей. – М.: Наука, 1964.
12. Курилов А.С. Литературоведение в России XVШ века. – М.: Наука. 1981.
13. Кутина Л.Л. Формирование русского научного языка в первой трети XVШ века. Терминология математики, астрономии, географии. – Л.: Наука, 1964.
14. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем. – В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970, с. 82–95.
15. Мерзляков А. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинении прозаических. М., 1817.
16. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972.
17. Николаев П.А. и др. История русского литературоведения. – М., Высш. шк., 1980.
18. Никольский А.С. Основания российской словесности. Спб., 1807, ч. 1–2.
19. Пыпин А.Н. Для любителей книжной старины.. М., 1888.
20. Разумовская М.В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. – Л.: ЛГУ, 1981.
21. Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982.
22. Сиповский В.В. Из истории русской литературы XVШ века. Опыт статистических наблюдений. – Спб. Имп. АН: 1901.
23. Советы премудрости, или собрание правил Соломоно-сираховых (с ит. яз. пер. Ст. Писарева). М., 1752.
24. Сорокин Ю.С. Из истории русской естественно-научной терминологии и ее литературного распространения (Термин "растение" и его синонимы). – Изв. АН СССР, т. 25, вып. 3. 1966, с. 218–222.
25. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-ые годы XIX века. – М.; Л.: Наука, 1965.
26. Стенник Ю.В. Система жанров в историко-литературном процессе.

В кн.: Историко-литературный процесс. - Л.: Наука, 1974, с. 168-203.
27. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. - М.: Прогресс, 1978.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. III.
29. Что нибудь от безделья на досуге. Еженедельное издание Н.Осипова. СПб., 1800.
30. Boileau-Depreaux N. Oeuvres de Boileau. T. I - Paris, 1928.

Н.Н. Куканова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ТОМНЫЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII-XIX вв.

История семантического развития слов на различных этапах их существования может рассматриваться лишь в динамике, при наблюдении над функционированием системы лексико-семантических единиц языка. В системе языка закрепляются не все, а только сложившиеся и отстоявшиеся лексико-семантические единицы, отражающие крупные узловые моменты в истории развития семантической структуры слова. Исследование таких явлений предполагает рассмотрение характера употреблений слова, его лексических и грамматических связей, семантических филиаций и сдвигов, возникающих при изменении норм словоупотребления.

Не только и не столько типовые употребления, сколько становящиеся или перестающие играть роль системных элементов, зачастую с большей очевидностью демонстрируют динамику развивающейся лексико-семантической системы. Лишь конечные результаты этого процесса становятся достоянием словарей, поэтому мы обратимся к данным словарей соответствующего исторического периода. С другой стороны, сами словари могут представить историю слова не вполне однозначно. Наиболее полная картина семантических изменений слова предстает при наблюдении различных видов источников: это источники, ориентированные на "общий" язык (общее употребление), литературный язык, язык художественной литературы. Для самого понятия "литературный язык" существенным является, какой из функциональных стилей этого полифункционального образования является носителем норм словоупотребления и как это осознается носителями языка. В культурно-историческом плане это важно прежде всего для суждения

о соотношении литературного языка и языка художественной литературы.

Мы продемонстрируем изложенные выше положения на анализе семантического развития прилагательного томный в XVII – первой трети XIX века, времени, когда это слово принадлежало к числу высокочастотных слов русского словарного состава и обладало широчайшим диапазоном словоупотреблений.

Исходное значение этого слова – 'утомленный, изнуренный, лишенный сил' (от тяжелого труда, голода и т.п.). Обычный объект определения – люди, животные. Первые фиксации слова томный, по материалам КДРС, приходятся на конец XVI века[1]. Ср.: "Нужа, государь, была великая, з безводицы лошади померли и сами, государь добре были томны, мало не померли з безводья и з голоду". Гр. Хив. Бух. 294. 1595 г. "А русских казаков толко полтораста человек .. а лошади у них добре томны." АИ III 57. 1615 г.

С контекстами такого рода связано в XVII веке словосочетание томная смерть – то есть, смерть от усталости или изнурения: "И я холоп твой .. в темнице сидячи помираю томною и голодною смертию". Астрах. а. № 1493. Челобит. 1641 г. В материалах КДРС встречается сочетание томная рыба – 'сонная, снулая'. Ср.: "Роспись живой рыбе и отколотым стерлядям. Томные отколотые стерляди". ДАИ 306–307. 1677 г. Сочетание это является устойчивым в руководствах по приготовлению пищи до XIX века, однако словарную фиксацию оно получило лишь в САР 1847.

Основное семантическое развертывание слова томный приходится на XVII век. В ходе исследования выделились четыре основных семантических направления, по которым проходило развитие значений этого слова. В рамках данной статьи мы имеем возможность остановиться лишь на важнейших, узловых моментах истории развития значений прилагательного томный.

I

В начале XVII века слово томный встречается в жанрах деловой письменности в значении 'изнуренный, утружденный, утомленный'. По своей семантике оно корреспондирует со словами томить, томление (в значении 'утруждать', 'изнурение').

Лишь это значение для слова томный фиксирует словарь начала

[1]Все цитаты по источникам XVI–XIX вв. приводятся без конечного ъ в словах, буква Ѣ заменена на е.

века ЛП: томный – утружден – defatigatus, elaboratus, 336. Как и до XVII века, это прилагательное сочетается с именами существительными, обозначающими живые существа, и характеризует их физическое состояние: утомление, усталость. Ср.: "А умеющие солдаты .. чтоб .. никогда в земляной работе не утрудилися и томны не были, но всегдаб они были бодры и опасны, и к бою готовы на всякой час". Псш. РП 48. "Многие лошади от великих маршей зело стали быти томны." ПБП УШ 725.

К середине века расширяются лексические связи слова томный в данном значении за счет его сочетаемости, во-первых, за счет метонимического переноса понятия "усталости" с целого на часть: живое существо – часть тела (томное чрево, глаза, сердце, глава, члены, стопа и т.п.), во-вторых, за счет сочетаемости с существительными, обозначающими объекты нефизического плана (томное чувство, душа, дух). Меняется сфера употребления слова томный: оно встречается, как правило, в жанрах высокой поэзии, а в последней трети века – в сентиментальной поэзии, где высокие стилистические средства предшествующего периода выступают уже как поэтизмы[1]. Так традиционно употребление слова томный у Петрова в "Оде Потемкину" 1775 г. Ср.: "Из края мечет в край тут кита океян; Там томен, движет свой хребет, Левиафан". Птрв 113. Новации в сфере сочетаемости представляют следующие тексты: "⟨Пришлец⟩ возлегши, томны члены живительным покоит сном". Капн. ЛС 142. "Но сила зноя разлиянна принудила меня искать для томных стоп отдохновенья". Там же, 118. "Птица над снегами Порхает томными крылами И где спокоится не зрит". Нел.-Мел. 150.

Стойкая закрепленность за новой сферой употребления меняет и стилистический статус слова: возникает его стилистическая отмеченность. Наиболее частотно в этой серии употреблений сочетание томные глаза, очи: "Сладкий сон смыкает томны очи". Жив. 251. И томные глаза сомкну уже на сон". Мур. Оды 22. С контекстами этого рода связаны поэтические формулы. Таково поэтическое применение слова томный в формулах "томные крыла сна", "томная рука сна". Чрезвычайно важна при этом роль контекста как базы для последую-

[1] О роли метонимических употреблений, способствующих украшению риторической речи, писал М.В. Ломоносов в "Кратком руководстве к риторике" – Лом. АСС УП 51–52.

щих коннотаций, на этой основе развивается поэтическая метафора. Ср.: "Сон томною своей рукою мечты различны разсыпал". Држ. Соч. I 60. "Тако беседующих усладительный сон начал покрывать томными своими крылами, и усыпил их". Хро. Кадм II 90.

Новые ассоциативные связи слова томный расширяют его сочетательные возможности и за счет олицетворений. Ср.: "Пускай кружится безутешна, И томны в понт несет струи ⟨река⟩." Птрв 51. Подобное словоупотребление характерно позднее, в начале XIX века, в частности, для Пушкина[1].

В сочетании с существительными дух, душа, чувство слово томный не изменяет своего исходного значения, но приобретает дополнительный семантический признак 'измученный' (тяжелыми душевными переживаниями). При этом как бы обновляется связь слова томный с глаголом томить в значении 'мучить'. Семантическая неоднозначность подобных сочетаний усиливается за счет функционирования в языке XVII века прилагательного томный в значении 'мучительный, причиняющий страдания' (см. ниже, с. 9). Ср.: "Наполнен злобою жизнь вечную губя, Будь бодр мой томный дух, и не щади себя". Сум. Гамлет 74. "Но коль великая отрада и томным чувствам тут прохлада, Как росу пьют цветы в ночи!" Лом. СС I 96.

Подобное синкретическое значение сохраняет слово томный до конца века в сочетании томное сердце. Ср.: "Дай бог, чтоб щастье там ⟨на бреге Псола⟩ прильнуло К груди усталой от забот; и томно сердце отдохнуло От бурных жизни непогод". Капн. ЛС 193.

Таким образом, для функционирования слова томный в значении 'усталый, утомленный' в XVII веке характерно следующее: 1. Происходит "затухание" реального значения в общей письменности. Значение это исчезает в живом бытовом употреблении и, соответственно, не отражено в произведениях, близких к разговорной речи (комедия); в жанрах деловой письменности такие употребления единичны. 2. Вплоть до XIX века сферой употребления слова томный в этом значении является высокая поэзия, оно широко культивируется в литературе классицизма и сентиментализма.

ССРЛЯ иллюстрирует это значение (с пометой устар.) материала-

[1]Ср.: "Старушка со слезами поцеловала бледное, томное лицо племянницы". Арап Петра Вел. "Напрасно томны очи Ночлега мирного искали в тьме густой". Осгар. Словарь языка Пушкина определяет это значение как 'утомленный, истомленный, усталый'.

ми, в основном, первой трети XIX в. в сочетаниях томная голова, рука.

II

Со значением I 'утружденный, усталый' тесно связано по принципу семантического выведения второе значение слова томный – 'слабый, бессильный', нередко обобщаясь с ним в единый семантический комплекс. В этом значении слово фиксируется текстами с середины XVIII века и сохраняется до конца века в текстах различной жанровой принадлежности , прежде всего в высокой поэзии классицизма, в сентиментальной поэзии и прозе.

В этом значении, так же, как и в I, данное слово выступает в качестве атрибута к словам, обозначающим части тела (око, глаза, нога и т.п.). Ср.: "На предводителя поверженно бревно .. Он сринут побледнел меж трупами бездушных и томным оком зрит окружников послушных". Лом. ПВ 36. К концу века в подобных сочетаниях прилагательное томный употребляется только в поэтических возвышенных славянизированных контекстах. Ср.: "Преклонится от лет слабеющая выя, и томною ногой я должен в гроб ступить". Крм. Ст. 8. В таком значении и употреблении встречается слово томный и в художественной литературе в пушкинское время[I].

Значение 'слабый' в течение века семантически осложняется. Применительно к частям тела и физическим проявлениям жизнедеятельности формируется значение 'выражающий слабость, бессилие' (томные глаза, очи; дыхание, вздох; глас, голос и т.п.). Ср.: "Единственным знаком жизни его было томное, слабое дыхание". Пант. ин. сл. III 208, Такого рода сочетания часто употребляются при описании умирающего человека, смерти. Ср.: "Падет орел и пад сии слова вещал, когда он томный дух из тела изпущал". Сум. Притчи 170. "Хлад и смерть вдруг распростерлись, Очи меркнут ... прервалося ее томное дыханье, И – душа вон, излетела". Рдщв СС I 158. Благодаря таким контекстам значение слова томный в подобных сочетаниях осложняется новыми семантическими нюансами, создается синкретическое значение 'слабый, печальный, тихий'. Ср.: "Там век дожившая ⟨дева⟩ вздох томный изпускает, и вздоху оному ничто не отвечает". МК 1792 УШ 162. "Отчего у страждущих тяжкими болезня-

[I]Ср.: "Усталая рука лежала томная на лире непослушной". Пушк. Именины. "Нет улыбки, томный голос Слабо рощет на устах". Полеж. На болезнь юной девы. Словарь языка Пушкина подобные употребления приводит под значением 'вялый, безжизненный'.

ми приметна бывает иногда на лице улыбка, хотя томная?" Зрит. П I22.

Формирование у слова томный значения 'слабый' (не имеющий достаточной силы, крепости, здоровья; свидетельствующий о слабости, бессилии) вызвало в языке реакцию в виде контекстной реализации его в значениях, синонимически сближающихся с другими значениями слова слабый: 'тихий', 'вялый', 'безжизненный', 'тусклый'. Развертывание смыслов по принципу синонимической аналогии - семантическое явление, очень характерное для русского языка XVШ века. Так в сочетании томный голос значение слова томный семантизируется как 'слабый, тихий'. Ср.: "Он говорит, едва имея томный глас". Кстрв Соч. 253.

Таковы же специфические филиации смысла слова томный в сочетаниях томный взор, зрение, где смысл прилагательного реализуется как 'лишенный силы, ясности, затуманенным сном'. Ср.: "Проснулась Душенька, открыла томный взор". Богд. II0. "Томное зрение, едва ли воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел". Рдщв Пут. 23. Контексты этого рода стали основанием для переносного употребления слова томный - 'спящий'. Ср.: "Тихое утро, опускаясь на томный град, оживляет все, к чему не коснутся влажные стопы его". Муза Ш 67. Сюда же примыкает такой оттенок значения слова томный как 'слабый, тусклый' (об источнике света). Ср.: "⟨Ломоносов⟩ приемлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи досязать не могут николи". Рдщв Пут. 43I.

Широкое употребление прилагательного томный в значении 'слабый' в указанных филиациях вызвало появление его и в жанрах деловой письменности конца века, в частности, в "Домашнем лечебнике" I790 г. (пер. с франц.): "У меланхоликов глаза большие и томные в юношестве, а мерцающие в пожилых летах". Ср. во французском оригинале: leur yeux sont grands et langoureaux dans la jeunesse et sombres dans un âge plus avancé. (Дом.леч. I 364).

С середины века расширяется круг сочетаний прилагательного томный в значении 'слабый' с существительными, обозначающими отвлеченные понятия (старость, здравие, любовь и т.п.). Ср.: "Томная старость, Враждебница она всяким утехам, Придет конечно сморщить Чело, и Тело - все згорбить, Члены ослабить". Трд. Тилем. I I7. "Согрешил пред вами ⟨детьми⟩, отравив жизненные ваши соки, до рождения вашего, и тем уготовил вам томное здравие, и безвре-

менную, может быть, смерть". Рдшв Пут. 201. "⟨Любовь⟩ была слишком пресмыкательна, томна, слаба". Пельск. 147.

Именно в таком значении фиксирует слово томный САР[I] – 'слабый, от томления изнуренный, удрученный': Томный голос. Томное лицо. (При этом томление определяется как 'изнурение сил'). САР[I] УІ 734.

Со значением 'слабый, бессильный' связан такой оттенок значения как 'вялый, безжизненный'. Правда, эта смысловая филиация допускает двоякую мотивировку: возможна связь ее и с исходным значением 'усталый, утомленный'. (Именно так интерпретируют ее Сл.яз. Пушк. и ССРЛЯ.)

Оттенок этот чаще всего в ХУШ веке реализуется в сочетаниях с неодушевленными именами существительными: травка, листки, струя и т.п. Ср.: "Все молчит, кроме стрекозы, сидящей под томною травкою". Крм. Соч. 1803 УП 174. "Что вы, милые цветки! Так поблекли, приуныли; Ваши томныя листки В низ печально опустили?" Капн. ЛС 233. "Томные волны источников". Спб. ж. І 46. С другой стороны, весьма многочисленны сочетания с именами существительными, обозначающими людей, здесь прилагательное приобретает элемент качественной негативной оценки. Ср.: "⟨Узники⟩ унылы, томны, робки, нетокмо не желают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние". Рдшв Пут. 385.

Слово томный как атрибут человека становится ключевым словом в контекстах сентиментальной и романтической литературы конца ХУШ века. Это характеристика романтического героя (героини). При этом "слабость" сопрягается с положительной оценкой качества 'нежный, хрупкий': оно эстетизируется. Ср.: "⟨Любимая⟩ так худа, бледна собою, Так эфирна и томна". Крм. Ст. 55. "По вечерам один, задумчив и смущон, Так томен и уныл Как будто Селадон". Княж. Чуд. 31. При этом следует отметить емкость и многоплановость романтической характеристики, заключенной в слове томный. Это и внешнее проявление (особенности сложения – хрупкость, бледность), и манера держаться (грациозная вялость движений), и настроение (печать меланхолии), – свидетельства тонкой, одухотворенной натуры.

Таким образом, для слова томный в значении 'слабый' характерно следующее:

І. Являясь семантически производным от значения 'утомленный, утружденный', оно контаминирует с ним в ряде контекстов, создавая синкретическое значение 'усталый, слабый от усталости'.

2. Находясь в тесных синонимических отношениях со словом слабый, слово томный приобретает оттенки значений 'вялый, безжизненный', 'тихий', 'тусклый'.

3. Устойчивое употребление сочетаний томный голос, глаза, дыхание, взор и т.п. в сентиментальной и романтической литературе эстетизируется, смыкаясь с 4 значением (см. ниже с. 11).

4. Одновременное функционирование в языке ХУШ века слова томный в значении 3 – 'мучительный, причиняющий страдания' также создает ряд словоупотреблений, где данное слово имеет синкретическое значение 'слабый от мучений, страданий' (см. ниже).

Ш

Третье значение прилагательного томный связано с глаголами томить, томиться, то есть 'причинять или испытывать духовные или физические мучения, страдания'. Структура этого значения сложна и неоднородна. Прежде всего выделяются употребления, объединенные общим компонентом 'мучительный': I. 'мучительный, тягостный, причиняющий страдания'. В этом значении слово фиксируется с 70-х годов ХУШ века преимущественно в сочетаниях с отвлеченными именами существительными: смерть, жизнь, скука и т.п. Ср.: "А если бы возхотел противиться, умрешь в оковах томною смертию". Рдщв Пут. 346. "Принять последнее прощенье от тебя, и кончить томну жизнь, к мученью полюбя". Хрс. Монахиня II. "Нещастных облегчить старайся тяжко бремя, что в горести ведут и в скуке томной время". Спб. ж. I 281. Круг сочетаний слова томный расширяется за счет обозначений конкретных процессов и явлений, состояний, доставляющих мучения. В этом круге сочетаний значение слова несколько ослабляется и прилагательное семантизируется как 'утомительный', 'неприятный', 'скучный'. Ср.: "Хладнокровные критики думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями". Рдщв Пут.440.

2. 'испытывающий мучение, страдание; истомленный страданием'. В сочетаниях с существительными, обозначающими части тела, акцент нередко переносится на понятие духовного страдания. Сочетания томная грудь, сердце, рука – атрибуты "кладбищенской" лиры. Ср.: "О сын мой, смерть тебя отъемлет От томныя груди моей". Капн. ЛС 104. "Влить отраду (блаженство) в томную грудь" – поэтический штамп конца ХУШ века. Значение слова томный в этих случаях можно определить как 'страдающий, томящийся, скорбный'.

В сочетаниях томная душа, дух, ум и т.п. прилагательное нередко семантизируется под влиянием контекста как 'беспокойный, мяту-

щийся, смятенный'. При этом существенную роль в осмыслении прилагательного играют однородные определения, синонимически сближающиеся с ним, или семантически организующие фразу глаголы терзаться, страдать и т.п. Ср.: "⟨Корион:⟩ Какую казнь сулит мне рок ожесточенный! Терзают томный дух ужасные мечты!" Фнв. Корион III. "Не с прежним сердцем несмятенным Касаюсь я сих мест драгих, Но с духом томным – возмущенным вхожу под Тень прохладну их". Спб. ж. I 146.

3. Третий семантический оттенок 'выражающий страдание, мучение' развивается на основе сочетаемости прилагательного томный с именами существительными взор, стон, улыбка и т.п. и обозначает эмоциональное состояние. Часто контекст накладывает на это слово дополнительные оттенки: 'скорбный', 'унылый', 'усталый', 'беспокойный' и др. Ср.: "Ея ⟨Амалии⟩ робкие, ея томные взоры, ея прекрасное лице, омоченное слезами". Безбожн. 76. "И страждущий Петрарк на камень упадает без памяти, без чувств, так холоден, как он, лишь эхо отдает глухой и томный стон". Дмтр. Соч. II. 83.

На базе оттенка 'выражающий страдание' у слова томный развивается ряд синонимических значений, соответствующих ряду прилагательных с общим значением 'печальный' (и его различных модификаций: задумчивый, грустный, печальный, унылый, мрачный, угрюмый, скорбный). Это явление можно объяснить постоянным употреблением слова томный в этом синонимическом ряду в сентиментально-романтических жанрах. Слово томный становится антонимически противопоставленным слову веселый. Ср.: "С некотораго времени характер ея переменился и сделался из веселаго томным". Пант. и. сл. I 165.

Таким образом, для развития слова томный в значении 'мучительный' характерно следующее:

1. Это значение дифференцируется на ряд оттенков (при сохранении основного компонента: 'испытывающий, причиняющий, выражающий страдание, мучение.

2. Оно тесно связано со значениями 'утомленный, усталый' и 'слабый' и в ряде случаев перекрещивается с ними, создавая базу для дальнейших контаминаций.

3. В целом для XVIII века это живое значение, в котором наиболее часто употребляется слово томный для выражения чувств, эмоций, как правило, негативных, со значительной долей экспрессии. По материалам ССРЛЯ значение это живо до середины XIX века и не слу-

чайно иллюстрируется поэтическим материалом. Сл.яз. Пушк. выделяет это значение как основное.

IУ

К концу ХУШ века у слова томный развивается значение, ставшее в XIX веке основным и сохранившее это положение до сих пор: 'Исполненный сладкого томления, охваченный приятной истомой, пребывающий в состоянии душевной расслабленности; устало-нежный'. В словарях ХУШ века слово томный в таком значении не фиксируется, по существу, оно не отражено в лексикографии до ССРЛЯ, хотя словари предшествующего периода выделяют элементы этого значения, связанные с определенными сочетаниями слов. Например, в Словаре Даля: 'томный голос, глаза - нежные' [Даль].

Семантическая структура слова томный в этом значении отличается сложностью. Возникновение подобной структуры подготавливалось выявлением отдельных составляющих ее компонентов. Можно выделить три основных компонента:

I. 'Охваченный истомой, устало-нежный'. Ср.: "Мирослав вел томную, нежную Ксению". Крм. МП 347. "Не поручаю зефирам нести мои чувствования, мои вздохи, к богине этого рая, молодой, прелестной англичанке - белокурой, нежной, томной, чувствительной". Мкрв ММ I 34.

2. 'Выражающий истому, любовное томление'. Ср.: "Притворитесь несколько понежнее, сделайте томные глаза, заговорите тихо и протяжно". Лук. Постоянство 41.

Основная масса употреблений такого рода приходится на последнюю треть века: томный вид, взгляд, объяснения, особенно частотно - томный вздох (вздохи). Ср.: "Он смотрел на нее издали, не вздыхал, не клал руки на сердце с томным видом". Крм. Юл. 80. "Не увидишь , чтобы я у твоих ног захотел ... разтрогать тебя томными объяснениями". Пельск. I30.

3. 'Вызывающий, навевающий истому, сладкое томление'. Этот компонент реализуется в сочетаниях томная мелодия, песнь соловья, звук гитар, игра и т.п. Ср.: "Потом развертывает нотную книгу, играет томную мелодию". МЖ П 273. "Музыкант .. нежною, томною игрою вливал яд сладострастия в души воинов". Крм. Соч. I803 УП 53.

Таким образом, для 4 значения слова томный в ХУШ веке характерно следующее.:

I. Значение сформировалось к концу века в сентиментальной и романтической литературе на основе объединения различных оттенков

других значений этого же слова и синонимичных с ним слов: усталый – выражающий усталость – устало-нежный; слабым – вялый – задумчивый, грустный – пребывающий в состоянии душевной расслабленности; томящийся – выражающий или вызывающий томление, истому.

2. Значение это стало основным для слова томный в XIX веке и широко представлено в прозе и поэзии (особенно в поэзии сентиментально-романтического плана) во всех указанных оттенках.

Проведенное исследование показало, что слово томный во второй половине XVШ – начале XIX века принадлежало к активно развивающимся элементам словарного состава русского языка.

Однако нельзя не заметить, что процесс этот сосредоточен преимущественно в языке художественной литературы. С этим связан характер лексикографических фиксаций данного слова. Слово томный практически во всех особенностях своей семантики, во многих оригинальных моментах своей семантической структуры нашло отражение лишь в двух словарях, составленных в наши дни: в ССРЛЯ и Сл. яз. Пушк. Подобие интерпретаций (применительно к данному слову) объясняется тем, что норма литературного словоупотребления для литературного языка XIX – начала XX веков лежит в сфере языка художественной литературы и теснейшим образом связана с его развитием. Поэтому ССРЛЯ, ориентирующийся на эту норму, с большой полнотой отражает активные процессы, протекающие в языке художественной литературы. Но следует отметить, что семантическая активность слова томный значительно спадает к середине XIX века. Поэтому ССРЛЯ иллюстрирует употребление этого слова по преимуществу текстами, относящимися к 30–40-м годам XIX века.

Словарная традиция XVШ и начала XIX веков не дает представления о реальном употреблении слова томный в письменности. Словари XVШ века ориентируются на традиционное употребление слова в "общем языке" и лишь отчасти – на тексты художественной литературы, преимущественно середины века, на ломоносовские нормы словоупотребления. Поэтому семантическое развертывание слова томный остается за пределами описания САР^{I} и САР^{2}.

Правда, известные сведения о своеобразии семантической структуры слова томный в XVШ веке можно получить из двуязычных словарей этого времени: Ад., Нрд., ФРЛ^{I} и ФРЛ^{2}, Гм.

Стремясь найти реальные русские соответствия различным немецким и французским словам (matt, schmacht; debile, langoureau,

languissant), эти словари используют для их определения слово томный, отчасти фиксируя при этом те новые значения и оттенки, которые развились у него в XVIII веке.

Среди текстовых реализаций слова томный значительна доля индивидуальных применений, разовых (характерных для данного текста) смысловых оттенков и коннотаций. Смысловая структура слова томный, находящаяся в изучаемый период в процессе развития и перестройки, отличается ослаблением строгой дифференциации семантических делений. Отклонения такого рода представляют тот нелексикографируемый остаток, который демонстрирует живую жизнь слова, не укладывающуюся в словари.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ОТДЕЛА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

О Г Л А В Л Е Н И Е

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ч А С Т Ь I

П р е д и с л о в и е 3

ЭТИМОЛОГИЯ. СЕМАНТИКА. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура 9

Смирнова О.И. Древнерусская терминология и культура (семантические модификации слова голова и лексикографическая практика) 30

Хорошкевич А.Л. "А молвит хомутовкою..." Поиск историка 53

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР. ЭСТЕТИКА. РИТОРИКА. ЛИТЕРАТУРА

Шимчук Э.Г. Из истории лексики, связанной с духовным миром человека (др.-русск. тъска и его окружение) 75

Астахина Л.Ю. История группы слов со значением 'игра, развлечение' в русском языке 85

Чернышева М.И. К истории слова образ 97

Максимович К.А. "О тропах, или Об оборотах речи". Трактат Георгия Хировоска в Изборнике Святослава 1073 г. Перевод и комментарий 112

Елисеева И.Ю. Обозначение жанра романа в русском языке XVIII в. 130

Куканова Н.Н. Семантические изменения прилагательного томный в русском языке XVII–XIX вв. 145

ИРЯ
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА
ЧАСТЬ I

Подписано в печать I9.I2.89
Бум. офсетная. Формат 60x84 I/I6. Печать офсетная.
Усл. печ.л. 9,30. Уч.-изд.л. 9,9I. Тираж I000.
Зак. 2176 /5II4 /I. Цена I р.

Типография издательства МАИ
I2587I Москва, Волоколамское шоссе, 4

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Цена 1 р.